

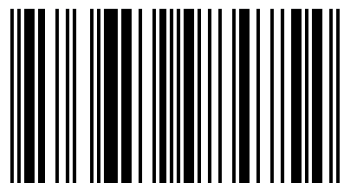
Уязвимая Арктика

В новой, написанной в форме полемических очерков книге Александра Овлащенко, показан процесс внедрения в арктическую политику и стратегию России эколого-ориентированных подходов, проанализированы последовательные усилия различных структур (внутренних и внешних сил) по экологизации морского природопользования в Арктической зоне Российской Федерации, выявлены основные теоретико-концептуальные и практические подходы, используемые в ходе такой экологизации. Книга является логическим продолжением предыдущей работы автора: "Эффект метабазиса: международно-правовые аспекты экологизации морского природопользования во второй половине XX - начале XXI века" (2013).

Александр Овлащенко

Кандидат юридических наук (МГИМО(У)МИД России, 2006), магистр наук управления (Балтийский Русский Институт, 2002). Автор более 90 научных работ в области международного морского права, международных морских отношений, морской политики и дипломатии, военно-морской истории.

978-3-659-98475-4

Уязвимая Арктика

Александр Овлащенко

Уязвимая Арктика

Глобальная экология и экологизм в формате арктической политики и стратегии России

Овлащенко

Palmarium
academic publishing

Александр Овлащенко

Уязвимая Арктика

Александр Овлащенко

Уязвимая Арктика

**Глобальная экология и эколоббизм в
формате арктической политики и
стратегии России**

Palmarium Academic Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

Palmarium Academic Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@palmarium-publishing.ru

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-659-98475-4

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2013 AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
1. Перспективы правового регулирования морского природопользования в российской Арктике: дуализм подходов или их эклектизм?.....	13
2. Домашнее задание на «двойку»: о чем рассказала «рабочая тетрадь» Российского совета по международным делам?.....	39
3. РСМД: кто и как разыгрывает арктическую «дорожную карту»?.....	79
4. СОПС-стратегии и СОПС-законы: сбывшиеся надежды и сбытые идеи «стратегов-прогнозистов».....	95
5. Арктические инициативы <i>WWF</i> России: «гладка шерстка, да коготок остер»	123
Библиография.....	155

Введение

В настоящее время не подлежит казало бы сомнению понимание того, что мир охвачен «глобальным экологическим кризисом». Достаточно объективные оценки подобного «понимания» и предшествовавших ему процессов, происходивших в начале-середине 70-х годов, можно обнаружить в одном из советских исследований тех лет. В дальнейшем такие оценки практически исчезли из советских социально-политических исследований, уступив место «экоориентированным», а то, и попросту эколоармистским взглядам.

«Во многих случаях, – писали советские специалисты, – концепция «глобального экологического кризиса» служит исходной основой для большинства других ненаучных, отвечающих политическим и идеологическим интересам империализма, экологически ориентированных общесоциологических, экономических и политических теорий, моделей, воззрений... Большинство рекомендаций опирается в качестве своего исходного теоретического постулата на концепцию «глобального экологического кризиса», т. е. на гиперболизированное и драматизированное представление о реальной экологической ситуации в мире. ...Нельзя не учитывать, что эти концепции имеют отнюдь не абстрактно-теоретический характер, но очень часто отражают официальные позиции отдельных стран и вполне конкретно воплощаются в их внешнеполитической и дипломатической практике» [Проблема 1976: 329, 348–350].

Например, самим Советским Союзом, международное природоохранное движение использовалось для экологизации «борьбы за мир». Примечательно, что в изданной в Праге книге о «дискуссиях марксистов» были процитированы слова члена ЦК Итальянской компартии профессора Д. Престипино, который в свою очередь ссылаясь на слова «одного итальянского католика» заявил, что «сегодня экология – наука подрывная» [Экология 1972: 12].

Конкретной побудительной причиной работы над настоящей книгой стало относительно недавнее утверждение в России ее высшим политическим руководством ряда программных документов в области арктической политики и стратегии страны. Вполне понятно, что подобного рода документы не появляются сами по себе – их разрабатывают люди, специалисты, или, как принято сейчас чаще говорить – эксперты, «экспертное сообщество». Эти конкретные люди получают теперь от своих коллег-экспертов поздравления в связи с утверждением очередной, разработанной в недрах их учреждений «стратегии». Что же, радость за личные профессиональные, карьерные успехи вполне законна. Отчего нет. Другой вопрос: можно ли поздравить с таким событием страну в целом...?

Один из современных российских авторов очень точно обратил внимание на стремительное усиление влияния различных внешних (зарубежных) сил, «переформатирование» отечественных интеллектуальных элит, в том числе национальных аналитических кадров «в рамках» выгодных только этим внешним силам схем, институтов, алгоритмов и стратегий развития. Прямое следствие этого – в матрице нынешнего «экспертного сообщества» могут удержаться только те, кто говорит «то, что нужно». Будем справедливы, добавляет этот же автор – это не обязательно продажные люди (хотя часто это так), это люди, отобранные после

изучения их установок. И здесь уже действительно наивно говорить о научной ценности работ и выступлений таких «экспертов». Эксперты, которые могут сказать что-нибудь «не то», вычищаются моментально и необратимо. Таковы условия и цена сохранения своего места «под солнцем».

Отсюда исходящая от этих «экспертов» пропаганда – в высшей степени поверхностная, состоящая в подборе лишь того, что подтверждает распространяемые (ретранслируемые) ими взгляды. Нечестное отношение к научному знанию приводит к тому, что сами «эксперты», за ненадобностью этого знания, становятся все менее знающими. То, что началось по расчету, по принципу «цель оправдывает средства», стало вредной и укоренившейся привычкой. Как закономерное следствие: глубокий конформизм поразил российское «экспертное сообщество» и отнимает у него всякое истинно научное значение.

В опубликованной несколько лет назад нашей с профессором И.Ф. Покровским статье было отмечено: «Мы вполне отдаем себе отчет в том, что большинство из участвующих в лоббировании «экосистемного подхода», «методологии» комплексного управления прибрежными зонами (КУПЗ), а теперь еще и «инструментария» морского пространственного планирования (МПП) в России, конечно же не являются сознательными проводниками интересов морской политики США, Европейского Союза, их транснациональных корпораций. Кроме не имеющих твердого национального мировоззрения и прямо (лично) ангажированных отдельных представителей академического мира, либо тех единиц из ученых, кто опирается на определенную экологическую «философско-идейную» основу, для большинства членов российского ученого сообщества причины участия в этом «действе» вполне прозаичны.

...Но, надо помнить о том, что деньги отрабатывать придется, поскольку Запад их очень хорошо считает. Не получится сделать так, как хотелось бы некоторым: да, мы пообещаем «им» реализовать КУПЗ (пожалуй и изобразим кое-что на деле, к примеру, в Мурманской области), и «поселения» (не очередные ли «потемкинские деревни»?) где-нибудь в Кингисеппском районе Ленинградской области будут у нас «устойчивыми», и экосистемы Финского залива «целостными», да и пространства Балтики, в конце концов, распланируем «по морскому». Лишь бы шло финансирование из американских и европейских, иных международных фондов, обеспечивались бы научные гранты.

Такие иллюзии надо оставить. Поэтапное «затягивание» страны в глобальные сетевые системы океанического соуправления, даже, при кажущемся лишь «заигрыванием», ученых в России с теперь уже интернационализированными концепциями и методологиями, будет неизбежно продолжаться. Одна из стратегических целей Запада при этом – добиться, в рамках концепции «устойчивого развития» и с помощью экосистемного подхода, КУПЗ и МПП, так называемой «эко-справедливости», попросту говоря – права доступа к морским природным ресурсам России в ее внутренних морских водах, исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе (в том числе арктическом. – *А.О.*). Но, главное, в не столь отдаленной перспективе получить карт-бланш легитимности в отношении разведки и разработки углеводородных ресурсов российского сектора Арктики, который правда, к тому времени, по имеющимся

планам уже должен перестать быть российским...» [Овлащенко, Покровский 2010(а): 31–36].

Надо признать, что в настоящее время наши оценки трехлетней давности требуют существенной поправки. Ни о каком «заигрывании» говорить теперь не приходится. Речь идет о планомерном, расчетливом, высокоорганизованном внедрении упомянутых «новаций» (своеобразных «*know how*» природоресурсной политики и дипломатии атлантического Запада) в российское морепользование, прежде всего путем их инкорпорирования в ключевые документы морской, а теперь и арктической политики и стратегии России.

«Экологизаторы» российского морского природопользования действуют теперь практически в открытую, вполне «легализовались» и уже почти не скрывают, как это зачастую бывало раньше, свою сетевую структуру, личные связи и контакты. Мы, специалисты не стоящие на таких позициях, едва осмеливаемся переубеждать их, в то время когда они идут сомкнутыми рядами (этакой «экосистемно-КУПЗовской» фрондой) и даже не слушают наших рассуждений, ибо для них вопрос о рассуждениях уже не существует, а задача лишь в победе «любой ценой» (впрочем, конкретно измеримой в материальном плане). Они прямо и бесцеремонно вытесняют везде, где могут противников их взглядов, одновременно создавая свои «устойчивые сети».

Например, во введении к одной из публикаций, доктор географических наук, директор по природоохранной политике WWF России Е. Шварц, озвучив ряд эколоармистских подходов, вслед за этим утверждает, что «единственным эффективным решением» отмеченных им проблем, «является внедрение в практику комплексного управления морским природопользованием, основанного на экосистемном подходе». «Данная концепция, – согласно его мнению (хотя вряд ли здесь обошлось без «подсказки» со стороны юристов-международников СОПС. – А.О.), – находится в полном согласии со всеми конвенциями, подписанными и ратифицированными Россией» [Комплексное 2011].

Наконец, Е. Шварц безапелляционно заявляет: «Всемирный фонд дикой природы (WWF) считает необходимым ускорить внедрение концепции экосистемного подхода в российскую практику управления». Упомянув два мероприятия, которые прошли в России (в Мурманске и Москве) с целью внедрения упомянутого «подхода», он надеется, что предложенные там, а также в самой публикации «рекомендации найдут своего исполнителя (*sic!* – А.О.)» [Комплексное 2011]. Не многовато ли «берет на себя» доктор Шварц, претендуя на инициацию концептуальных основ морского природопользования в России?

Да, действительно России был и остается нужен образованный и компетентный эксперт, нужен был, нужен и теперь специалист в области морепользования. Но это ничуть не значит, чтобы ей нужен был некий обобщенный «эксперт», со всеми его претензиями на «интеллектуальное первенство» в дезорганизованной им же стране.

В самой России главные антигерои отмеченных внедрения и инкорпорирования, это: конкретные люди в ряде российских министерств (Минэкономразвития России, Минрегион России, Минприроды России, МИД России); целые коллективы: ФГБНИУ «Совет по изучению производительных сил»

(СОПС) Минэкономразвития и РАН; ФГБУН Мурманский морской биологический институт (ММБИ) Кольского научного центра РАН; ряд других чиновничьих, научно-исследовательских и образовательных структур.

Зачастую эти антигерои действуют рука об руку с различными зарубежными фондами, их российскими штаб-квартирами, филиалами и представительствами (в самое последнее время наиболее типичный пример – это Российский совет по международным делам (РСМД) и его первые лица). Их верными спутниками и «генераторами идей» в деле экологизации российского морепользования являются «природоохранные» неправительственные организации – зарубежные и российские, иные элементы так называемого «гражданского общества». Есть среди таких антигероев и свои, отдельные «сверхгерои»...

В обоснование приведенного тезиса о «перестроении» отечественных интеллектуальных элит, в том числе национальных аналитических кадров (понятно, что процесс этот отнюдь не одномоментен, а для целого ряда представителей этих «национальных аналитических кадров» он длится, по крайней мере, на протяжении уже нескольких десятилетий; некоторые же «национальные аналитики» были «отформатированы» изначально, в связи с чем, относить их к «отечественным» можно лишь весьма и весьма условно) «в рамках» выгодных только внешним силам схем, институтов, алгоритмов и стратегий развития», можно привести пример с «прикладным анализом» проведенным в относительно недавно изданной книге «Современная мировая политика» (под редакцией доктора политических наук, профессора А.Д. Богатурова).

В основу «аналитического свода», как заявлено в аннотации этой книги, положены «разработки ведущих отечественных международников», а сама книга, рекомендована Учебно-методическим объединением вузов Российской Федерации по образованию в области международных отношений в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям подготовки «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение». Целевой аудиторией книги обозначены: преподаватели, научные сотрудники, магистранты, аспиранты, студенты университетов (немаловажным моментом для понимания приводимой ниже «аналитики» является то, что первое издание этой книги вышло под патронажем американского Фонда Маккартуров).

Нас, собственно, в первую очередь заинтересовал раздел написанный доктором исторических наук, главным научным сотрудником Института США и Канады РАН В.Д. Писаревым, т. е. действительно достаточно авторитетным и давно работающим в этом направлении специалистом. Надо прямо признать, однако, что раздел пособия подготовленный им (как в первом, так и во втором издании книги – это «Дипломатия океанического соуправления») не дает объективной картины, критического анализа происходящих в международных морских отношениях процессов. Создается впечатление, что альтернатив продвигаемому США «океаническому соуправлению» (*ocean governance*) не существует «в принципе», а все внедряемые в международные морские отношения и международное морское право, обеспечивающие и опосредствующие такое «соуправление» подходы (западные, как признает сам В.Д. Писарев) и новации должны восприниматься, как само собой разумеющиеся, безальтернативно, как

возникшие якобы в результате естественного, иначе говоря «эволюционного развития» международных отношений.

Вряд ли в современном учебнике оправдано помещать свои идеи и взгляды в виде неких коммунистических лозунгов, характерных для относительно недавних времен. Например, в подразделе о понятии и основах экосистемного подхода (знакомя читателя с понятиями «экосистемного подхода», «несущей емкости биосферы», прочими «естественнонаучными» новациями, нашедшими свое конкретное отражение в современных международных отношениях и дипломатии, этот автор напрочь избавляет этого самого читателя от сколько-нибудь критического анализа рассматриваемых им проблем) указано: «Сохранение экосистем Мирового океана – магистральное направление (развития советского общества...? – *А.О.*) поддержания устойчивости биосферы».

Рекламируя (по другому авторский подход охарактеризовать трудно) экосистемный подход В.Д. Писарев пишет, что такой подход рассматривает широкий спектр экологических, природных и человеческих факторов, влияющих на социальные решения в области использования океанических ресурсов. Привычным уже штампом звучит утверждение, что экосистемный подход направлен на «содействие устойчивому развитию в океанической сфере». В другом месте своей главы В.Д. Писарев «без тени сомнения» пишет: «Экологическое измерение океанической деятельности считается основой освоения океанического потенциала» [Писарев 2010: 466].

«Логика» экосистемного подхода объясняется В.Д. Писаревым следующим образом: экологическая взаимозависимость на уровне государств усугубляется тем обстоятельством, что национальные и региональные океанические экосистемы выступают компонентами единой экосистемы Мирового океана; океаническая экосистема в свою очередь является частью глобальной биосферы, что предопределяет глобальную трансграничную взаимозависимость всех государств [Писарев 2010: 462]. Согласимся, что лучшее «естественнонаучное» обоснование мондиализации международных отношений придумать будет трудно. Далеко не случайно в этой связи постоянные указания В.Д. Писарева на то, что океаническое соуправление превращается в некий «полигон» для отработки международной системы решения глобальных проблем современности, включая проблему «соуправления глобализацией».

Ретранслируя и более того выдавая за единственно приемлемые западные подходы, В.Д. Писарев сообщает «преподавателям и учащимся» о том, что усилия «международного сообщества» в области освоения Мирового океана «преломляются сквозь призму трех важнейших проблем». Первая – взаимосвязанность природных процессов и антропогенного воздействия на океаническую среду. Вторая – совмещение интересов экономического развития с социальной справедливостью в использовании ресурсов Мирового океана как общего достояния человечества (строго говоря, в отношении всех ресурсов Мирового океана такого «общего достояния» нет. – *А.О.*). Третья – увязывание потребностей государства, мирового гражданского общества (и такое уже существует!? – *А.О.*), бизнеса, неправительственных объединений. Между всеми этими проблемами существует «перекрестная взаимозависимость». Ни одна из них

не может быть решена изолированно и силами одного субъекта. «Именно из этого, – подводит итог В.Д. Писарев, – проистекает объективная необходимость принятия логики глобального океанического соуправления, открывающей возможности выработки согласованного подхода к процессу урегулирования проблем освоения Мирового океана» [Писарев 2010: 474]. *Dixi!*

Таковы в общих чертах взгляды российского историка-международника и политолога В.Д. Писарева на проблемы «глобального океанического соуправления». Понятно, что подобные «научные выводы» от настоящей науки весьма далеки – это, если угодно, тривиальная, лишенная свежести и оригинальности политическая агитация. Как известно, задача политического агитатора – привести людей в такое «состояние», при котором они будут действовать в данном направлении наиболее быстро, решительно, наилегче побеждая или обходя препятствия. Поэтому политический агитатор признает законными требования честности и разумности только в определении цели. В достижении ее он ничем не стесняется. Убедить он согласен какими угодно аргументами, верными или ложными, сильными или слабыми, лишь бы оказали действие. Ему все равно – сплотить «своих» действительно глубоким сознанием общности интереса (в нашем случае «экологического», «биосферно-экосистемного» интереса, «ноосферной солидарности» наконец) или каким-нибудь обманом, выдуманным страхом (все из той же, «экологической области») и т. п. Хорошо и умно все, чем это «сплочение» достигается; плохо и глупо все, что не достигает. Такова, как писал известный публицист, логика политиканства.

Это, именно так, даже если редактор тома А.Д. Богатуров утверждает обратное, что де-мол, «эта книга – результат работы большого количества людей, сосредоточенных на осмыслении (*sic!* – *A.O.*) политических проблем современного мира». Изрядная доля цинизма (в свете только что приведенной работы В.Д. Писарева) присутствует в словах А.Д. Богатурова о том, что «в интересах студента дать ему возможность ознакомиться с разными версиями понимания современности» [Современная 2010: 7, 11–12].

Можно только еще заметить, что этот специалист-американист (В.Д. Писарев) стоит фактически на мондиалистских, даже с некоторыми элементами научной фантастики, позициях. Например, он пишет о «глобальном соуправлении процессом объединения усилий всех жителей планеты на всех уровнях современной жизни в выживании человека как вида и, одновременно, подготовке человечества к жизни во все более интегрированном и сбалансированном мировом сообществе». И далее, о вовлечении «в этот процесс людей всех государств, рас, наций, религий, сфер деятельности и конкретных граждан, ...по всему спектру межличностных и межгрупповых отношений».

Такой процесс построения «светлого будущего», согласно В.Д. Писареву, будет происходить «не на основе применения силы оружия, но с помощью разума и переориентирования сути человеческого существования от потребительства в форме неограниченного экономического роста к устойчивому развитию и сопутствующему духовному развитию, возможности которого безграничны, а результаты могут стать примером для любой внесемной цивилизации» [Писарев 2011: 110–111].

В отношении «инопланетян» судить, пожалуй, сложно, а вот что касается людей, «переориентирования сути человеческого существования», то, нельзя в этой связи не вспомнить слова русского философа, публициста и писателя К.Н. Леонтьева (1831–1891) писавшего о подобном «всесмешении» рас, наций, религий: «На розовой воде и сахаре не готовятся такие коренные перевороты: они предлагаются человечеству всегда путем железа, огня, крови и рыданий...» [Леонтьев 1993].

Кстати, сегодня точно такие же, озвученные В.Д. Писаревым подходы, подкрепленные различными «авторитетными мнениями», применяются в случае «разработки проблемы» глобального потепления. Многие политики утверждают, что вопрос о глобальном потеплении стоит сегодня весьма остро. Европейский Союз называет глобальное потепление «самой страшной проблемой, с которой столкнулась наша цивилизация». Все кандидаты на пост президента США выражают по этому поводу «серьезное беспокойство». Обеспокоенность выражают и другие «мировые деятели».

Так, Альберт Гор, сообщает о том, что данные «нового научного исследования показывают, что никогда ранее не тонуло (якобы из-за «стремительного таяния» арктических льдов. – *А.О.*) такого количества белых медведей, как сейчас». WWF предупредил всех о том, что к 2012 г. белые медведи могут перестать размножаться и, таким образом, исчезнут менее чем за десятилетие. Специалисты этого фонда утверждают, что «белые медведи останутся в прошлом, и наши потомки будут знать о них только из книг». Газета *«The Independent»* сообщает всем, что повышение температуры «означает изгнание белых медведей из Арктики, а «единственное место, где их можно будет увидеть, – это зоопарк».

За последние десять лет эту «историю» затрагивали несколько раз: впервые она была включена в доклад WWF в 2002 г., позднее проанализирована в докладе «Оценка воздействия климата на Арктику» (2004). В обоих докладах якобы широко использованы результаты научной работы, опубликованной в 2001 г. группой специалистов, занимающихся исследованиями белых медведей по программе Международного союза охраны природы и природных ресурсов (*ICUN*).

Анализовавший эту «историю» известный датский политолог и экономист Бьорн Ломборг, получил на свой запрос от этой группы следующую информацию: из двадцати отдельных субпопуляций белых медведей численность одной или, возможно, двух в районе Баффинова залива уменьшается; численность более половины популяций постоянна; а две популяции в районе моря Бофорта в действительности увеличиваются. Более того, благодаря более строгому запрету охоты на белых медведей их популяция в мире за последние десятилетия резко возросла – примерно с 5 тыс. в 1960-х годах до 25 тыс. в 2007 г.

«Вопреки ожиданиям, – пишет Б. Ломборг, – и это не отмечалось ни в одной (! – *А.О.*) из недавних публикаций, – две исчезающие популяции находятся в районах, где последние пятьдесят лет климат становился холоднее, в то время как две растущие популяции проживают в районах, где температура воздуха поднимается вверх. Подобным же образом комментарий Альберта Гора относительно тонущих медведей внушает нам, что процесс изменения климата

ведет к ухудшению ситуации. В действительности был только один случай, когда нашли четырех утонувших медведей через день после внезапного шторма, обшившегося на ту территорию, где популяция медведей растет».

Среди выводов, которые делает Л. Ломборг из «истории» с белыми медведями, есть следующий: мы все время слышим весьма громкие и преувеличенные заявления, которые не подкрепляются никакими доказательствами и фактами [Ломборг 2008: 11–15].

К этому стоит лишь добавить, что «подкрепляются» очень активно и даже напористо, но, как видно из приведенного примера, фальсифицированными и подтасованными «доказательствами и фактами». Автору предлагаемой читателю книги очерков самому удалось побывать (о. Крит, Греция, июнь 2012 г.) на «всемирной передвижной», по сути своей, идеолого-пропагандистской выставке под названием «*Climate Change. The Threat to Life and A New Energy Future*». Выставка была организована *American Museum of Natural History*, в кооперации с Греческим центром морских исследований (*HCMR*) и некоторыми другими греческими организациями.

«Символом» и неким «центром притяжения» мероприятия стало... чучело белого медведя, стоящего на куче промышленных и бытовых отходов, включая старые холодильники и пр., но, на фоне элементов «зеленой экономики – велосипедов и ветровых энергоустановок. Симптоматично в этой связи выглядела запись в книге отзывов, сделанная, судя по всему, вполне искренне одним из российских посетителей этой выставки: «Люди! Что же мы делаем?! Белый мишка на горе мусора...».

Нечто подобное, а точнее, именно это – все та же фальсификация «доказательств и фактов» происходит на протяжении нескольких последних десятилетий в сфере международных морских отношений, в частности, в области оценки биологической продуктивности морей, степени загрязненности Мирового океана и др. [Овлащенко 2013]. Недаром, разыгрывая традиционную для США мессианскую роль, А. Гор, в ряду трудностей с которыми эта страна «должна справиться» опираясь на некое «моральное право», называет «уничтожение рыбных богатств Мирового океана».

Отдельные российские специалисты сегодня считают, что Россия, в отличие от западных стран, «достаточно пассивно использует экологическую риторику (в частности, применительно к Арктике. – *А.О.*), тем самым сокращая свои возможности по отстаиванию национальных интересов» [Гудев 2013(а)]. Правда, как осуществить пожелание по «активному использованию», «во благо России» отмеченной риторики, осуществить некий «асимметричный ответ» в этой области остается не до конца понятным, поскольку, вся экологизация современных международных (морских) отношений в конечном итоге осуществляется в интересах природоресурсной политики развитых западных стран, инициировавших как эту «экологизацию», так и, в перспективе, долгосрочную консервацию морских природных ресурсов [Овлащенко 2013].

Словом, вопросов здесь пока еще остается больше, чем имеется на них ответов, поэтому книга написана в жанре научной публицистики, а сам материал облечен в форму полемических очерков, которые и предлагаются вниманию

заинтересованного читателя. Согласно мнению одного из уважаемых публицистов – публицистика есть оценка текущей жизни или того, что способствует уяснению текущей жизни. Мерило для такой оценки нам дает то или иное мировоззрение, и публицистика является его проводником, прибегая для этого к помощи всего, что может его осветить и уяснить. Таким образом, публицистика имеет полное право вторгаться и в область науки, не может даже без этого обойтись. Однако победа для публициста не есть принижение противника, победа для него – это возвышение своих сторонников.

1. Перспективы правового регулирования морского природопользования в российской Арктике: дуализм подходов или их эклектизм?

Анализ целого ряда опубликованных за последние годы работ иностранных авторов показывает, что разброс мнений относительно тенденций развития межгосударственных отношений в Арктике, путях решения арктических проблем относительно невелик. В любом случае в таких работах все так или иначе укладывается в рамки концепции «соуправления» (*governance*): либо в пределах заданных Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., либо последующей институционализацией соответствующих международных структур [Stokke 2007: 402–408; Young 2009: 423–442; Hoel 2009: 443–456; Berkman, Young 2009: 339–340; Efferink 2012: 3–8]. В контексте этого высказываются например пожелания идти по пути дальнейшего усиления «политического веса» Арктического Совета [Axworthy 2010]. Именно в таком «диапазоне» выдержана официальная позиция Европейского Союза в отношении Арктики [Овлащенко 2009: 28–36]. Ясно, однако, что для национальных арктических интересов России – это по существу является «двумя сторонами одной и той же медали».

А каким же видится будущее правового режима Арктики самим российским правоведам, в частности юристам-международникам? Послушаем голос науки!

К немалому удивлению, при изучении российской правовой литературы – если подходить к такому изучению с точки зрения зафиксированных в Морской доктрине Российской Федерации на период до 2020 г. [Морская 2001] интересов национальной морской политики России на Арктическом региональном направлении – наглядно проявляется двойственность позиции некоторых авторов, а то и полное ее несоответствие упомянутым интересам. Кстати, в самое последнее время это особенно отчетливо видно на примере деятельности Российского совета по международным делам (РСМД). В частности, в разработанной РСМД «Дорожной карте международного сотрудничества в Арктике» большие сомнения вызывают сами концептуальные основы этих предложений (среди авторов этих предложений есть и юристы-международники: Д.К. Бекашев, П.В. Саваськов, Е.Н. Хмелева (специалист в области международного и национального экологического права), а также биолог А.И. Глубоков и руководитель этого авторского коллектива, историк А.В. Загорский) [Арктика 2012].

Очевидно, что своеобразным отправным моментом для выработки последующих, весьма эклектичных точек зрения некоторых представителей российской международно-правовой науки, стали, памятные всем, делегированные с Запада и, соответственно, инкорпорировавшие в себя многие западные политико-правовые подходы, «мурманские инициативы» поборника «примата общечеловеческих ценностей» М. Горбачева. Последний в частности предлагал «обжить» Арктику «на благо... человеческих интересов и приарктических государств, и Европы и всего международного сообщества» [Речь 1987]. Это было ничем иным, как лицедейским озвучиванием «потуг» атлантического Запада в отношении хотя бы части морских природных ресурсов российской Арктики.

Своеобразное идейное обоснование в этом вопросе дал позднесоветским теоретикам В.И. Вернадский (1917). С интернационалистических, фактически же, с

мондиалистских позиций он считал, что Арктика «должна нами охраняться как общечеловеческое достижение, делающее более доступным, более исполнимым наступление единой мировой организации человечества». Это позволяет сегодняшним эквilibристам «устойчивого развития» в «Циркумполярной Северной области Земли», говорить о том, что В.И. Вернадский, «еще 88 лет назад думал об устойчивом развитии» [Додин 2005: 23]. И, тем самым, откровенно признавать тождественность этих категорий: революционной «единой мировой организации» и нынешнего «устойчивого развития».

В политико-прикладном плане в США, в директиве от 5 января 1979 г. было предусмотрено проведение экологической экспертизы для некоторых типов «крупных федеральных проектов» за пределами страны, а также для программ, связанных с «глобальными общими достояниями»: океанами, атмосферой, арктическими районами. Впрочем, уже для советских авторов не было «секретом», что внедрение «процедуры» экологической экспертизы в международную практику США и некоторых других развитых стран обусловлено не столько природоохранными соображениями, сколько стремлением овладеть «экологическими рычагами» внешнеэкономической экспансии, стремлением выработать новые формы завоевания внешнего рынка [Евдокимова, Соколов 1982: 112–113].

И последствия овладения такими «рычагами» не заставили себя долго ждать. Вскоре после выступления М. Горбачева «стало известно», что Арктика, включая ее прибрежную зону, оказывается, «находится на грани экологического взрыва» (Правда. 1988. 15 нояб.).

Одним из советских специалистов, вполне «реализовавших себя» в свете новых политических настроений и общегосударственных «нестроений» (в том числе, сделавшим «правильные выводы» из мурманских речей М.С. Горбачева), стал директор Мурманского морского биологического института (ММБИ) Кольского филиала АН СССР Г.Г. Матишов. В том же 1988 г., проделав «реверанс» одновременно и в сторону официальной «естественно-партийной» идеологии, и в сторону, уже набравшему силу на Западе «экосистемному подходу» (монография Г.Г. Матишова: «Эволюционный подход к изучению морских арктических экосистем», Апатиты, 1988) он, в дальнейшем, с изрядной долей экоалармизма продолжал развивать отмеченный подход.

В опубликованной в 1990 г. в журнале «Природа», статье с симптоматичным заголовком «Море на грани опустошения», этот советский географ-рыбовед попытался убедить своего читателя (понятно, что с использованием «экосистемного подхода») в том, что главный вред экосистемам Баренцева моря нанесла работа рыболовецких флотилий, их «бесконтрольная сорокалетняя деятельность при чрезмерно высокой добыче» (а также, в плане загрязнения морской среды, деятельность военно-морских флотов СССР и НАТО). Согласно Г.Г. Матишову, этот его вывод, «ярко характеризовался» падением численности сельди, мойвы и трески.

Мельком упомянув годы с низкой урожайностью поколений сельди (а под влиянием природных климатических факторов запасы увеличиваются или уменьшаются в десятки и даже сотни и тысячи раз (например, арктическая треска,

минтай, сельди, сардины, иваси, осетровые) [Вылегжанин, Зиланов 2000: 61]), «справедливости ради», заметив, что столь быстрому падению численности мойвы в конце 70-х – начале 80-х годов способствовало и ее «естественное уничтожение хищниками, главным образом беломорской популяцией гренландского тюленя», чьи миграции, в свою очередь «были связаны с ареалами мойвы, и треской, которая потребляла до 2–3 млн. т мойвы в год», этот автор «мягко подводил» читателя к выводу о том, что «исчезновение даже одного звена в экосистеме когда-нибудь (! – *А.О.*) да скажется на ее состоянии, исказит структуру».

При чтении статьи, что называется «невооруженным глазом» видно, как академик постарался убрать вопросы связанные с популяционными волнами численности – присущими всем видам периодическими и аperiodическими изменениями численности особей в результате влияния абиотических и биотических факторов, воздействующих на популяцию [Реймерс 1990: 77], не то, что на «второй план», а постарался лишь вскользь упомянуть о них. А ведь в науке нравственная составляющая проявляется в интерпретации первичных данных...

Г.Г. Матишов подчеркивал, что в популяциях трески произошли «серьезные изменения» и вызваны они тоже промыслом. «По мере развития тралового промысла, – писал он, – в уловах все меньше оказывалось рыб старшего возраста: к 70-му году фактически исчезла 15–20-летняя треска, к 80-му почти не осталось 10–15-летней. Сейчас основу промысла составляют 3–6-летние рыбы. Интенсивный промысел оказал заметное влияние на возрастную структуру популяций трески. К началу 80-х годов увеличились темпы ее полового созревания: если в 50–60-е годы треска становилась половозрелой в основном в 8–10 лет, то сегодня (т. е. в конце 80-х годов. – *А.О.*) в уловах обнаруживается от 5 до 20% половозрелых 3–5-летних рыб» [Матишов 1990: 31–32].

Для статьи с названием «Море на грани опустошения», приведенные этим автором цифры и соответствующие, его же «итонации» изложения, не оставляли читателю сомнений – все очень плохо. Но, так ли это было в действительности?

Вот, что писал еще в 1971 г. другой специалист, сотрудник Полярного института рыбного хозяйства К.Г. Константинов: «...Тридцатилетняя треска встречается, пожалуй, реже, чем, чем столетние люди. В промысловых уловах преобладают рыбы не рекордного, а среднего возраста, например, в Баренцевом море – треска 4–7 лет длиной 45–65 см и весом 1–2 кг. Таким образом (! – *А.О.*), треска в Баренцевом море растет довольно быстро и до наступления половозрелости ежегодно увеличивается в длину примерно на 10 см» [Константинов 1971: 25].

Дальше, в изложении Г.Г. Матишова, можно было без труда обнаружить уже хорошо знакомые «рахдонитские сюжеты»: «Одни из приведенных здесь антропогенных факторов уже отразились (не лучшим образом) на состоянии биоты Баренцева моря, влияние других пока не совсем ясно. ...А, впрочем, если бы мы знали обо всех последствиях своей деятельности, сумели бы умерить стремление обеспечить себе благополучие сегодня ценой больших потерь природных ресурсов, которыми могли бы пользоваться наши потомки?». При этом больше всего этого специалиста-экосистемщика (как и США) волновало то, что по планам, в Арктике

– Норвегией и СССР – с середины 90-х годов начнется «промышленная добыча и перекачка нефти».

«Морские воды, – делал хорошо знакомый вывод Г.Г. Матишов, – как ветер (вот это, уже была своеобразная «новелла»! – *А.О.*), не знают государственных границ – антропогенные изменения, возникшие в одном месте, распространяются и на другие». Что же, в связи с этим, советовал в практическом плане этот специалист-географ: «Чтобы стала, наконец, ясна динамика различных процессов, появились (значит их, при всех приводимых Г.Г. Матишовым «страшных цифрах», фактически и не было? – *А.О.*) доказательства того, сколь пагубно для будущих поколений сегодняшнее стремление добыть из моря как можно больше, необходима международная кооперация в разносторонних исследованиях морей и их обитателей. Этому могла бы служить международная сеть морских биосферных заповедников, но их прежде нужно организовать» [Матишов 1990: 30–37].

Как видно, путь, который предлагал Г.Г. Матишов, направлен в значительной степени на консервацию морских природных ресурсов Арктики (как биологических, так и, в первую очередь, углеводородных) и отвечает интересам внешней морской политики США. Последние уже тогда были заинтересованы в подобной «экологической интернационализации» Арктики. Отсюда и предложение о создании сети морских «биосферных заповедников». Да и сам Г.Г. Матишов в 2008 г. признавал, что «системный подход» специалистов его института к морскому природопользованию оказался «очень созвучным» концепции больших морских экосистем (*Large Marine Ecosystems, LME*), появившейся в середине 80-х годов в США (автор – проф. К. Шерман) [Матишов, Денисов, Дженюк 2008: 27–31].

Еще одним, вроде бы «логичным» (хотя, для начала 90-х годов, еще и не таким обыденным) выводом из всего этого явилось требование российского юриста Е.А. Нестеренко о «глубоком внедрении» экосистемного подхода в международное право «применительно к арктической среде» [Нестеренко 1994: 54–76].

Очередное тиражирование западных спекулятивных, политизированных эколого-правовых подходов, использование конкретного инструментария таких подходов можно обнаружить в работе опубликованной в 2000 году. «Научную состоятельность» этой работе (авторы Р.А. Перелет, А.В. Кукушкина, М.А. Травников [Перелет, Кукушкина, Травников 2000: 153–169]), как и другим из подобного ряда, очевидно должны были придать рассуждения о том, что «Арктический регион играет исключительно важную роль в сохранении экологического равновесия на планете», о «низком биологическом разнообразии» и, в то же время, уникальности «самых хрупких на планете арктических экосистем». Настоящим «откровением» выглядит указание авторов на то, что полярные регионы представляют собой «самые крупные из оставшихся (!? – *А.О.*) на Земле природных экосистем».

«Дальнейшее развитие международного сотрудничества в Арктике и формирование режима охраны окружающей среды должны основываться на концепциях экологической безопасности и устойчивого развития», – убежденно писали эти авторы [Перелет, Кукушкина, Травников 2000: 158]. В 2005 г. была

издана монография, в которой было не менее «убедительно показано», что именно «Циркумполярная Северная область Земли» может стать первым регионом нашей планеты с созданной системой «устойчивого развития», а автор, считал безусловно необходимым принятие в каждой стране закона об устойчивом развитии ее арктической зоны [Додин 2005]. Пилотная концепция «устойчивого развития» российской Арктики была разработана в СОПС еще в 1999 г.

Весьма симптоматично, что в работе Е.А. Нестеренко, и в процитированном только что материале Р.А. Перелет, А.В. Кукушкиной, М.А. Травникова («научная» преемственность?), констатируется, что «экологическое равновесие» в этом регионе нарушается, «особенно военными ведомствами», а забота об обеспечении «экологической устойчивости Арктики» служит авторам этих работ главным аргументом для сокращения морских стратегических ядерных сил (МСЯС) Северного флота. Попутно предложено обеспечить открытость территории, воздушного пространства, морских акваторий по типу «открытого неба». Вообще военные, прямо скажем, не дают покоя Р.А. Перелет, А.В. Кукушкиной, М.А. Травникову. Рассуждая о заключении некоего «регионального договора об Арктике», они на первый план выдвигают необходимость определения в нем «роли военных» и «контроль за их деятельностью».

Что же в содержательном плане предлагают Р.А. Перелет, А.В. Кукушкина, М.А. Травников для улучшения «экологической управляемости» в Арктике? Они пишут: надо выработать соответствующий международный режим для Арктики. Ну, а в качестве конкретной рекомендации, предлагают Программе ООН по окружающей среде (ЮНЕП) «расширить свою программу по региональным морям и включить в нее Арктический регион». Сразу же подчеркнем, что подобный «рецепт» выглядит абсолютно противостественным, как с точки зрения национальной безопасности России, так и с точки зрения долгосрочных интересов ее морской и арктической политики. В какие бы разговоры о «целостной концепции устойчивого развития Арктики» (солидаризируется с позицией этих трех авторов А.А. Ковалев [Ковалев 2003: 218–219]) эти предложения не облекались, отмеченным интересам они ни при каких обстоятельствах отвечать не будут.

Обратимся к еще нескольким характерным работам, но, теперь уже, изданным позднее. По-своему любопытна позиция того же А.А. Ковалева. Последний, в 2007 г. весьма сожалел о том, что «отдельные канадские юристы и политические деятели под давлением США отказываются от секторального принципа» [Ковалев 2008: 159]. Однако такие «сожаления» представляются крайне эклектичными в свете другого текста А.А. Ковалева, увидевшего свет еще в 2003 г. Позволим себе привести достаточно длинную цитату.

В 2003 г. А.А. Ковалев (самоидентифицирующий себя в качестве так называемого «государственника») пишет: «Встречающиеся в последнее время попытки некоторых специалистов все же выступить в защиту секторального разделения Арктики и закрепить это разделение в национальном законодательстве приарктических государств, в частности, России, не имеют под собой правовых оснований. Ссылки этих специалистов на фактическое закрепление, начиная с 1936 г. (? – А.О.; известны: нота МИД России от 20 сентября 1916 г., Меморандум

НКВД СССР от 4 ноября 1924 г., Постановление Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане») за СССР и его продолжателем – Россией полярных владений и «вековой опыт освоения Россией земель в Северном Ледовитом океане» едва ли можно признать убедительным» [Ковалев 2002: 222]. Логично ли это? Наука ли нам это говорит?

После такого пассажа, у А.А. Ковалева идет отсылка на статью некоего И. Барциц «К вопросу о правовом статусе российского арктического сектора», в 1999 г. опубликованную в малоизвестном периодическом издании под названием «Фактор». Сам А.А. Ковалев (или И. Барциц?) объясняет подобную позицию «изменившейся международно-правовой ситуацией, связанной со вступлением в силу в 1994 г. Конвенции 1982 г.», что, по его мнению (мнению И. Барциц?), «делает исторические ссылки недостаточными» (?! – А.О.).

Впрочем известно, что И. Барциц является профессором Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАГС). Неоднократно стажировался на Западе, в частности, в Калифорнийском университете (Лос-Анджелес, США), Международном институте государственного управления (Париж, Франция), Группе по разрешению конфликтов (Гарвард, США) и др. Фамилия этого юриста присутствует в списке специалистов, «объективированное экспертное мнение» которых, послужило для составления научно-экспертного меморандума «О возможности сохранения в качестве континентального шельфа России района «А» в пределах российского арктического сектора, утрачиваемого согласно представлению («заявке») России 2001 г.».

Документ этот, сам по себе, тоже заслуживает определенного внимания. Подготовленный в 2010 г. Научно-экспертным советом (НЭС) Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации (фактически в СОПС Минэкономразвития и РАН) меморандум этот, адресован целому ряду властных структур России. В окончательной редакции текст меморандума был подготовлен членом НЭС А.Н. Вылегжаниным.

Этот юрист-международник рекомендует подтверждать «старую» российскую (надо полагать – секторальную) позицию, «реализацией природоохранной юрисдикции России в пределах ее арктического сектора». Основываясь при этом, на том, что «в контексте экологизации международного правосознания новое международно-правовое значение стали обретать давно осуществляемые природоохранные меры арктических государств в пределах их арктических секторов», А.Н. Вылегжанин рекомендует применять российское природоохранное законодательство «во всем арктическом секторе», включая весь континентальный шельф.

«В конкретном плане, – пишет он, – во избежание утраты Россией района «А», предлагается принять политико-правовое решение на уровне Президента России по комплексу следующих мер: 1. С учетом роли в развитии применимого к Арктике международного обычного права, практики исполнения и применения национального законодательства арктических государств, в одном из постановлений Пленума Верховного Суда РФ подтвердить, что действующее

природоохранное законодательство, в т. ч. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1984 года «Об усилении охраны природы в районах Крайнего Севера и морских районах, прилегающих к северному побережью СССР» и Закон РФ «Об охране окружающей среды», применяется ко всем районам континентального шельфа России в Северном Ледовитом океане».

Этот же свой тезис, А.Н. Вылегжанин повторил в одной из открытых публикаций: «Указ 1984 г. и закон, который его утвердил, – значимый юридический аргумент при международно-правовом обосновании природоохранной юрисдикции в арктическом секторе, обозначенном Постановлением Президиума ЦИК СССР 1926 года» [Вылегжанин 2010: 28–29].

На самом деле, за, якобы отстаиванием российских «национальных интересов» в Арктике, просматривается очередная попытка этого юриста направить арктическую политику России в «экосистемные силки». А.Н. Вылегжанин сообщает, что «определяя свою сферу действия, Указ 1984 г. использует юридически гибкую формулировку: «районы Крайнего Севера и морские районы, прилегающие к северному побережью СССР». Однако, он не указывает, что в Указ Президиума ВС СССР от 26 ноября 1984 г. № 1398-XI «Об усилении охраны природы в районах Крайнего Севера и морских районах, прилегающих к северному побережью СССР», уже был заложен экосистемный (а шире – биосферный) подход.

В частности, в указе есть упоминания о «большой уязвимости (*sic!* – А.О.) природных объектов и длительности восстановления нарушенных экологических систем» в Арктике, о том, что «загрязнение морской среды могло бы нанести тяжелый вред экологическому равновесию (которого в природе не существует. – А.О.) или необратимо нарушить его» и пр. [Указ 1984]. Иными словами, указ наполнен всей, той, ставшей уже привычной экосистемной риторикой. Это, при том, что в тексте самого меморандума, подготовленного А.Н. Вылегжаниным, экосистемный подход не упоминается вовсе и, надо полагать, далеко не случайно. Вообще, позволительно высказать предположение, что главная цель этого «меморандума» (разработанного якобы «во избежание утраты Россией района «А») – исподволь, пользуясь «юридическими лазейками» – окончательно внедрить экосистемный подход в российском секторе Арктики.

Можно напомнить, что такая позиция поддерживается и рекомендациями, данными экспертами администрации президента Б. Обамы в документе под названием «*Changing Oceans, Changing World. Ocean Priorities for the Obama Administration and Congress*». С точки зрения их авторов, перед США стоит задача по совмещению, с одной стороны, защиты морской среды в зоне своей национальной юрисдикции, а с другой – по разработке международных правил, стандартов, систем защиты морской среды в условиях активизации хозяйственной деятельности в арктическом регионе. Речь идет о необходимости внедрения соответствующего, «научно обоснованного» режима управления Арктикой. Американская «рецептура» при этом – традиционна. Предлагается разрабатывать «интегрированные планы управления арктической зоной в рамках американской ИЭЗ» (т. е. программы КУПЗ), а также «инициировать многосторонние переговоры, которые должны привести к разработке интегрированного,

экосистемного подхода к управлению новыми и увеличивающимися видами деятельности во всей Арктике, как в рамках существующих, так и новых международных структур» (не может не поражать «исполнимость» этих предложений; подробнее об этом будет рассказано в следующих очерках).

В свете вышеизложенного, считает российский исследователь П.А. Гудев, абсолютно иное значение можно придать озвученному в Президентской директиве стремлению к проведению научных исследований в Арктике, которые «способствуют продвижению интересов США в этом регионе» (*NSPD-66/HSPD-25*). Особо подчеркивается, что налаживание сотрудничества с Россией в этой области является чрезвычайно важным, «особенно это касается доступа в российскую арктическую зону» (таково уж специфическое, американское понимание «сотрудничества». – *А.О.*). Кроме того, в директиве отмечается, что США продолжают настаивать на ратификации Россией «договора Бейкера-Шеварнадзе о разграничении морских пространств в Беринговом море [Гудев 2011: 152–153] (а теперь, и об будет также сказано ниже, на этом «настаивают» представители Российского совета по международным делам (РСМД), в частности, А.В. Загорский).

Поэтому, только что рассмотренный меморандум НЭС вполне можно расценивать в качестве своеобразного «встречного шага» – навстречу американским инициативам. Правда, с одной оговоркой: те морские пространства (и находящиеся в их пределах морские природные ресурсы – живые и неживые), которые отошли США в результате размежевания по «линии Бейкера-Шеварнадзе», покажутся лишь небольшим «подарком» Соединенным Штатам от позднесоветских вождей, по сравнению с тем, какие потери ожидают Россию в случае окончательного торжества «экосистемного подхода» в российской Арктике. Речь уже будет идти о всем арктическом секторе России. Даже формально оставаясь российским, он будет выведен из активной морехозяйственной деятельности и законсервирован для «будущих поколений», но, отнюдь не россиянам...

Обдумывающий вопросы «совершенствования» российского морского законодательства, давний друг ВМС США А. Скаридов требует «специального рассмотрения притязаний на исторический статус заливов на арктическом побережье» [Скаридов 2006: 139] Российской Федерации. Можно предположить, что приведенный А. Скаридовым «всероссийский» географический список того, чего якобы, «явно нельзя считать» соответствующим международному морскому праву (заливы, цепи островов, прямые исходные линии и пр.) воспроизведен этим автором буквально, «на основе материалов, полученных во время работы в Стэнфордском Университете и Военно-Морском колледже г. Ньюпорт (США)».

Заметим, что точки зрения, подобные только что приведенным, производит очень благоприятное впечатление на западных политиков, юристов, военных. Например, профессор Э. Фрэнк, директор Центра международного и европейского права Университета Врие (Брюссель, Бельгия) в изданной шесть лет назад в Нидерландах книге, цитируя англоязычную статью по политико-правовым проблемам Северного морского пути (СМП) [Ovlaschenko, Pokrovsky 2007: 206–214] считает, что «противоречание (очевидно западной точке зрения на будущее

СМП и морских природных ресурсов российской Арктики. – *А.О.*) голоса будут всегда слышны, но они окончательно, кажется, представляют мнение меньшинства в настоящее время» [Franckx 2009: 122].

Возможно, брюссельскому профессору не понравилась критика авторов статьи в адрес западных юристов, когда последние считают, что Россия «неправомерно» перекрыла своими внутренними водами в Арктике проливы международного значения. Вполне понятно, что эти юристы руководствуются при этом отнюдь не правовыми, а прежде всего геополитическими, военнополитическими или экономическими соображениями. В статье было подчеркнуто, что именно исторически сложившийся в основе своей правовой режим СПМ наилучшим образом обеспечивает национальные интересы России – крупнейшей арктической державы [Ovlashchenko, Pokrovsky 2007: 206–214].

В этой же статье было выражено несогласие с точкой зрения, высказанной в изданной коллективной монографии [Колодкин, Гуцуляк, Боброва 2007: 257–275] по поводу того, что все нормы Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. полностью применимы к морским пространствам российской Арктики. Да и подобранные Э. Фрэнком цитаты (из только что упомянутой коллективной монографии, уже рассмотренного учебного пособия А.А. Ковалева [Ковалев 2003]) конечно же представляют собой не общедоктринальное мнение. Хотя, прямо скажем, мнение влиятельное и настойчиво проводимое (в том числе с использованием формальных и «неформальных» связей в структурных подразделениях российского МИД) с целью последующей фиксации в официальной международно-правовой позиции России по Арктике. Хотя сейчас эту позицию, прямо скажем, до неузнаваемости искажают «экосистемные новации» А.Н. Вылегжанина.

Наконец, последнюю цитату из работ А.А. Ковалева можно привести, что называется, без комментариев. Он пишет: «Несмотря на позиции западных стран, под впечатлением предоставленной (Россией в декабре 2001 г. – *А.О.*) геолого-геофизической информации Комиссия ООН рекомендовала именно нашей стране подать отдельную заявку на арктический сектор шельфа с уточненными данными, что внушает определенный оптимизм» [Ковалев 2008: 163].

«Рано или поздно, – пишет другой российский правовед, – острота разнообразных проблем арктической зоны заставит международное сообщество подписать международный договор об Арктике» [Сиваков 2009: 239]. Причем, Д.О. Сиваков полагает, что участниками этого гипотетического договора «вполне резонно» захотят быть все ведущие государства мира. Видимо, снова в контексте «научной преемственности», отмечено, что, в случае разработки «фундаментального» международного договора по Арктике, России «целесообразно (*sic!* – *А.О.*) настаивать» на включение в этот договор положений по сокращению присутствия ВМФ «всех государств в Арктической зоне».

«Серьезным загрязнителем, – озабоченно пишет Д.О. Сиваков, – является Военно-Морской Флот, в том числе и подводный». Сетую на ВМФ за «завесу секретности», этот старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, помимо «усиления контроля» за ВМФ прямо указывает, что «перед законодателем и

правоприменителем (российскими? – *А.О.*) стоит задача демилитаризации Арктики, что должно быть обусловлено международными договоренностями».

Традиционно самобытны международно-правовые новации Ю.Н. Малеева, на этот раз – очевидно в рамках толстовского «непротивления злу насилием» – предлагающего использовать российский континентальный шельф (включая хребет Ломоносова и плато Менделеева), а также осуществлять управление им, «без борьбы». Подобные «использование» и «управление» должны базироваться, в трактовке Ю.Н. Малеева, на некоем «институте» континентального шельфа «общего пользования» («генетически» не связанного ли с одной стороны, с введенным в свое время Ю.Н. Малеевым термином «коммунитет», с другой – со «страстным призывом» Аурелио Печчеи к ликвидации государственного суверенитета? – *А.О.*) и создания на основе международного договора «специального международного консорциума» [Малеев 2009: 112–126].

Важным представляется упоминание подхода к правовому режиму Арктики, заложенного в недавно изданном монументальном (более чем тысячестраничном) учебном пособии для будущих специалистов-международников, поскольку: «Кафедру иметь – это какая сила! ...На десятки поколений действовать словом!» (П.Д. Боборыкин, «На ущербе»). В данном пособии финальный аккорд звучит так: «Востребован правовой механизм реализации первоочередной ответственности арктических государств за сохранение хрупкой (*sic!* – *А.О.*) арктической экосистемы» [Вылегжанин 2009: 206]. Итак, акценты расставлены, подходы вполне ясны, «научообразность» соблюдена.

Как видно, вполне можно вести речь о своеобразном «торжестве» экосистемных идей, правда, пока еще, среди относительно немногочисленной части российских юристов-международников – прозападном «экосистемном лобби». В свое время разработчики «экосистемной стратегии» (специалисты Международного института прикладного системного анализа (Лаксенберг, Австрия); для целого ряда деятелей «позднего» Советского Союза и «обновленной России» название этого географического места говорит об очень многом... – *А.О.*) обращали внимание, что «энергичная поддержка и покровительство властей необходимы, однако их недостаточно; подход к выработке стратегии можно привить только конкретным людям, а не абстрактным учреждениям». «При выполнении программы, – подчеркивали они, – существенна инициатива отдельных лиц» [Экологические 1981: 55] (в последующих очерках мы убедимся, что последователи и ученики «лаксенбергцев» выполняют их заветы).

Однако многим российским юристам достаточно сложно понять, чего больше в такой «инициативе» – личных ли убеждений в приоритетности «экологического мерила» [Вылегжанин, Каламкярян 2005: 61] (например, вполне искренних персональных опасений за «целостность арктических морских экосистем», их «особую уязвимость», «экологическую судьбу» Земли в целом) или можно, все-таки предположить, тривиальной личной (карьерной, финансово-грантовой и др.) заинтересованности?

Но, в любом случае, конкретно-пространственные рамки экосистемного «охвата» в работах этих юристов не могут не навести на определенные размышления. Диапазон этот, применительно к российской географии – а ими

«оконтурены» прежде всего богатые на нефть и газ акватории – простирается от «международно-согласованных усилий по сохранению экосистемы Арктики» [Международно-правовые 2007: 133–145], до «международно-правовой основы сохранения экосистемы Каспийского моря» [Вылегжанина, Панасенко 2009(а): 156–165; Вылегжанина, Панасенко 2009(б): 169–185]. Причем, в последнем случае, прямо заявлено: «Традиционные государственные границы уже не должны быть препятствием – они становятся как минимум прозрачными, как максимум – незаметными». Здесь же мудро предложено создание некоего, «наднационального «совместного органа» экосистемного управления природными ресурсами Каспия на основе принципа субсидиарности».

Конечно, понятно желание интеллектуалов – людей умственного труда, сознать, что на основе слегка видоизмененных ими западных теоретических «концептов», власть предрежащие будут вершить судьбы целых регионов. Однако в данном, конкретном случае такие «концепты» направлены на ограничение суверенитета, суверенных прав и юрисдикции государств в отношении их морских пространств и морских природных ресурсов, трансформацию государственных (политических) и юрисдикционных (ресурсных) морских границ в «границы» экологические (экосистемные). Конечная же цель всего этого: «отчуждение» пространств Мирового океана (либо Каспия, с одновременным «встраиванием» региона в тяготеющую к Евросоюзу «систему безопасности») от морехозяйственной деятельности прибрежных государств, лишение целых народов их жизненно важных прав на морские биологические и углеводородные (нефть и газ) ресурсы.

Создаются социально-экономические, институциональные, политические и международно-правовые условия, которые ограничивают способность отдельных государств пользоваться в полной мере преимуществами от располагаемой ими ресурсной базы. В более широком плане это необходимо расценивать как дальнейшее, целенаправленное ограничение морской правоспособности и дееспособности государств. В наиболее же широком контексте, осуществляемую сегодня экологизацию морского природопользования можно рассматривать в качестве пролонгированного средства воздействия на планетарную структуру ресурсных циклов. Естественно, что подобная трансформация осуществляется в выгодном, для собирательного «атлантического Запада», направлении.

Приведенные во введении к настоящим очеркам выдержки из работ российского международника В.Д. Писарева относятся к его наиболее поздним трудам. А ведь еще до своего «переформатирования» этот автор давал вполне объективные оценки.

Так, он отмечал, что в начале XXI в. морская политика США ориентирована на внедрение американских же приоритетов в создаваемые механизмы управления. Соединенные Штаты рассчитывают на сохранение своих возможностей экономического роста только на путях создания «глобального соуправления» ограниченным мировым ресурсным и экологическим потенциалом, причем инициаторами подобного «соуправления» выступили они сами. Другими словами, ориентируя другие страны (прежде всего, слаборазвитые и страны с переходной экономикой) на создание единообразной национальной морской политики и ее

экологического компонента, США преследуют совершенно конкретную цель: сохранить возможности для продолжения, не ограничиваемого в рамках системы международных отношений экономического роста страны. Расчет США строится на том, что концепция глобального «устойчивого развития» и КУПЗ, как ее составная часть, будут способствовать развитию интеграционных процессов в экономической, экологической и социальной сферах не только отдельных государств, но и «мирового сообщества», что, в свою очередь, ускорит консолидацию международных управленческих процессов и структур, в рамках которых роль США будет доминирующей [Писарев 2002: 31].

Характерной чертой американского подхода к «совершенствованию» системы управления государствами, осваивающими Мировой океан, является курс США, на их активное участие в разработке международных проектов рамочных соглашений и конвенций, направленных на констатацию существования и остроты глобальных проблем (изменение климата, поддержание качества воды, сохранение биоразнообразия) и последующее принятие протоколов к этим документам, которые (протоколы) детализируют конкретные обязательства государств и определяют степень ответственности за их неисполнение. Очевидно, что «экосистемное управление» и императив защиты «океанического биоразнообразия» планируется сделать одним из инструментов глобального контроля над природными ресурсами Мирового океана, включая морские природные ресурсы Арктики.

Вопросы экологии, защиты окружающей среды должны занимать в современном мире определенную, строго отведенную им роль. Однако экологические проблемы используются сейчас, например, в целях вытеснения конкурентов в таких традиционно «жестких» областях международного бизнеса, к каким относятся морская нефтегазодобыча и последующая транспортировка (транзит) углеводородов. Это очень «чутко воспринимает» Европейский Союз.

«Арктика – один из основных компонентов экосистемы Земли. Воздействия изменения климата здесь ощущается сильнее, чем в любом другом регионе мира», – заявила в свою бытность комиссаром ЕС по вопросам внешних сношений и Европейской политике соседства Б. Ферреро-Вальднер. Представляя разработанную Еврокомиссией Арктическую политику ЕС, она подчеркнула «общечеловеческое значение Арктического региона, являющегося неотъемлемой составляющей планетарной экосистемы» [The Arctic 2008].

Инициированная Европейской комиссией в ноябре 2008 г. арктическая политика ЕС имеет свои корни в интегрированной морской политике Евросоюза. Точнее, в тех концептуальных и методологических подходах (в первую очередь, в экосистемном подходе), и которые, уже стали общими, как для только что нарождающейся арктической политики, так и для находящейся в стадии своего активного формирования интегрированной морской политики ЕС [Овлащенко 2007(а): 13–19]. В контексте этого не может не привлечь к себе внимания предложение Еврокомиссии, касающееся развития многостороннего управления или соуправления в Арктике, с включением в этот процесс «широкого политического диалога» на основе Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

В этом же контексте небезынтересными предстают масштабные «предложения-рекомендации» А.Н. Вылегжанина: «Долговременным общегосударственным интересам России соответствует глубокая реформа природоохранной работы Министерства природных ресурсов России, российского природоохранного законодательства, применимого к Арктике – с учетом современного состояния международного права окружающей среды, лучших механизмов европейского (отчего же именно европейского? – А.О.) экологического права» [Вылегжанин 2010: 29].

Вне всякого сомнения, что член Экспертного Совета по Арктике при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания России, А.Н. Вылегжанин приложит максимум возможных усилий, чтобы внедрить экосистемный подход и КУПЗ как в природоохранную работу, так и в российское природоохранное законодательство – применимое к Арктике.

Арктический совет во 2-м проекте своего «Стратегического плана по защите арктической морской среды» (2004) в разделе «Современное управление океаном – комплексный экосистемный подход» указывает: «В рамках экосистемного подхода и комплексного управления (КУПЗ. – А.О.) необходимо рассматривать виды деятельности человека, экологию и окружающую среду целостно и всесторонне. Ни один из сценариев нельзя рассматривать изолированно. Экосистемный подход требует, чтобы отраслевое управление осуществлялось таким образом, чтобы защитить экологию, свести к минимуму воздействие на окружающую среду и интегрировать идеи во всех экологических и социально-экономических областях. ...Для того чтобы эти действия увенчались успехом, необходимо..., интегрировать процесс принятия решений и применять солидный, скоординированный региональный подход».

Фразу о том, что «ни один из сценариев нельзя рассматривать изолированно», можно трактовать следующим образом: ни одна арктическая страна не имеет теперь права совершенно самостоятельно, «без оглядки на других» (как арктические, так и неарктические государства) разрабатывать и принимать свои арктические программы, в частности, касающиеся морского природопользования в Арктике. По крайней мере, к этой «цели» следует стремиться.

Упомянутый «солидный» региональный подход прямо нацелен на отвечающую интересам искушенных в многосторонней дипломатии США «интернационализацию» Арктики. В проекте подготовленном Арктическим советом так и сказано: «В настоящее время имеется возможность подготовиться к возрастающему объему активности в Арктике путем разработки регионального подхода» [Арктический 2004].

Российские адвокаты и лоббисты (продвиженцы) таких подходов, например Д.А. Додин, вовремя почувствовав откуда «атлантический ветер дует», уже почти десять лет назад давали следующие советы: «В конечном счете, скорее всего, решение о степени экологического влияния и величине риска для нерестовых районов Арктики при освоении конкретных объектов должен выносить Международный арктический научный комитет (МАНК) или даже Арктический

совет» [Додин 2005: 231]. Если это не «экологическая интернационализация» Арктики, пусть и региональная, то что это...?

В настоящее время как большое достижение преподносится тот факт, что, до конца 2012 г. Россия внесет 10 млн. евро в фонд поддержки проектов Арктического совета. Как рапортует Минфин – этот вклад будет самым крупным из всех, сделанных странами-участницами «арктического клуба» [Кривошапко 2011] (при подобных «победных реляциях» невольно вспоминается сказанное «слегка вбок», а поэтому широко не афишируемое высказывание З. Бжезинского, относительно того, что «Россия будет демонтирована за свои же деньги»).

Только как недобрую шутку можно воспринимать «гендерные» пожелания Арктического совета о защите – посредством все того же, универсального «регионального подхода» – традиционного образа жизни и культурных обычаев коренного населения, а, с другой стороны (в том же документе) сентенцию о «равноправном доступе и полном участии женщин, на основе равенства с мужчинами, в процессе принятия решений на всех уровнях в коренных и местных общинах». Возможно, что к культурным обычаям, которые необходимо защищать, здесь отнесено курение трубки, выдолбленной из кости мамонта, а не традиционное место женщины в социальной и семейной иерархии коренного населения.

С другой стороны, лишь улыбку может вызвать неоднократно повторяемое генеральным секретарем ООН Пан Ги Муном в его инициативе «Договор по океанам» (Южная Корея, август 2012 г.) «выстраивание и коллективное использование базы знаний, полученных научным путем, унаследованных от традиции и накопленных коренным населением, для экологического распоряжения океанскими и прибрежными ресурсами, ...поддержания экосистемных услуг» [Договор 2012].

Почему улыбку? Да потому что, коренное население традиционно не «экологически распоряжалось», а промышляло, причем промышляло не для «устойчивого развития» и «поддержания экосистемных услуг», а для пропитания, обмена или торговли. В конце концов, коренное население всегда ловило рыбу в воде, а не «биоразнообразии в экосистеме».

Задумано, что способствовать «устойчивому развитию» в Арктике будет широкое применение «принципа осторожности» («осторожный подход», «принцип предосторожности»): в тех случаях, когда существует угроза серьезного или необратимого ущерба, отсутствие полной научной уверенности не используется в качестве причины для отсрочки принятия экономически эффективных мер по предупреждению ухудшения состояния окружающей среды (Принцип 15 Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию 1992 г.). Согласно этим же задумкам, арктические страны должны «способствовать комплексному управлению прибрежными и морскими районами посредством совместного планирования, регулирующего деятельность людей всесторонне, с учетом всех факторов, которые необходимы для сохранения и устойчивого использования морских ресурсов» (на основе п. 17.5, гл. 17, Повестки дня на XXI век).

Наконец, необходимо использование «широкомасштабного, регионально фокусированного экосистемного подхода с целью сохранения и обеспечения

биологического разнообразия и продуктивности арктической морской среды, включая защиту арктической морской среды от влияния наземных и морских видов деятельности и трансграничных воздействий» (см. 12 руководящих принципов, «Малавских принципов», установленных в Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г.).

К возможным «стратегическим мероприятиям» по применению экосистемного подхода, Арктическим советом отнесены: определение больших морских экосистем (БМЭ) Арктики, основываясь на «наиболее доступной экологической информации»; определение элементов, которые могут служить в качестве ключевых экологических и социально-экономических показателей состояния этих БМЭ и «направление эффективного процесса принятия решений»; определить основные функции экосистемы, факторы, оказывающие влияние на экосистему и основывать на них управленческие решения [Арктический 2004].

А ведь речь идет ни о чем другом, как о подмеченной еще в начале 80-х годов [Лаптев 1982: 17] выработке и последующей за ней реализации своего рода политической «стратегии выживания» Запада, с мобилизацией для этой цели всех доступных и пока еще недоступных ему экологических, биологических и минеральных ресурсов планеты. Утверждая, что морское природопользование стран не входящих в «евроатлантическую орбиту» подрывает «планетарное равновесие», американская внешнеполитическая пропаганда создает идейно-психологические основы для осуществления претензий Запада на контроль за состоянием окружающей среды в этих странах, а значит, и на контроль за их морским природопользованием.

Самопризнанные «прогнозисты перспектив отечественного морепользования» из Совета по изучению производительных сил (СОПС) при Минэкономразвития и РАН усиленно пытаются убедить своих читателей в том, что «сам по себе экосистемный подход, обеспечивающий сохранение и воспроизводство экосистемных структур, позитивен», что сутью такого подхода, является «стратегия комплексного управления природными ресурсами, направленная на их сохранение и устойчивое использование на справедливой основе» [Теория 2009: 66, 259]. «Все больше, – пишет руководитель Правового отдела СОПС А.Н. Вылегжанин, – оценивается биосферная роль Арктики, в том числе в... поддержании экологического равновесия» [Вылегжанин 2009: 182].

Слышатся слова, в которые можно вложить смысл – какой кому нравится, слова будто научные, на самом деле – наукообразные, заманчивые, но – увы, почти всегда – пустые. О каком вообще «экологическом равновесии» можно всерьез вести речь!?! Послушаем еще раз оценки самих западных специалистов-экологов: экологические системы – грязные, изменяющиеся, растущие и умирающие системы; изменчивость, а не постоянство – характеристика экологических систем; нереалистичны задачи поддержания динамической изменчивости экосистем; стратегию, сокращающую изменчивость в пространстве или во времени даже в целях достижения лучшего «качества» окружающей среды, необходимо всегда ставить под вопрос [Экологические 1981: 32 и далее].

С точки зрения «количественного подхода» («*a quantitative approach*») к экологии и управлению природными ресурсами («ресурсному менеджменту») эти

же системы, в частности, большие морские экосистемы представляют собой чрезвычайно сложные динамические образования, характеризующиеся явлениями запаздывания, кумулятивными эффектами, порогами, большим числом переменных, их взаимодействием и нелинейными зависимостями [Уатт 1971: 15].

На несоответствие управленческого по сути своей, «экосистемного подхода» и производной от него методологии «комплексного управления прибрежными зонами» (КУПЗ) (один из инициаторов-исполнителей внедрения этих «подходов» и «методологий» в российской Арктике, координатор программы Всемирного фонда дикой природы (WWF) России по экологическому праву Е.Н. Хмелева (2012), так честно и признается, что «в основу концепции комплексного управления заложен экосистемный подход» [Хмелева 2012(a)] национальным интересам России, ее государственной безопасности – в российской международно-правовой науке за последние несколько лет неоднократно было обращено внимание (см. опубликованные в российских федеральных правовых изданиях, совместные публикации А.В. Овлащенко и И.Ф. Покровского).

Директор Центра морской политики и международного морского права Университета штата Вирджиния (США) Дж.Н. Мур, на состоявшейся в 2004 г. в Санкт-Петербурге международной конференции «Международная энергетическая политика, Арктика и международное морское право», сказал: «Самое главное в наше время – это нефть» [Moore 2004]. Проиллюстрировать это положение – применительно к США, очевидно могут помочь следующие цифры озвученные еще в 1981 г. сенатором от штата Колорадо Г. Хартом. Последний, следующим образом обрисовал зависимость страны от иностранной нефти: «Нефть является источником примерно половины всей энергии, которую мы потребляем. В 1970 г. примерно четверть всей нефти мы импортировали из других стран. Это составляло три с половиной миллионов баррелей в день. Сегодня почти 40% от общего объема потребляемой нами нефти завозится к нам из-за океана – это составляет около 7 млн. баррелей в день. После окончания экономического кризиса наше потребление иностранной нефти может даже еще возрасти и составить, если не проводить политику экономии, почти девять миллионов баррелей в день, что очень близко к половине всей потребляемой нами нефти» [Робинсон 1990: 502].

Совершенно очевидно, что ответ на многие затронутые как выше, так и ниже вопросы находится именно здесь. Ставки в «большой игре» Запада, в первую очередь – США, за морские природные ресурсы российской Арктики, Северный морской путь – транспортную магистраль, играющую ключевую роль в освоении морских природных ресурсов Северного Ледовитого океана – сегодня очень высоки. Действительно, побороться есть за что. По совокупному нефтегазовому потенциалу осадочные бассейны российского арктического шельфа сравнимы с крупнейшими нефтегазоносными провинциями мира. Среди арктических морей важнейшее значение имеют Баренцево и Карское (западный арктический шельф), которые содержат более 4/5 ресурсов нефти и газа всего арктического шельфа России.

Поэтому здоровое национальное чутье, да и свой профессионализм проявляют не те представители международно-правовой науки, «государственники», которые полагают, что «вековой опыт освоения Россией земель в Северном Ледовитом

океане едва ли можно признать убедительным» [Ковалев 2003: 222], а, к примеру, те представители науки исторической, которые озабочены дальнейшей разработкой вопросов стратегической преемственности конкретных советских инициатив в Арктике в 1920-е годы. Поскольку такая преемственность и соответствующая ей современная арктическая политика и стратегия России, напрямую влияет на «судьбу страны и россиян, в том числе будущих поколений» [Тимошенко 2010: 48–52] (обратим внимание – не абстрактных «будущих поколений», «золотого миллиарда»).

Не иначе, как неудачным фарсом выглядит в контексте этого попытка инициировать «докринальную дискуссию» [Вылегжанин 2009: 196] по поводу того, где надо размещать в учебных пособиях параграф «Арктика»: в главе «о территории», или же в главе «о международном морском праве». На национальных интересах России это уж точно никак не отразится. Международный Суд ООН такой «правовой аргумент» тоже не примет...

Где бы не размещали «арктический параграф», главное, чтобы речь там шла действительно о защите правовыми (международно-правовыми) методами и способами интересов России в Арктике, а не только о «востребованности» экосистемного подхода, о «международно-согласованных усилиях по сохранению экосистемы Арктики» или, например, о «применимости» (как считает А.Н. Вылегжанин) к «арктическому району» и трассам СМП «методологии КУПЗ» [Буник 2006: 45]. Да и инициаторы этой контрпродуктивной дискуссии, сами размещали подобный параграф не то, что в главе, а, в изданном в 2003 г. учебнике по международному морскому праву [Вылегжанин 2003: 210–226].

Из новой редакции этого учебника, увидевшего свет в 2011 г. [Международное 2011: 219–240], изъяты параграфы-новации написанные для прежней версии А.Н. Вылегжаниным: «Устойчивое использование Арктики», «Управление морскими экосистемами», «Концепция комплексного прибрежного управления» и др. В первом из этих параграфов, в частности, сказано: «Правовые нормы об устойчивом развитии применимы для целей сохранения арктической экосистемы, биоразнообразия в Арктике, в том числе за пределами национальной юрисдикции» [Вылегжанин 2003: 219]. Один лишь этот абзац обесмысливает приведенные до и после него пространные рассуждения о российских правах в Арктике, о делимитации шельфа с соседними странами, о рациональности подачи Россией «заявки» или, напротив, о целесообразности неподачи ее.

Хотелось бы обратить внимание, что экосистемная «инвазия» (в ее пропагандистско-идеологическом прозападном варианте) поразила не только российскую международно-правовую науку, но и другие отрасли общественных и естественных наук. Вот, совсем краткая выборка, сделанная применительно к рассматриваемой в настоящем очерке арктической проблематике.

Так, представитель санкт-петербургской политической науки, опять-таки на основе «карикатурных», сильно упрощенных моделей Арктики как «региона экосистемного баланса Земли», считает, что необходимо выработать некую «транснациональную модель» сотрудничества в регионе – «с непременным участием всех заинтересованных стран» [Харлампьева 2010: 212–217]. Вопрос о том, соответствует ли такая «транснациональная модель» долговременным

интересам арктической политики России, многим российским специалистам покажется риторическим.

В рамках концепции «устойчивого развития», сами же российские ученые выносят на обсуждение программы и концепции подобные таким, как: «Арктика – XXI век», «Наше общее будущее в Арктике: концепция международного проекта», «Транснациональная корпорация «Арктика»: предпосылки благополучия региона», и, им подобные.

Представители отраслевой нефтегазовой науки призывают учитывать, что при освоении шельфовых месторождений морские экосистемы являются «особенно уязвимыми». Этими специалистами наблюдается и «постепенное смещение ценностей в пользу развития экономики, не нарушающей существующего природного равновесия» (интересно, где же в мире есть такая экономика? – *А.О.*). В целом, они наиболее озабочены тем, что «даже при существенном снижении техногенной нагрузки на окружающую природную среду арктических регионов восстановление экосистем займет время жизни нескольких поколений» [Павленко, Глухарева 2010: 76–77].

Видимо именно подобную точку зрения имели в виду профессиональные экологи, когда писали, что большинство экологических оценок, экологических исследований и даже экологических стратегий явно или неявно предполагают, что, если вмешательство будет прекращено, то система в конечном счете возвратится в свое «исходное состояние». Но экологические системы не статичны, а находятся в непрерывном изменении (изменяются численность видов, видовой состав и пр.) [Экологические 1981: 36, 41].

Даже военных моряков, применительно к Арктике, тоже обеспокоили сегодня «низкой устойчивостью экологических систем, определяющих биологическое равновесие и климат Земли, и их зависимостью даже от незначительных антропогенных воздействий» [Сысуев, Знахуренко 2011: 34]. Кстати, уже несколько десятков лет назад было замечено, что среди «обостряющихся проблем современности», которые могут претендовать на переход в разряд глобальных (точнее – на искусственный перевод их в такой разряд. – *А.О.*), западные исследователи часто называют проблему климата и погоды [Хозин 1982: 217].

Вот, например, как тесно были увязаны эоалармизм и неомальтузианство у одного из ведущих на Западе идеологов «экосистемного подхода», американского эколога Ю. Одума: «...Океан следует всегда рассматривать как великого покровителя и защитника биосферы, а не просто как объект неограниченной эксплуатации. Так, эвтрофикация и загрязнение океана в отчаянном стремлении прокормить и обеспечить перенаселенную Землю могут легко привести к катастрофическим изменениям состава атмосферы и мирового климата» [Одум 1975: 35–36].

В институциональном аспекте, это нашло свое выражение в том, что 45-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН поручила Всемирной метеорологической организации (ВМО) и ЮНЕП учредить Межправительственную группу экспертов по изменению климата (МГЭИК) для подготовки оценочного доклада об ожидаемых последствиях изменения климата (1988 г.). Кстати, уже с начала 90-х

годов раздавались предложения о том, чтобы при создании российских «экологических законов» организовывать экспертизы подготовленных проектов законов через ЮНЕП. А в тематику сотрудничества ЮНЕП с Россией входит, помимо прочего, реализация проекта по «комплексному подходу к управлению экосистемами в модельных зонах российской Арктики» ...экологической устойчивости России в XXI веке, как части глобального экологического пространства [Кондратьев, Данилов-Данильян, Донченко, Лосев 1993: 208–209].

Применительно к Арктике, как бы ни старались адепты ее «тотального потепления» утверждать, что «наблюдаемые и прогнозируемые изменения образуют в целом непротиворечивую картину», тем не менее, как качественные, так и количественные оценки такой картины в настоящее время крайне противоречивы. Например, согласно одной из оценок, ожидаются следующие пространственные и темпоральные рамки изменений (вопросами задаются сами специалисты обозначающие такие рамки): будущего арктического льда (десятилетия?); судьбы углерода, содержащегося в вечной мерзлоте (десятилетия, столетия?); глобальных последствий изменений пресноводного режима Северного Ледовитого океана (от десятилетий до тысячелетия?); роли динамики ледниковых щитов в подъеме уровня океана (столетия, тысячелетия?) [Катцов, Порфирьев 2011: 13]. Теми же специалистами упоминаются «угроза дилетантизма, угроза дезориентации руководства России в отношении проблемы изменения климата» [Катцов, Порфирьев 2011: 26]. Однако даже общие направления такой дезориентации не указаны.

Сегодняшние официальные руководители российской географической науки, правда, несколько витиевато, но признали, что «планетарный альтруизм, выразившийся в принятии Россией Киотского протокола..., затмевает истинную связь явлений, мешает принимать верные решения на локальном уровне, экстраполируя их последствия на региональный и глобальный уровень». Ими же признается, что «к этому нас постепенно, с 1950-х годов (заметим, что временные рамки как и в сфере экологизации международных морских отношений, морского природопользования, в общем-то, те же. – *А.О.*) подводили алармистские публикации о потеплении». Изменения климата последних десятилетий, как показали еще совместные исследования ряда советских и зарубежных специалистов, «вполне вписываются» в пределы циклических колебаний разной периодичности, отмеченных во втором тысячелетии, что показал в своих прогнозах А.В. Шнитников (1950, 1957) [Котляков, Тишков 2009: 966].

В этом контексте, по-прежнему актуальными остаются высказывания советника МИД Бразилии Мигеля А. Осорио де Альмейда, сделанные им еще в начале 70-х годов. Обращая внимание на то, что угроза загрязнения окружающей среды является той областью, в которой производилось и производится множество псевдонаучных экстраполяций (сюда, де Альмейда включал таяние полярных льдов, истощение запасов кислорода на Земле и прочие «ужасные пророчества»), этот ученый задавался вопросом о сроках их осуществления. Что касается сроков осуществления этих пророчеств, писал он, то если речь идет о ближайшем десятилетии, необходимо немедленно предпринимать какие-то действия. Если же, однако, мы имеем еще сто лет, то у нас есть еще время расширить и углубить наши

знания, а значит, и сократить риск возможных ошибок при решении этой проблемы. Если имеются в виду сроки порядка тысячи лет, то угрозу можно сбросить со счетов, поскольку совершенно нереально предполагать, что мы будем пользоваться ископаемым топливом еще в течение столь длительного времени. Если же это сотни тысяч или миллион лет, то давайте просто забудем об этом [Осорио де Альмейда 1973: 26].

Примерно такой же позиции (и в те же годы) придерживался советский географ М.Б. Горнунг. В частности, он писал: «Неоходимо учитывать способность природы к самозащите, саморегулированию, регенерации, те мощные инерционные силы, которые проявляются относительно медленно в сравнении, например, с продолжительностью жизни одного-двух поколений людей. Эти особенности нередко обнаруживают определенную стабильность природных систем даже при массивном воздействии на них хозяйственной деятельности человека с ее мощным техническим оснащением и в условиях быстрого демографического роста» [Развивающиеся 1981: 217].

В Мурманском морском биологическом институте (ММБИ) КНЦ РАН «экосистемные принципы» и «методология экосистемного анализа» развиваются уже более 20 лет. Специалисты этого института конечно же осознают, что «основным направлением экономического развития Арктики на ближайшую и дальнюю перспективу остается освоение ее богатых природных ресурсов». Согласно их взглядам, рациональное природопользование в XXI в. означает «использование всех полезных продуктов морских природно-хозяйственных систем с наименьшим нарушением их интегрального ресурсного потенциала и сохранением в оптимальном состоянии природной среды Арктики». В основе их «системного взгляда» на последствия растущих масштабов вторжения человека в арктическую природную среду, лежит, так называемый «эколого-географический подход». Однако на поверку, этот подход означает не что иное, как «экосистемный подход». Соавторы из ММБИ пишут: «Его суть заключается в рассмотрении не отдельных природных ресурсов в качестве объектов природопользования, а цельных (уже не «целостных»? – *A.O.*) экосистем, с учетом принципов региональности, конкретности и историчности (*sic!* – *A.O.*) при оценках последствий антропогенного вмешательства в окружающую среду».

Согласно пояснениям специалистов ММБИ, формирование «комплексного взгляда» на моря и прибрежные зоны привело к восприятию любой «большой морской экосистемы» (БМЭ), как совокупности взаимосвязанных подсистем, а именно: природной, хозяйственной и информационной. Детализация этого подхода реализовалась в структуре рассмотрения каждой БМЭ, состоящей из пяти блоков. Эти блоки включают в себя продуктивность, ихтиофауну и рыболовство, загрязнения, социально-экономические факторы, организацию управления морской деятельностью, то есть весь комплекс исследовательских и мониторинговых аспектов экосистемного анализа. Они же подчеркивают, что «новизна подхода в рамках БМЭ проявилась в интеграции естественных и гуманитарных знаний, обязательных для осуществления практического перехода на устойчивое или рациональное морское природопользование».

«Системный подход» специалистов ММБИ к морскому природопользованию оказался «очень созвучным» концепции больших морских экосистем (*Large Marine Ecosystems, LME*), появившейся в середине 80-х годов в США (автор – проф. К. Шерман). Реципиенты западных квазинаучных, созданных в интересах внешней политики США «ноу-хау» из ММБИ, в унисон своим идейным и финансовым донорам утверждают, что нужна радикальная смена «всей парадигмы» природопользования с традиционно-ведомственной на «экосистемную и долгосрочную» [Матишов, Денисов, Дженюк 2008: 27–31]. В рамках реализации экосистемного подхода к природопользованию в Арктике, специалисты ММБИ организовали «тесное сотрудничество» с группой международных экспертов в области изучения БМЭ и реализации этого подхода «при защите арктической морской среды» (рабочая группа РАМЕ, Арктический совет). Эти специалисты оценивают свою работу, как «существенный вклад в развитие теории рационального морского природопользования в Арктике», поскольку, мол, они «расширили традиционные для российской практики рамки узкого природно-ресурсного подхода к проблеме эксплуатации шельфовых морей».

Описывая свои «достижения» в области теории «цельных морских экосистем», скрытые пособники территориально-ресурсных домогательств Запада к российской Арктике – директор ММБИ академик Г.Г. Матишов с сотрудниками – цинично заявляют о том, что «разумеется, это только начало сложного и длительного процесса встраивания отечественного природопользования в мировой контекст устойчивого развития» [Матишов, Денисов, Дженюк 2008: 29]. Они пишут: «Задача сохранения здоровья эксплуатируемой экосистемы не является новой для экологически ориентированной морской деятельности. Устойчивое развитие Арктики концептуально предполагает достижение баланса между природой, экономикой, экологией и обществом». Критикуя подходы используемые в российском морском природопользовании Г.Г. Матишов и соавторы отмечают, что «продолжает реализовываться ресурсно-ведомственный подход к освоению ресурсов Арктики, при котором экономика явно доминирует над экологией». Для «изменения ситуации», по их мнению, требуются «определенные предпосылки»: политическая воля власти; экосистемные знания; законодательство; управленческие технологии [Матишов, Денисов, Дженюк 2008: 31].

Демагогия «устойчивого развития», когда последний термин выступает как риторический прием, которому не существует «противодействия», опосредствуется тем, что практически все принятые с подачи Запада международные документы по Арктике провозглашают «примат» сохранения ее экологии и ресурсов. Иными словами: экология должна доминировать над экономикой. Но, доминировать, все с той же целью лишения людей – в первую очередь народов населяющих Россию, будущих поколений россиян – их жизненно важных прав на морские природные ресурсы. Отсюда и лукавые советы современных «рахдонитов», ловких экономико-политических механиков «общемирового дома», по поводу того, что «не следует без особой надобности создавать в Арктике новые промышленные очаги» [Додин 2005: 260].

При ясном понимании и четкой констатации того факта, что «учет существующих материалов (информации. – А.О.) по США, Канаде и Норвегии

практически однозначно свидетельствует о том, что после 2010 г. собственных запасов нефти и газа им будет катастрофически не хватать и тогда они будут вынуждены обратить самое пристальное внимание на российский шельф» [Додин 2005: 221], все тот же Д.А. Додин (вряд ли с целью некоего нефтегазового «удушения» Запада) предлагает «не форсировать добычу нефти и газа на шельфе», считая, что эти, «в значительной мере установленные грандиозные запасы углеводородов очень и очень пригодятся будущим поколениям (кого? – А.О.)». Это, согласно его риторике, «находится в полном соответствии с проблемой создания системы устойчивого развития» [Додин 2005: 69].

Тезис о «катастрофической нехватке» подтвердил в том же 2010 г. бывший министр природных ресурсов и экологии Ю. Трутнев, сообщивший, что в отношении Арктики, «наши партнеры проявили готовность вести переговоры в эффективном темпе», добавив, правда, при этом, что «у нас нет необходимости обозначать свою позицию через СМИ, а широкую общественность информировать о результатах переговоров, с ними мы ознакомим всех после» [Единая 2010] (не так ли «после», как это произошло в случае «оформления» линии Бейкера-Шеварнадзе; не шокируют ли после «широкую общественность» результаты переговоров бывшего министра Трутнева с «нашими партнерами»? – А.О.)

Призыву Д.А. Додина вполне созвучен призыв Г.Г. Матишова к тому, что «ресурсная экономика XXI века в Арктике должна и может быть только экологически ориентированной». Однако такие призывы являются ничем иным как ретрансляцией западных подходов, стремящихся подобной «консервацией» выиграть время для реализации имеющихся по отношению к России членовененавистнических в основе своей планов (можно вспомнить патологические мечтания известного «ястреба-реалиста» и одновременно «мягкотелого» мондиалиста З. Бжезинского с его, «Россия будет расчленена и под опекой»).

«Эзопов язык» ведущих специалистов ММБИ, советующих рассматривать в качестве объектов природопользования не отдельные морские природные ресурсы, а «цельные морские экосистемы, с учетом принципов региональности, конкретности и историчности (*sic!* – А.О.)», хорошо понимают их норвежские «ученые-содельники». Последних чрезвычайно волнует вопрос, чтобы «экосистеме в этом районе не был причинен вред». Отсюда их вывод: альтернативы «целостному экосистемному подходу» в Арктике не существует. Рядом с этим стоят призывы к России о применении с ее стороны – в Баренцевом море – подобных подходов и принципов, поскольку «экосистема у нас одна» [Томпсон 2006: 6].

Лучшему пониманию «опережающих планов» и «пилотных проектов» экосистемщиков-интернационалистов, способствует следующий международно-правовой факт. В Соглашении между Правительством СССР и Правительством Норвегии о взаимных отношениях в области рыболовства 1976 г., стороны подчеркнули, что «значительная часть живых ресурсов Норвежского и Баренцева морей представляет единый экологический комплекс». Уже в 1989 г., заместитель министра рыбного хозяйства СССР В.К. Зиланов, в одной из своих работ

разрабатывал подходы основанные на «единстве экологического комплекса» Советского Союза и Норвегии [Зиланов 1989: 10–11].

Ну, а сегодня, сторонники «экосистемного подхода» с удовлетворением отмечают, что в двусторонних договорно-правовых актах Норвегии и СССР (имеется в виду Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Королевства Норвегии о взаимных отношениях в области рыболовства 1976 г.) закладывались «новаторские для своего времени регулятивные основы координированного управления морскими живыми ресурсами в Баренцевом море, с учетом их экологического единства». Последнее позволяет им рассматривать такие договоры в качестве «основы экосистемного управления природными ресурсами Баренцева моря, включая морские районы Шпицбергена» [Вылегжанин, Зиланов 2006: 113–114, 118].

Понятно, что последняя «подсказка» укладывается в рамки деструктивной деятельности этих «норвегофилов», исподволь инспирируемой норвежской стороной, и, в конечном счете, полностью отвечает интересам высокоширотной ресурсной политики Норвегии и ее морской политики в целом [Fougner 2006: 177–201] (кстати, в своей работе 2000 г., говоря о тех же вещах эти соавторы, еще пока «не дерзнули» выставлять это Соглашение в качестве «экосистемного первопроходца» [Вылегжанин, Зиланов 2000: 70]).

Принципы управления в Арктике, как считает Норвегия, должны быть разработаны в рамках некоей «Панарктической программы» (ненамного отличается от норвежских предложений и, упомянутая выше, бессодержательная и бесперспективная с точки зрения интересов национальной морской политики России, «транснациональная модель» Н.К. Харлампьевой; последняя в основном отталкивалась от идей Р. Кэохейна). На самом деле, всем понятно (и об этом нам скажет практически каждый житель Мурманска и Мурманской области), что Норвегию интересуют, не «необычайно ранимые» баренцевоморские экосистемы, а сосредоточенные в юго-западной части Баренцева моря одни из богатейших в мире рыбные запасы, практически нетронутая (что бы об этом ни говорили экосистемщики и эокалармисты) морская среда и крупномасштабные запасы неразведанных нефтегазовых ресурсов. Все эти запасы «очень и очень» пригодятся Норвегии, атлантическому Западу в целом, его «будущим поколениям».

Несмотря на то, что, по-норвежски (а теперь, видимо, и по-русски) «экосистема у нас одна», ресурсосодержащая база у России и Норвегии – принципиально отличная. Одно только гигантское Штокмановское месторождение, расположенное в Баренцевом море, содержит 3,2 трлн м³ газа. Для сравнения, все газовые месторождения шельфа Норвегии в сумме обладают 2,9 трлн м³ газа. Нефтяные ресурсы России в целом разведаны только на 40%, а газовые – лишь на 25%. Не так много осталось мест на Земле, где еще существуют неизученные осадочные бассейны [Grigorieva 2004: 54]. 85% российского шельфа классифицируется как категория Д, то есть относится к слабо разведанной зоне.

Как и положено всем российским «экосистемщикам», пишущим об Арктике, не оставляют специалисты ММБИ своей «заботой» и Северный флот. В одной из публикаций этого института прямо говорится, что решение проблем охраны

государственной границы и базирования «Северного военно-морского флота» (так в оригинале. – *А.О.*), «следует искать в применении методов КУПЗ» [Денисов]. Сам академик Г.Г. Матишов – полностью в рамках инициированных и осуществляемых США подходов к унификации морской политики прибрежных государств – говорит уже о «согласовании национальных программ КУПЗ», о создании неких «совместных комиссий».

Между тем, даже если отвлечься от политологических и внешнеполитических аспектов внедрения в России этой «методологии», среди российских экономистов-мореведов есть мнения, что «методы организации морехозяйственной деятельности в форме программ КУПЗ нельзя признать эффективными» [Столбов 2011: 155–158].

Такие, чуть выше приведенные выводы специалистов-рыбников нельзя признать неожиданными, поскольку в 2005 г. Минэкономразвития России при содействии ЮНЕП и расположенного в Вашингтоне Глобального экологического фонда (*Global Environment Facility, GEF*; фонд управляется совместно Всемирным Банком, Программой ООН по развитию (ПРООН), ЮНЕП) была начата разработка масштабного проекта «по защите» морских экосистем российской Арктики от наземных источников загрязнения.

В соглашении, между безответственно (скорее, вполне сознательно. – *А.О.*) пошедшим на него Минэкономразвития и ЮНЕП, подчеркивалось, что «основные угрозы» для морских экосистем связаны с промышленными, муниципальными и военными источниками загрязнений. Основной целью проекта стало «прямое или косвенное улучшение системы охраны природной среды в Российской Федерации (законодательной и нормативной базы, институциональных и технических возможностей)» [Соломатин, Гордеев 2007: 66–67]. Что, естественно, предполагает использование «экосистемного подхода» и «методологии КУПЗ», их внедрение в законодательство России и управленческие механизмы. В этом контексте, следует отметить, что в Решении V/6 Конференции сторон Конвенции о биологическом разнообразии подчеркивается, что «не существует единого пути внедрения экосистемного подхода, поскольку это зависит от местных, районных, национальных, региональных или глобальных условий».

Несмотря ни на что, российским специалистам становится все более очевидно, что российская арктическая политика должна исходить исключительно из практических интересов и нужд России, а не мифического «мирового сообщества» в ходе реализации «общечеловеческих ценностей». Они считают, что Российскую Федерацию мало должны интересовать ложные, «рахдонитские» утверждения, касающиеся, якобы «безоговорочного признания» того факта, что Арктика и прилегающие регионы Севера – крупнейший резерв природных ресурсов для «удовлетворения потребностей всего человечества» [Додин 2005: 58].

Трезвые и объективные оценки действительно российских практиков говорят принципиально об ином. А именно, о том, что «освоение арктического шельфа имеет стратегическое значение для России, так как позволит значительно укрепить экономику и существенно повысить жизненный уровень населения северных регионов европейской части страны» [Чернов 2004: 9].

Поэтому более ответственно должны относиться к своим словам и российские политики, в том числе самого высокого уровня. Председатель Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации, вице-премьер С. Иванов в ходе, состоявшегося в 2010 г. заседания Морской коллегии (которое проходило в рамках II Арктического Международного экономического форума в Мурманске), говоря об отечественных интересах в Арктике, следующим образом обозначил позицию правительства: российская сторона не собирается монополизировать право на ее богатства [Аристов 2010]. Тогда возникает неизбежный вопрос: если не собирается монополизировать, то, по-видимому, собирается делиться. Но, тогда с кем, когда и насколько?

В статье, подписанной министром иностранных дел России С.В. Лавровым (и опубликованной еще в 2005 году) можно было прочесть следующее: «Мы никогда не ставили под сомнение, что определенные районы Мирового океана в силу их особой экологической или социально-экономической значимости и повышенной чувствительности к ущербу от судоходства нуждаются в специальной защите. Это касается, например, района австралийского Большого барьерного рифа или морских пространств Арктики и Антарктики» [Лавров 2005: 10].

Вполне понятно, конечно, что подобные идеи (например, в другом месте этого материала речь идет о «серьезных нарушениях равновесия в морских экосистемах») усиленно продвигаются через Правовой департамент МИД. Далеко идущий расчет уравнивания морских пространств (и находящихся в их пределах морских природных ресурсов) российской Арктики с «Большим барьерным рифом» – с привязкой к широко инкорпорированному в морскую политику Австралии «экосистемному подходу» и КУПЗ – тоже вполне просматривается.

Однако экономическая ценность австралийских коралловых рифов (хотя они и приносят Австралии по различным оценкам до 1 млрд. долл. в год), «мангровых зарослей», прочих «мелководий с водорослями» (о которых так печется Генеральный секретарь ООН в своих ежегодных докладах «Мировой океан и морское право») абсолютно не сопоставима с теми – 100 млрд. т условного топлива (в пересчете на нефть), которые по прогнозным оценкам составляют начальные извлекаемые энергетические ресурсы российского шельфа, причем 80–85% из них сосредоточены в Арктике.

Другой пример. Сложно понять тезис председателя Комиссии Совета Федерации по национальной морской политике В.А. Попова, когда он говорит: «До тех пор пока эту часть Арктики (Северный морской путь (СМП). – *А.О.*), которая сейчас с оговорками обозначена как российская, не оформить соответствующими международными соглашениями с соблюдением наших интересов, мы проиграем Севморпуть» [Говердовский 2009].

Не вполне понятно о каких «оговорках» идет речь и, кому и на каких политико-правовых и экономических основаниях, собрался «проигрывать» Севморпуть сенатор от Мурманской области В.А. Попов? Что же касается российских интересов в отношении СМП, то они должны быть отражены не в «соответствующих международных соглашениях», а, прежде всего, в национальном законодательстве России. В контексте этого для Российской Федерации очевидную важность приобретает задача «не потерять» исторически

принадлежащие ей арктические морские пространства и морские природные ресурсы [Ovlashchenko, Pokrovsky 2007: 206–214].

Еще один пример. Заместитель председателя Комиссии Совета Федерации по национальной морской политике Б.А. Сорокин, возглавляющий в этой комиссии подкомитет по Мировому океану, в 2009 году в интервью на «Радио Свобода» несколько сбивчиво сообщил, что Арктика – это «достояние всех землян» [Интервью 2009]. Можно только догадываться, что это: метафора (действительно, «инопланетян» здесь только еще не хватало), личные взгляды «хозяйственника», или, что-то иное? Ну, а если говорить серьезно, то с точки зрения международного морского права, отсюда совсем недалеко и до «общего наследия человечества» осталось...

2. Домашнее задание «на двойку»: о чем рассказала «рабочая тетрадь» Российского совета по международным делам?

Общеизвестно, что США берут на себя практически единоличное право формулировать глобальные проблемы современности, которые фактически составляют наиболее важные «национальные задачи» и «национальные приоритеты» этой страны, выдают их за «общечеловеческие». Специалисты из ИМЭМО, еще в 1987 г. писали о том, что маскируясь идеями «гуманизма» и выдавая свои узкокорыстные интересы за общечеловеческие, правящие круги США пытаются навязать (надо заметить, что весьма успешно для себя. – *А.О.*) народам собственные проекты распределения прав и регулирования деятельности в Мировом океане [Войтоловский, Шапиро 1987: 88]. Также далеко не секрет, что в ряде случаев государственным институциям США удобнее осуществлять свои функции через частные организации и фонды. Важное место занимают контакты федеральной законодательной и исполнительной власти с так называемыми группами «политического действия». Это неправительственные, негосударственные организации, по роду своей деятельности тесно связанные с внешней политикой Соединенных Штатов.

Выгодная для перспективных интересов морской природоресурсной политики США экологизация международных отношений, активно осуществлялась и осуществляется сегодня за счет привлечения к этой теме все большего количества национальных (НПО) и международных неправительственных организаций (МНПО). МНПО традиционно концентрируют главное внимание на поисках форм и методов повышения эффективности своего сотрудничества с межправительственными организациями и увеличения собственного вклада в международные программы и проекты по охране окружающей среды. На международные экологические мероприятия к началу 90-х годов оказывали влияние около десяти наиболее авторитетных МНПО. В Найробийской декларации 1982 г. было отмечено, что «неправительственным организациям принадлежит особенно важная и часто инициативная роль в этой области».

Согласно сделанной в середине 70-х годов, оценке руководителя центра координации деятельности МНПО по охране окружающей среды С. Ритчи, такие организации «...предоставляют в распоряжение правительств и межправительственных органов свой экспертный потенциал и средства общественного воздействия, чтобы облегчить им принятие все более трудных решений с учетом все более противоречивых внешних условий» [Васильев, Писарев, Хозин 1978: 204].

Американская исследовательница А. Феррару следующим образом охарактеризовала причины возникновения МНПО: «Люди, придерживающиеся общей точки зрения на мировые (экологические. – *А.О.*) проблемы, встречаются почти везде: в правительствах, в деловых кругах, в университетах, в международных организациях. И все они стремятся добиться достижения глобальных задач многими средствами, одним из которых и являются международные неправительственные организации» [Васильев, Писарев, Хозин 1978: 214]. Характеризуя более позднюю фазу этого процесса, профессор

политологии и философии Йельского университета С. Бенхабиб говорит о росте «транснациональных сетей солидарности» в области охраны окружающей среды. Наряду с другими факторами она относит это к признакам «новых модальностей политического... действия и координации в изменившемся мире» [Бенхабиб 2003: 218–219].

На состоявшемся в мае 1990 г. в Москве советско-английском симпозиуме, директор Центра международного природоохранительного права при Лондонском университете Ф. Сэндс, в частности, сообщил: «Практически невозможно найти книгу по международному праву, в которой бы хоть что-нибудь говорилось о роли природоохранительных НПО в международном юридическом (правотворческом. – *А.О.*) процессе. Однако всякий, участвующий в международных конференциях по вопросам охраны среды знает, что эти организации весьма активны в них. Они используют для этого разные пути... [Сэндс 1992: 231]. По меткому замечанию Ф. Сэндса, в течение десятилетия – 1980-х годов – экологические НПО «из мелких, национальных и скудно финансируемых стали крупными, международными и с хорошими фондами». Изучив потенциальные возможности «творческого использования» в своих целях национальных правовых систем, НПО и МНПО обратились к «творческому использованию» международной правовой системы как средству достижения «глобальных природоохранных целей».

Как пишет один из специалистов, на протяжении последнего десятилетия «общественная экологическая организация» в США – это не просто «просветитель» и агитатор, и уже вовсе не проситель или ходатай, обращающийся во всевозможные государственные инстанции с заявлениями о необходимости решения тех или иных экологических вопросов, а активный участник и организатор в деле обеспечения «здоровой окружающей среды» и сохранения природных ресурсов, располагающий и эффективно использующий в этих целях широкий арсенал правовых средств. На правовом поле «экологии» это очень сильная фигура, зачастую предлагающая и способствующая претворению в жизнь наиболее кардинальных, радикальных решений, оказывающая постоянное давление на государственные органы и законодателя. Недаром на американском сленге НПО, в том числе экологические, называют «*watchdogs*», что можно перевести как «сторожевые псы» [Брославский 2013: 93–94].

Сегодня не могут не впечатлять масштабы деятельности МНО и МНПО на постсоветском пространстве, в том числе в морской «природоохранной» сфере [Perfomance 2007]. О такой деятельности, осуществляемой *WWF-RFE*, будет рассказано в последнем очерке. В настоящем же очерке нас будет интересовать деятельность структур и подразделений «*PEW*», поскольку под эгидой последней – «Международного природоохранного фонда Пью», а также Российского совета по международным делам и Российской Ассоциации международного морского права была издана так называемая «Рабочая тетрадь», посвященная «международному сотрудничеству в области охраны окружающей среды, сохранению и рациональному управлению биологическими ресурсами в Северном Ледовитом океане» [Международное 2012].

Одной из «целевых» НПО, предложившей в 2000–2004 гг. ряд важнейших рекомендаций по совершенствованию океанической политики США, стала «*Pew*

Oceans Commission». Небезынтересно, что одним из основателей этой НПО был Л. Панетта. Известно, что занимавшийся с 1997 г. неправительственной деятельностью Л. Панетта, возглавлял внепартийный Институт общественной политики Леона и Сильвии Панетта при Университете штата Калифорния (Монтерей-Бей, США).

В 2000 году Л. Панетта стал одним из основателей «*Pew Oceans Commission*», занимавшейся проблемами связанными с «поддержанием экологии» в морях и океанах: чрезмерной ловли рыбы, развития прибрежных территорий, сохранения морской жизни. В дальнейшем, с 2005 г. Л. Панетта являлся одним из сопредседателей неправительственной комиссии по морской политике «*Joint Ocean Commission Initiative*», фактически объединившей «*Pew Oceans Commission*» и соответствующее государственное ведомство – Комиссию США по океанской политике (*U.S. Commission on Ocean Policy*). Все эти структуры во многом продолжили отработку методов океанического, «экологически ориентированного» соуправления в самих США, с последующим внедрением таких методов и политехнологий в международные морские отношения и международное морское право (12 февраля 2009 года Сенат США утвердил выдвинутого президентом Б. Обамой – Леона Эдварда Панетту – в должности директора Центрального разведывательного управления США).

«*Pew Oceans Commission*» была создана летом 2000 года. Несколько ранее, в 1998 году в Монтерее (США) состоялась национальная конференция, посвященная проблемам стратегии изучения и использования Соединенными Штатами пространств и природных ресурсов Мирового океана в XXI веке. В конференции принимали участие президент США У. Клинтон (с 1994 и до начала 1997 года Л. Панетта был главой администрации Белого дома) и вице-президент А. Гор. Участниками встречи стали представители правительства, промышленности, бизнеса, военных ведомств, регионов, многочисленных научных и природоохранных центров. В речи У. Клинтона особо подчеркивалась тесная взаимосвязь океанской политики США с принятыми в этой стране экологическими концепциями, что должно было в практической плоскости выразиться прежде всего в ее «надпартийном характере». Он предложил создать в стране постоянную Комиссию по океанам, в которой были бы представлены все заинтересованные в реализации океанской политики США слои американского общества.

Один из основателей и видных функционеров «*Pew Oceans Commission*» Дж. Рейкэрт (специалист в области «поведенческих наук», получивший в Принстонском университете докторскую степень в области социальной антропологии) является управляющим директором «*Pew Environment Group*», специализирующейся на защите «глобальной» морской среды. Поработав на различных должностях в правительственных и неправительственных организациях, Дж. Райхерт стал «главным архитектором» и основателем целой «сети» эколого-морских организаций, включая «*Oceana*», «*National Environmental Trust*», «*SeaWeb*», «*Earth Force*», «*Ocean Law Project*», «*Pew Institute for Ocean Science*», «*Ocean Wildlife Campaign*» и др.

В своей практической деятельности «*Pew Oceans Commission*» тесно взаимодействовала со всевозможными фондами. Например, в 2004 г. этой НПО при

щедрой поддержке основанного «в пригородах Филадельфии» фонда «*Lenfest*», была начата программа «*Lenfest Ocean Program*». Примечательна следующая «взаимная отсылка»: на сайте фонда «*Lenfest*», напротив, указано, что программа «*Lenfest Ocean Program*» осуществляется при поддержке «Благотворительных фондов *PEW*» [The Lenfest]. Такое «перетекание» финансовых средств наблюдается не только при анализе взаимоотношений всевозможных «экоориентированных» фондов и НПО (МНПО), но и в рамках ООН.

Среди целей «*Lenfest Ocean Program*» значится поддержка грантами тех морских исследователей, которые «будут полезны при выработке решений по проблемам океанов». На основе рекомендаций этих исследователей руководство программы определяет направления исследовательских проектов, имеющих непосредственное отношение к формированию и проведению морской политики. Программа вкладывает «значительные ресурсы» в обеспечение того, чтобы поддерживаемые фондом результаты исследований становились бы «широко и эффективно» доступными для мировых политиков и общественности. Естественно, что данная программа действует строго в рамках «экосистемного подхода» и «устойчивого развития».

Поэтому ученым, работающим не в рамках этих политизированных, квазинаучных направлений, сотрудничество с программой, что называется, «не грозит». На сайте «*Lenfest Ocean Program*» (кстати, теперь ее месторасположение указано уже отнюдь не в «пригородах Филадельфии», а в столичном Вашингтоне) так и заявлено: «Мы поддерживаем научные исследования..., которые помогут лицам, принимающим решения, ...разрабатывать и проводить политику, которая будет реализовывать устойчивое управление океаническими экосистемами».

«Стипендиатами» осуществляемой «*PEW*» «Программы по сохранению морской среды», стали с 1990 г. 140 ученых «мирового уровня» [The Pew]. Пропагандистские усилия «*PEW*» реализуются как в Америке, так и во всем мире через природоохранные кампании «в диапазоне»: от защиты голубого тунца в Мексиканском заливе, до сохранения «морских экосистем» Арктики и Антарктики. «Экологические» акции изображаются якобы исходящими от общественности. Одновременно создается видимость активной поддержки «мировой общественностью» экологической инициатив США. Последние заинтересованы в том, чтобы скрыть планомерное и широкое использование в своих целях неправительственных организаций.

На что же расходуются средства «Благотворительных фондов *PEW*»?

Среди расходов «*The Pew Charitable Trusts*» в 2008 г. можно например обнаружить выделение 728 тыс. долл. (все данные взяты из отчетов «*The Pew Charitable Trusts*», размещенных на официальном сайте этой организации) Университету Британской Колумбии на «Глобальный океанский экономический проект», связанный с «устойчивым рыболовством». В том же году, более 2 млн. долл. было предоставлено одной из НПО для реализации проекта по «защите» арктических морских пространств (вполне понятно, что в России, к примеру, с такими деньгами можно приобрести себе очень много «последователей», вполне готовых «защищать» эти самые пространства хоть от самих себя; пожалуй, еще и очередь выстроится... – *А.О.*). Сетевой проект по защите морских рыбных ресурсов

получил в 2008 г. 305 тыс. долл. на цели «публичного образования, политического анализа и стратегических коммуникаций». В 2009 г. в рамках «общей эксплуатационной поддержки» и на цели, по «усилению возможностей» в деятельности по «восстановлению океанических экосистем и защите морского разнообразия», упомянутой выше сетевой организации «*Oceana*» предоставлено (несмотря на «глобальный» экономический кризис) 4,5 млн. долл.

Среди сопутствующих целей в данном случае можно обнаружить деятельность по усилению «привлекательности» указанных мероприятий, соответствующее обучение и научные исследования, а также оказание «институциональной поддержки» (банальный подкуп. – *А.О.*). Еще в 2002 г. НПО «*Oceana*» уже получила от «*PEW*» 4,5 млн. долл. (с целью «приостановления деструкции морской жизни»), в 2003 г. – еще 5 млн. 625 тыс. долл. (на обеспечение «общих эксплуатационных расходов»), в 2005 – снова 4,5 млн. долл. (как «международная морская защитная организация»), наконец, в 2007 г. в рамках проекта «Сохранение морских экосистем» – 9 млн. долл. (причем в целях этой программы было недвусмысленно указано на то, что средства предназначены для усиления влияния организации в ходе «привлечения общества, проведения научного анализа и конструирования (*sic!* – *А.О.*) институциональной поддержки»).

Если бы такие средства сетевые организации, университеты, отдельные ученые из других стран получали бы сегодня напрямую, например, от Госдепартамента, то возникло бы много «лишних» вопросов: бюджетного, партийного характера, от вездесущей прессы и т. п. Однако определенная преемственность прослеживается. Например, в таблице распределения федеральных ассигнований на изучение Мирового океана, в 70-е годы можно было обнаружить, что Госдепартамент получил в 1975 г. – 11,6 млн. долл., в 1976 г. – 13,2 млн. долл., в 1977 г. – 15,3 млн. долл. Интересно, что по целевому назначению эти цифры практически совпали с данными в графе «международные связи и сотрудничество» (данные приведены по источнику: [Писарев 1977: 56]).

В период с июня 2004 г. по декабрь 2008 г., «*The Pew Charitable Trusts*» на одни только исследовательские гранты израсходовала более 8,5 млн. долл. Значительные суммы из общих расходов были получены «сетевыми организациями», то есть теми самыми НПО и МНПО.

А вот примеры латентного отстаивания геополитических интересов США в южно-полярном регионе, закрепления национальных интересов этой страны в Системе Договора об Антарктике. В 2004 г. одна из МНПО получила от «*The Pew Charitable Trusts*» 399 тыс. долл. на реализацию проекта по «экосистемному подходу» в вопросе взаимодействия «пингвин–криль». В 2006 г. «Коалиция Антарктики и Южного океана» («*Antarctic and Southern Ocean Coalition*») получила по проекту «Антарктический криль» на защиту «пищевой цепочки» Южного океана 414 тыс. долл.

В 2007 г. в рамках проекта по защите антарктического криля финансовую «подпитку» в размере 755 тыс. долл. получила организация «*NET*». В 2008 г. году организация «*World Wildlife Fund*» получила от «*The Pew Charitable Trusts*» 101 тыс. долл. для «усиления координации» различных международных антарктических программ и инициатив. В 2008 г. «Коалиция Антарктики и

Южного океана» в рамках проекта по защите антарктического криля получила еще 300 тыс. долл. [Овлащенко 2012(в): 19–23].

Как видно, воздействие МНПО на межгосударственные отношения и политику отдельных государств выражается в различных формах – от влияния «национальных секций» МНПО на политику своих правительств до использования правительствами каналов МНПО для зондирования возможности проведения того или иного решения. Поэтому государства, в первую очередь США, все в большей степени используют так называемые «неофициальные» каналы, одним из которых является участие лиц, причастных к выработке внешнеполитических решений, в различных мероприятиях МНПО. Возможности МНПО уже на протяжении длительного периода времени все шире используются как американскими политическими партиями, так и представителями официальных правительственных кругов США для осуществления своих внешнеполитических целей [Коваленко 1976: 79].

Итак, какие же идеи в области «налаживания эффективного международного взаимодействия» в Арктике выдвигают, в рамках созданной («сконструированной»...) под патронатом «Международного природоохранного фонда Пью», упомянутой «Рабочей тетради» (причем, как заявлено в ее аннотации, «опираясь на здравый смысл и солидный фундамент международного права»), российские специалисты-международники. Стоит напомнить, что в основу «Рабочей тетради» положены тексты докладов, представленных на симпозиуме, состоявшемся в Москве 4 сентября 2012 г. «Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды, сохранения и рационального управления биологическими ресурсами в Северном Ледовитом океане». Это мероприятие было организовано в рамках проекта Российского совета по международным делам (РСМД) «Дорожная карта международного сотрудничества в Арктике».

Руководитель авторского коллектива «Рабочей тетради», доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российской Ассоциации международного морского права А.Н. Вылегжанин в своем введении, в первую очередь обращает внимание на то, что в последние годы арктическими странами «сделан акцент» на региональный уровень сотрудничества в Северном Ледовитом океане, как он считает, «наиболее эффективный подход, прежде всего, в целях сохранения особо уязвимой (*sic!* – *A.O.*) арктической окружающей среды» [Международное 2012: 3–4]. «Региональным подходом, – продолжает А.Н. Вылегжанин, – в этом случае достигается более справедливый результат, чем при избирательном исполнении глобальных предписаний Конвенции 1982 г. (Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. – *A.O.*). Однако, на наш взгляд, этого российского юриста-международника не удовлетворило не только «несправедливое» неучастие США в этой конвенции, а то, что «глобальные предписания» последней, не содержат развернутых требований по внедрению и последующему использованию экосистемного подхода.

Как известно, в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. – этой общей договорной основе правового режима охраны морской среды – «экосистемный подход» отражения не нашел. В ключевой для всего международно-правового механизма в этой области – 192 ст. Конвенции 1982 г. (как писал участник III

Конференции ООН по морскому праву, финский специалист К. Хакапаа, «эта основополагающая норма отражает главную задачу, стоявшую перед III Конференцией ООН, – заложить основы режима всеобщей борьбы с загрязнением: все государства, независимо от размера их территории, географического положения или особых национальных интересов, должны нести ответственность за предотвращение, сокращение и сохранение под контролем загрязнения морской среды» [Хакапаа 1986: 59]) – в наиболее общей форме говорится о том, что «государства обязаны защищать и сохранять морскую среду», а отнюдь, не «морские экосистемы».

Между прочим, отсюда совершенно ложным является указание в одном из документов Арктического совета, на то, что Всемирная встреча на высшем уровне по устойчивому развитию (ЮАР, 2002) «вновь подтвердила», что Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. «обеспечивает глобальную правовую основу для всестороннего управления океаном и способствует тому, что ключевые принципы и подходы, такие, как осторожность («осторожный», «предостороженный подход» (*«precautionary approach»*), или, как, его еще называют, «принцип предосторожности» (*«precautionary principle»*). – *A.O.*) и управление на основе экосистемы (экосистемного подхода. – *A.O.*), ныне широко приняты» [Арктический 2004]. Утверждать так, это значит согласиться с таким «глобально-расширительным» толкованием, якобы «обеспечивающих» и «способствующих» конвенционных норм, что любой юрист-международник (правда, не потерявший совесть... – *A.O.*), очевидно, должен по меньшей мере, ну, хотя бы... покраснеть. Впрочем, «совестить» господ экологистов дело «безнадежно-неблагодарное».

С явным намеком на дальнейшую экологизацию Арктики А.Н. Вылегжанин пишет о том, что «особое фактическое положение дел обуславливает лидирующую роль арктических прибрежных государств в уточнении правового режима морских районов Арктики». Что это будет за «уточнение», пожалуй, догадаться нетрудно (в сторону «экосистематизации» права). В другом месте своего введения А.Н. Вылегжанин цитирует работу двух западных юристов-международников (*Rothwell, Joyner*), которые, в частности, пишут о том, что в Арктике не сложилось «подлинно регионального режима». «Вместо этого, – продолжают они, – морское право применялось к Полярному Северу посредством национальных подходов... То есть правительство каждого арктического государства рассматривает, принимает и осуществляет посредством национального законодательства такие юридические правила и нормы, которые, по его мнению, лучше всего служат его национальным интересам в его полярных морях» [Международное 2012: 7].

В чьих же «национальных интересах» должны теперь, осуществлять приарктические государства – в том числе Россия – свою юрисдикцию в северо-полярных морях? «В ходе настоящего научного симпозиума, – осторожно пишет А.Н. Вылегжанин (вообще, большой сторонник «осторожного подхода»), – обозначен осторожный научный прогноз того, что практика арктических государств пойдет по пути развития эффективного регионального правового режима сохранения и защиты морской среды в Северном Ледовитом океане, в том числе и над районами континентального шельфа» [Международное 2012: 7–8]. И задает затем общий вектор «Рабочей тетради»: «Высокая степень консенсуса

ученых и специалистов обозначена, пожалуй, в главном: приоритетной, первоочередной ответственности арктических государств за сохранение арктических экосистем».

Такая, «высокая степень» консенсуса в отношении «сохранения арктических экосистем» вполне логична, да и просто просматриваема; как известно «кто платит, тот и заказывает музыку». А ведь «институциональную поддержку» в данном случае, «конструирует» не кто иной, как материально богатый «Международный природоохранный фонд Пью» (США).

А.Н. Вылегжаниным выражена «желательность» создания арктическими государствами «регионального механизма сохранения биоресурсов данного района, который был бы открыт для участия в нем неарктических государств» [Международное 2012: 8].

Да, действительно, «из двух зол выбирают меньшее». По сравнению с инициированным американскими «Рев-структурами», введением моратория на добычу морских биологических ресурсов в пределах огромных арктических морских пространств, подобная «регионализация» возможно представляется злом меньшим. Однако этот процесс ни в коем случае не надо идеализировать. Хорошо известно, что региональные экоориентированные соглашения, в том числе в области регулирования рыболовства, являются эффективным средством унификации морской политики государств того или иного региона, средством встраивания последнего в механизмы регионального и глобального «океанического соуправления». В свою очередь такие механизмы отвечают в первую очередь интересам морской природоресурсной политики США [Овлащенко, Покровский 2011(а): 15–22; Овлащенко 2013].

Отмеченная уже выше, самобытность международно-правовых новаций доктора юридических наук, профессора кафедры международного права МГИМО (У) МИД России Ю.Н. Малеева, на этот раз вполне укладывается в рамки экологизации российского арктического морского природопользования. Только, согласно «заказанной» РСМД и «Международным природоохранным фондом Пью», «музыке», оценки Ю.Н. Малеева в этот раз более радикальны (своеобразный «экологический радикализм»), а то и «экоалармичны». Размышляя о некоем «комплексе международных проблем» освоения российской Арктики, он утверждает, например, что «сегодня с экологической точки зрения Арктика (надо полагать – российская? – А.О.) является абсолютно непригодным регионом для серьезной деловой активности, а в ближайшем будущем – и для проживания» [Малеев 2012: 9].

Также выше, уже было подчеркнуто, что практически все принятые с подачи Запада международные документы по Арктике провозглашают «примат» сохранения ее экологии и ресурсов. Иными словами: экология должна доминировать над экономикой. Но, доминировать с целью лишения людей – в первую очередь народов населяющих Россию, будущих поколений россиян – их жизненно важных прав на морские природные ресурсы, биологические и углеводородные, иные.

Позиция Ю.Н. Малеева близка к лукавым советам (а то и «затмевает» их) современных «рахдонитов» по поводу того, что «не следует без особой надобности

создавать в Арктике новые промышленные очаги» [Додин 2005: 260]. Все тот же Д.А. Додин предлагает «не форсировать добычу нефти и газа на шельфе», считая, что эти, «в значительной мере установленные грандиозные запасы углеводородов очень и очень пригодятся будущим поколениям (кого? – *А.О.*)». Это, согласно его риторике, «находится в полном соответствии с проблемой создания системы устойчивого развития» [Додин 2005: 69].

Еще один автор арктической «Рабочей тетради» РСМД, представитель Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена Д.П. Каранов, начиная, с совершенно противоестественного «естественнонаучного» утверждения о том, что Арктика «представляет собой хрупкую (*sic!* – *А.О.*) экосистему, ...не располагающую возможностями к самовосстановлению», делает затем вывод, что именно по этой причине «экологи в последние годы все чаще призывают уменьшить темпы освоения Арктики, не начинать добычу нефти в морях Северного Ледовитого океана, «заморозить» ее экономическое развитие» [Каранов 2012: 84] (если задать простым вопросом о том, почему именно этот автор оказался в числе экспертов «Рабочей тетради», самый очевидный ответ, наверное – он пишет «то, что надо»).

Ю.Н. Малеев продолжает: «...Нынешнее экологическое состояние российской Арктики диктует проведение соответствующей федеральной (и любой иной) политики в этом регионе под императивом «принуждение к экологической безопасности». Кончились надежды (отчего же, так-то? – *А.О.*) на то, что различными подзаконными (да и законодательными актами общего порядка) можно испугать тех, кто давно и настойчиво превращает (и превратил) в опасную мусорную свалку Арктику, специфичность, уязвимость флоры и фауны которой давно известны (ужели давно... – *А.О.*). Это диктует необходимость принятия срочных и очень дорогостоящих мер, в том числе – на международном уровне, в интересах всего человечества, не просто по очистке Арктике, но и по поддержанию ее стабильной экологической безопасности» [Малеев 2012: 9].

«Вполне возможно, – развивает свои мысли этот российский юрист-международник, – что Арктика явилась (явится? – *А.О.*) тем первым экологическим полигоном, в котором все государства крайне заинтересованы действовать совместно, обладая правом принуждать к соблюдению экологической безопасности» [Малеев 2012:11]. Постойте... о «полигоне» мы уже где-то слышали. Да ведь это В.Д. Писарев постоянно указывает на то, что океаническое соуправление превращается в некий «полигон» для отработки международной системы решения глобальных проблем современности, включая проблему «соуправления глобализацией». Как видно, мысли весьма сходные, в унисон...

Только что приведенные нотации Ю.Н. Малеева, а, тем более, его упоминание какого-то «полигона», действующего, как обычно в таких случаях «на благо всего человечества», можно развить, своеобразным образом экстраполировать. Например, так: через небольшое количество лет, снова в Москве, пройдет еще один симпозиум, теперь уже под эгидой РСМД, Российской Ассоциации международного морского права, Международного природоохранного фонда Пью и... Пентагона.

Фантазии? Причем здесь Пентагон...?

Отнюдь не фантазии, и Пентагон имеет к этому самое прямое отношение. Дело в том, что в перспективе США планируют разработать национальный законопроект, позволяющий им применять военную силу против стран, правительства которых «не могут» контролировать «экологическую ситуацию» (иными словами, ту самую, упомянутую Ю.Н. Малеевым «экологическую безопасность») на своей территории [Поташко 1999: 97–98]. А если серьезно, то планируемые «экологические интервенции» стоят в одном ряду со, ставшими столь популярными «гуманитарными интервенциями», вызванными якобы нарушениями прав человека.

Подобные веяния озвучивают не только американские авторы. Например, аспирант (надо полагать, давно уже кандидат, а то и доктор юридических наук) Российского университета дружбы народов С.А. Мохаммад пишет в автореферате своей диссертации о том, что, «появились даже работы, в которых предлагается отказаться от традиционной ориентации на концепцию государственного суверенитета в пользу экологической безопасности человечества» [Мохаммад 2003]. Однако, несмотря на такое «даже», в работе самого этого юриста звучит предложение об учреждении при ООН, неких «Сил Чрезвычайного Экологического Реагирования (СЧЭР)», обладающих «правом», без согласия государств «экологического района», осуществлять «чрезвычайные меры борьбы со стихийными и иными экологическими бедствиями по решению Совета СЧЭР». Вряд ли из этого следует, что сам Мохаммад «традиционно ориентирован». Собственно, это подтверждают его же слова: «Традиционное понимание принципа государственного суверенитета не должно носить абсолютного характера в контексте современных угроз экологической безопасности».

Экономические устремления стран Запада в арктической зоне России прослеживаются на целом ряде примеров. В частности, с 1994 г. специально созданной группой системно-аналитиков США (возглавлялась профессором Д. Брауном) осуществлялась 42-месячная программа «Сравнительные исследования американских и российских подходов к принятию решений в области освоения Арктики» (ASEE), основной задачей которой, была выдача рекомендаций для действий правительству США. Уже предварительно проведенные аналитические оценки этой группы показали, что экономический эффект от долговременных финансовых инвестиций в российские программы будет очень высоким. При объеме вложений около 100 млрд долл. в течение 30 лет только в Тимано-Печерский нефтегазовый комплекс и программы развития Мурманской области, чистая прибыль может составить не менее 50 млрд. долл. (Спандарьян, 1997). Такие прибыли, как добавляет российский исследователь А.Е. Поташко, несомненно не могут не стать объектом противоборства как промышленных, так и банковских кругов [Поташко 1999: 91].

Докулично повторяемый тезис о «взаимозависимости» всех приарктических государств в плане «экологической безопасности», с начала 90-х годов активно используется руководством США для достижения долгосрочных политических, экономических и военных целей в регионе. Вашингтон настаивает на необходимости добровольного отказа государств региона (России и Канады) от части их суверенных прав. Еще в 1992 г., при вице-президенте А. Горе, была

сформирована группа по окружающей среде с задачей «координации на государственном уровне внешнеполитической деятельности в вопросах экологии».

Для исследования российской Арктики в 1994 г. целенаправленно создается группа геохимических исследований окружающей среды (*GERG*), в состав которой вошли специалисты научно-исследовательского управления ВМС США, НОАА и Техасского университета (в «Рабочей тетради» РСМД, кандидат географических наук, заведующий отделом океанологии ФГБУ «Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт» И.М. Ашик подчеркнул, что «национальным интересам России наиболее соответствуют собственные российские исследования в зоне ее экономических и оборонных интересов» [Ашик 2012: 31]; несмотря на это, беремся утверждать, что И.М. Ашик также «отобран после изучения его установок», иначе... не бывать ему среди авторов «Рабочей тетради»). В 1995 г. президентом США У. Клинтон был утвержден документ «Национальная стратегия в области природоохранных технологий», в котором, в качестве одной из основных целей провозглашалось распространение американских «природоохранных технологий» в мире [Поташко 1999: 97].

Следующий автор «Рабочей тетради» РСМД, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права МГИМО (У) МИД России (уже знакомая нам автор-конформист, пассивно принимающая существующий, ложный порядок вещей и, столь же ложных, «господствующих» мнений) А.В. Кукушкина, сообщает своим читателям о том, что те арктические государства, которые имеют выход к Северному Ледовитому океану, «наряду с этим (с выходом к Северному Ледовитому океану? – *А.О.*) несут особую ответственность за защиту от загрязнения его акватории и побережья, обеспечения устойчивого развития в регионе» [Кукушкина 2012: 21–22]. На поверку, это оказываются не авторские слова. Последняя цитата представляет собой цитирование, согласно А.В. Кукушкиной, «тезисов выступления С.В. Лаврова (министр иностранных дел России. – *А.О.*) на конференции пяти прибрежных арктических государств (Илулиссат, Гренландия, 28 мая 2008 г.)» [Кукушкина 2012: 21–22, сноска 35].

Однако процитированные А.В. Кукушкиной слова министра Лаврова, в свою очередь (исключая «новеллу», а именно, относительно недавнее «*know how*» внешнеполитической мысли Запада об «обеспечении устойчивого развития») являются, буквально, слегка видоизмененными словами, находившегося в Советском Союзе в мае 1971 г. премьер-министра Канады П.Э. Трюдо, который заявил: «Ответственность мы (арктические страны, в первую очередь, Канада и СССР. – *А.О.*) несем перед всем человечеством, ответственность за поддержание тончайшего экологического равновесия (полнейшая естественнонаучная абсурдность последнего положения, при всей его «дипломатической привлекательности», да и просто стилистической красоте, не может не поражать. – *А.О.*) в Арктике, за предотвращение загрязнения арктического океана, за заботу об уникальных биологических ресурсах в этой части земного шара и за их охрану» [Современное 1974: 189].

Наконец, не могут не вызвать невольную добрую улыбку, слова А.В. Кукушкиной о том, что «в ближайшие десятилетия помощь будет нужна и людям, и экосистемам» [Кукушкина 2012: 22]. Почему добрую? Да потому что, люди – а

не экосистемы, у этого российского юриста-международника пока еще поставлены на первое место, в отличие от многих внедряемых (в первую очередь с помощью ООН) сегодня в международную практику подходов [Овлащенко 2013].

Следующий автор «Рабочей тетради» РСМД, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Отдела аграрного, экологического и природоресурсного законодательства ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» Н.И. Хлуденева обращает внимание на то, что «региональный правовой режим охраны уязвимой (*sic!* – *A.O.*) окружающей среды Арктики к настоящему времени не сформировался, в связи с чем большая часть природоохранных проблем этого региона решается в рамках международного права окружающей среды и национальных экологических законодательств арктических государств» [Хлуденева 2012: 23]. Исходя из такой трактовки, надо понимать, что речь идет, о, пока еще «не сформировавшемся» эכוориентированном морском региональном режиме [Овлащенко 2012 (6)].

В то же время, Н.И. Хлуденева пишет о том, что «действующий международно-правовой режим охраны окружающей среды позволяет решать многие задачи охраны экосистем Арктики, в числе которых предотвращение загрязнения арктической морской среды, охрана особо чувствительных морских районов Арктики, сохранение арктической флоры и фауны». Кроме того, «спектр регулируемых в национальных законодательствах арктических государств аспектов внутригосударственной деятельности в области охраны окружающей среды Арктики весьма широк и включает в себя: предотвращение загрязнения морской среды из различных источников, создание арктических морских и приморских особо охраняемых природных территорий, предотвращение негативного воздействия на арктические биологические ресурсы, содействие эффективному участию коренного населения в рациональном использовании и охране окружающей среды Арктики и другие» [Хлуденева 2012: 23–24].

Казалось бы, чего же более... Так, что же, в отношении России, потребовалось еще «Международному природоохранному фонду Пью» и, его «добровольно-корыстным» помощникам, в лице РСМД и Российской Ассоциации международного морского права (вице-президент А.Н. Вылегжанин)? Ответ (вольно или невольно) дает сама Н.И. Хлуденева: «...Специального законодательного акта, устанавливающего особенности правового режима охраны экосистем (обратим внимание, уже не обычных, в нормальном человеческом, да и научном понимании, морских пространств, находящихся в их пределах морских природных ресурсов, а непременно «экосистем» – *A.O.*) Арктики, в Российской Федерации нет».

Вообще, статья этого российского специалиста, производит двойственное впечатление. Во-первых, автор добросовестно перечисляет все то, что наличествует в правовой системе России в области охраны окружающей среды Арктики (и это, далеко не полное перечисление занимает у нее, без малого, добрые пол страницы). Во-вторых, не менее добросовестно Н.И. Хлуденева перечисляет специфические названия из целой сети арктических морских и приморских особо охраняемых природных территорий федерального и регионального значения. В-

третьих, подчеркивает, что экологическим законодательством Российской Федерации предусмотрены и другие способы и средства правовой охраны окружающей среды, «которые потенциально применены (применимы? – *А.О.*) для целей регулирования вопросов охраны «арктических экосистем».

Однако промежуточный вывод этого специалиста не совсем коррелирует с предыдущим (т. е. ее же) авторским текстом: она считает, что многие из обозначенных ею инструментов правовой охраны не обладают высоким «природоохранным потенциалом». Конечный же вывод выглядит следующим образом: «Недостатки российского экологического законодательства... препятствуют организации эффективной правовой охраны уязвимых (*sic!* – *А.О.*) экосистем Арктики» [Хлуденева 2012: 26].

Вообще, копошения «Международного природоохранного фонда Пью» вокруг морских биоресурсов Арктики вполне объяснимы. Вот, например, что можно узнать из статьи одного из авторов «Рабочей тетради», профессора, председателя Северного Координационного совета ассоциаций, объединений рыбной промышленности Северного бассейна (КС «Севрыба») В.К. Зиланова.

В частности, он пишет: «Несмотря на то, что Северный Ледовитый океан и 10 его окраинных морей занимают огромные пространства..., рыболовство в значительных объемах ведется, по существу, только в Баренцевом, Гренландском и северной части Норвежского морей. Годовой вылов в этих районах всеми странами колеблется по годам в зависимости от состояния запасов основных объектов промысла (трески, пикши, сельди, мойвы, сайки, палтуса и др.) и океанологического режима и составляет 2–4 млн. т. ...В последние годы с потеплением Арктики происходит смещение рыболовства в северном и северо-восточном направлении, что обусловлено миграцией в эти районы основных объектов промысла... и других морских живых ресурсов. ...Пока все эти миграционные смещения находятся в пределах 200-мильного пояса Норвегии и России. Вместе с тем с потеплением Арктики (сам по себе этот вопрос, безусловно не является до конца выясненным, как и «предопределенным». – *А.О.*) не исключена дальнейшая миграция морских живых ресурсов в северном и северо-восточном направлениях и выход их за пределы 200-мильной зоны – в центральную часть Северного Ледовитого океана».

В.К. Зиланов напоминает о том, что в центральной части Северного Ледовитого океана, за пределами 200-мильных исключительных экономических зон пяти приарктических государств, находится самый большой в Мировом океане анклав открытого моря – площадью 2,8 млн. кв. км. Этот специалист, с учетом «меняющегося климата Арктики», также призывает «приступить к разработке и заключить межправительственное соглашение о сохранении и управлении живыми ресурсами в центральной части Северного Ледовитого океана» [Зиланов 2012: 44–46].

Еще одним автором «Рабочей тетради» РСМД, считаем, что «назрела необходимость» в создании региональной организации по управлению рыбными ресурсами в Северном Ледовитом океане, является кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права МГИМО (У) МИД России Д.К. Бекашев. Естественно, пишет он, что для создания такой организации потребуется

заключение многосторонней конвенции. Инициаторами такого договора могли бы выступить арктические прибрежные государства [Бекашев 2012: 43–44]. Впрочем, практически все российские авторы «Рабочей тетради», в той или иной степени придерживаются подобной точки зрения. Собственно, по оценке одного из участников сентябрьского мероприятия в Москве, и, одного из авторов «Рабочей тетради», это мероприятие и было предназначено для того, чтобы проводить в жизнь (как сейчас принято говорить, «пиарить») идею о региональной рыболовной организации.

Единственный западный автор «Рабочей тетради», директор Международной арктической программы Группы охраны окружающей среды Фонда Пью С. Хайлимэн (представитель той стороны, которая «заказывает музыку», сладовательно – платит...) озвучил гораздо более радикальные подходы. Точнее, кажущиеся, пока еще радикальными для большинства российских специалистов. Для морской природоресурсной политики США, ее арктического компонента, такие подходы – это явление вполне ординарное.

Здесь, пожалуй, самое время несколько остановиться на взглядах еще одного «международного совета», но, не «Российского совета по международным делам», а его заокеанского «оппонента-партнера», своеобразного политического «тяжеловеса» среди американских НПО, теснейшим образом связанной с внешнеполитическим истеблишментом и, по мнению аналитиков, играющей определяющую роль в формировании концептуальных основ такой политики.

Речь идет о Совете по международным отношениям (*Council on Foreign Relations*). В 2008 г. Совет открыл серию «круглых столов» на тему «США и будущее глобального соуправления», в рамках которых, рассматривались «ключевые вызовы» и предложения «фундаментальных институциональных реформ», связанных: с Советом Безопасности ООН; расширением G-8; «адаптацией» американского суверенитета к новому веку; ответственностью за поддержание и защиту суверенитета в рамках международного права (совсем уже, казалось бы, не свойственная для Совета по международным отношениям «забота» – А.О.); лидерством США и глобальным соуправлением в «век отсутствия полярности».

Как пишет российский исследователь В.Д. Писарев, тогда же в этой «серии» Совет организовал и начал реализацию программы «Стратегическое океаническое соуправление», в рамках которой обсуждаются такие проблемы как: «Творческий подход к океаническому соуправлению», «Стратегия сотрудничества в области морской мощи в XXI в.», «Национальный интерес и международное морское право». Подобные круглые столы отправляют своих экспертов из американских «мозговых центров» на глобальные океанические форумы, центральным среди которых является периодический Форум по океанам, прибрежным районам и островам, инициированный Францией в 2001 г. На форуме, который прошел в 2008 г. во Вьетнаме была разработана программа океанических форумов до 2016 г. (*Global Ocean Planning 2006–2016*). Встречи проходят с участием представителей государств, межправительственных и неправительственных организаций, бизнеса и «гражданского общества». Обсуждаются приоритетные направления действующей системы океанического соуправления, согласовываются проблемы, которые

предстоит решить в будущем. Затем эти согласованные предложения вносятся в ООН и проводимые ею саммиты [Писарев 2011: 87–89]. Таким образом происходит «мягкая» трансформация международного морского права.

Далее В.Д. Писарев сетует, что Россия, будучи одной из ведущих морских держав, как правило, слабо представлена на таких совещаниях, хотя, как подчеркивает он, российские лидеры подписали Декларацию Тысячелетия, в которой концепция «соуправления» определена как важнейший инструмент решения глобальных проблем. «Наша страна, — пишет этот специалист, — недостаточным образом использует свои возможности активно влиять на предлагаемый спектр тем и на согласуемые на подобных форумах акции». Этим, поясняет он, не в последнюю очередь объясняется оставление «за рамками» глобального океанического соуправления ряда вопросов использования планетарной гидросферы.

Небезынтересно, что сам Совет по международным отношениям, уже «видит» место России в происходящих процессах и дает ей свои, конкретные «рекомендации-указания» по формированию морской политики страны. Достаточно предметно взгляды Совета представлены на его официальном сайте в документе, излагающем краткое «видение проблем» и озаглавленном «Глобальный океанский режим» («*The Global Oceans Regime*») (для настоящей работы использована версия документа от 9 января 2012 г. [The Global 2012]). Совет рассматривает конкретные проблемы морепользования, причем вопросы «американского лидерства» превалируют несмотря на затеянную авторами документа «игру», в некое «заочное оппонирование».

В частности, вопросам мирового рыболовства уделяется в этом документе значительное внимание. Его авторы задаются вопросом: должны ли США проводить еще больше работы, чтобы добиться «решительного» снижения мировой добычи морских биоресурсов? Виртуальные «защитники» отвечают «да»: дальнейший упадок мировых рыбных ресурсов, помимо того, что является «моральным бременем» (США?! – *A.O.*), подрывает интересы национальной безопасности Соединенных Штатов. К исчерпанию рыбных ресурсов ведут в основном нерегулируемый, неподотчетный, неконтролируемый государствами рыбный промысел и перекапитализация («*overcapitalization*») мирового коммерческого рыболовного флота за счет государственных субсидий.

На пути решения этих проблем, сторонники активной линии в «регулировании» Соединенными Штатами мирового рыболовства считают целесообразным: во-первых, осуществить «полную реализацию» положений некоторых национальных актов, касающихся рыболовства (*Magnuson-Stevens Act*; Закон Магнусона-Стивенса «О сохранении рыбных ресурсов и управления ими 1976 г.») и увеличить компетенцию НОАА в этой сфере; во-вторых, США должны «настойчиво работать» («*aggressively work*»), чтобы уменьшить субсидирование рыболовства в Европе (очевидно, подразумевается в первую очередь Европейский Союз. – *A.O.*), которое «продвигает перекапитализацию и таким образом ведет к глобальному истощению рыбных ресурсов».

В этом контексте Соединенным Штатам рекомендуется (рекомендация «самим – себе») проводить мероприятия по продвижению в мировом рыболовстве

полностью «рыночно ориентированных механизмов». Наконец, «инновационная» американская политика установления ограничений вылова по всем видам рыб (такой подход должен быть введен в США уже в течение промыслового сезона 2012 года) в очередной раз преподносится в качестве «превосходной модели» для последующего «глобального продвижения» [The Global 2012] (что и происходит сейчас в России при «институциональной поддержке» американских «PEW-структур». – А.О.).

В этом направлении американская морская дипломатия традиционно «настойчиво работает» по линии ООН. Недаром в инициативе генерального секретаря ООН Пан Ги Муна «Договор по океанам» (Южная Корея, август 2012 г.) прозвучало требование о том, что, «мы также должны наращивать усилия по сведению мощностей мирового рыболовного флота до уровней, соразмерных устойчивости рыбных запасов, в том числе благодаря постоянной оценке таких мощностей (почему не запасов, с выявлением новых и последующим перенесением на них промыслового усилия? – А.О.)» [Договор 2012].

Экологи в США испытывают «особое волнение» от того факта, что эта страна устанавливает беспрецедентные ограничения в области рыболовства. Для некоторых видов рыб, например корифены (*Mahi mahi*), такие ограничения будут введены «впервые в истории». Высокую оценку таким нововведениям, дал директор «Pew Environment Group», уже упомянутый выше Дж. Рейкэрт.

Критики консервационистских подходов однако утверждают, что новые требования основаны на «некорректных недооценках популяций рыб и могут потенциально угрожать добычанию средств для существования локальных сообществ (один из компонентов концепции «океанического соуправления» в США. – А.О.), зависящих от лова рыбы» (а остальные, помимо «локальных сообществ», надо понимать «хоть огнем гори»...). Кроме того, критики говорят о том, что управление рыболовством, вообще говоря вопрос внутренней политики, и что Соединенные Штаты имеют мало прав говорить другим нациям, что последним необходимо сделать в этой области.

Несмотря на ведущуюся Вашингтоном массированную «естественнонаучную» пропаганду, в самих США, часто звучат слова о том, что научные данные об истощении рыбных запасов спекулятивно «сверхраздуты» («*the science of overfishing is overhyped*»), как и страшные предсказания о последствиях от ожидаемого «краха рыболовства».

Соглашение об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими (1995 г.) (соответствующая конференция ООН, на которой, кстати, уже широко провозглашалось, что «морские экосистемы неделимы и не признают границ, установленных человеком», проходила в 1993–1995 гг. под председательством верной креатуры США, посла С.Н. Нандана, таким образом «заработавшего» себе на будущее пост Генерального секретаря Международного органа по морскому дну; исполняя свою роль С.Н. Нандан отметил «довлеющую необходимость» сохранить морские живые ресурсы, которые, если не предпринять соответствующие меры, «будут по-прежнему чрезмерно эксплуатироваться, а их запасы – истощаться» [Вылегжанин, Зиланов

2000: 30]) и региональные советы по рыболовству, по их мнению «уже заходят достаточно далеко» в сфере регулирования международного рыболовства.

Поэтому любые дополнительные «усилия» со стороны США могут стать уже «дипломатическим перебором» и, окажутся чрезмерным, «неподъемным бременем» для мировой рыбной индустрии. Помимо этого критике подвергаются и некоторые специфические экономические механизмы, предлагаемые для инициации Соединенными Штатами в этой сфере.

Следующий вопрос, которым задаются члены американского Совета по международным отношениям, это – должны ли США выступить в качестве инициаторов «международных усилий» по координации национальных океанических политик? «Защитники» говорят, что американские обязательства перед «международным сообществом» – это составная часть девяти приоритетных целей Национального Океанского Совета (*National Ocean Council*), поэтому выполнение таких «обязательств», укрепило бы роль США в качестве «главного архитектора мироустройства». Члены Совета считают, что у США есть «уникальная» возможность объединить их национальную океанскую политику с наиболее полно реализуемой морской политикой таких стран, как Канада, Япония, Новая Зеландия, Австралия и с интегрированной морской политикой Европейского Союза. Эти «океанские интернационалисты» полагают, что высшие представители администрации, и возможно даже сам президент Б. Обама, должны скоординировать такое объединение с главами других государств. Их «лагерь» считает, что эффективного национального океанического соуправления может быть достигнуто только в тесном сотрудничестве с другими международными партнерами.

Противники такого подхода говорят, что Соединенные Штаты должны сосредоточить свои усилия на улучшении «управляемости» этим государством его «собственных вод». Они считают, что международные усилия по координации национальных морских политик различных государств будут фактически бесплодными или, из-за значительных разногласий по ключевым вопросам развития международных морских отношений, или же, из-за чрезвычайно существенной разницы в потенциалах государств по реализации такой координации. В целом признавая наличие «океанских проблем», такие оппозиционеры предлагают лучше сосредоточиться на более срочных «международных проектах», таких, например, как... «противостояние» ядерной программе Ирана [The Global 2012].

Рассматривая возможности для укрепления «глобального океанического соуправления» (*Global Ocean Governance*) члены Совета по международным отношениям отмечают, что, есть серия мер «формальных и неформальных», которые могут быть использованы для укрепления позиций США в таком соуправлении. Однако в качестве первой же меры указано их «окончательное присоединение к *UNCLOS* (Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. – *А.О.*)». Как полагают члены Совета, на таком «фундаменте» Соединенные Штаты смогут начать выявлять до настоящего времени «недогруженные режимы» (эти режимы давно выявлены и «перезагружены» США, причем «под» их национальные интересы. – *А.О.*), обновлять «соглашение двадцатого века», отражая в нем

современные «океанские изменения», и, в некоторых случаях (*sic!* – *A.O.*) выступать с дипломатическими инициативами и новаторством, касающимися новых институтов и режимов.

Вообще вопрос ратификации *UNCLOS* Соединенными Штатами, выделен в рассматриваемом документе Совета по международным отношениям особо. Авторы документа полагают, что «окончательное присоединение» к этому международному договору способствовало бы его «дальнейшей надежности» и, сделало бы США, «полноправным партнером» в глобальном океаническом соуправлении. При однозначной констатации авторами документа центральной роли США в «содержательном наполнении» Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., они, одновременно, указывают на негативный характер того факта, что не ратифицировав – в отличие от 162 стран мира и Европейского Союза – эту конвенцию, Соединенные Штаты поставили себя «в один ряд» с такими государствами («горсткой прибрежных стран»), как Сирия, Северная Корея и Иран, поступившими аналогично.

Одним из центральных аргументов «все более срочного» присоединения к Конвенции 1982 г., и это, тоже отражено в документе Совета по международным отношениям, считаются в США проблемы «тающей Арктики» («*melting Arctic*»). Указывается, что «отклоняя» *UNCLOS*, Соединенные Штаты «замораживают» себя вне процесса принятия важных международных решений, буквально, «утрачивают место за столами принятия решений» в области арктических проблем. Находясь на позиции последовательной интернационализации таких проблем, в документе, тем не менее, рассматривается вопрос о том, должны ли Соединенные Штаты стремиться к более определенной, многосторонней арктической стратегии. При этом теперь уже не «тающая», а «открытая Арктика», вновь позиционируется «неотъемлемо» («*inherently*») международной проблемой. Среди прочего утверждается «сущностная важность» экосистемного подхода при управлении хозяйственной деятельностью в Арктике.

Интересно, что «полимейкеры» из Совета по международным отношениям, архитекторы «нового мирового порядка» и тут остаются верны себе, когда пишут о том, что ратификация Соединенными Штатами *UNCLOS* обеспечила бы «твердую юридическую основу, на которой можно построить изящные и эффективные структуры соуправления для этого геостратегически критического региона». Как говорится, на таком творческом подъеме и с таким «запевом», члены Совета идут еще дальше, предлагая США, быть «пионерами» в создании морского заповедника на... Северном полюсе, что очевидно, должно символически «экологизировать» всю Арктику.

С другой стороны, они же, вполне трезво предлагают наделить Арктический Совет компетенцией в сфере безопасности. Заканчиваются аргументы сторонников «мультилатерального управления» в Арктике призывом к активизации роли США в этом регионе, занятием этой страной ведущей позиции в развитии многосторонних арктических инициатив, подобных той (как многозначительно напоминает в документе Совета по международным отношениям) «авангардной роли», которую сыграли США пятьдесят лет назад в ходе обсуждения и заключения Договора об Антарктике [The Global 2012].

Противники таких взглядов утверждают, что вполне достаточно недавно изданных президентских директив о национальной безопасности и о внутренней безопасности (*National Security Presidential Directive, Homeland Security Presidential Directive*) которые, в том числе «обновляют» арктическую политику США. Они считают, что у Соединенных Штатов есть непосредственно их касающиеся, стратегические проблемы за пределами Арктики. Авторы документа полагают, что любое «сотрудничество» с Канадой в вопросе о дискуссионном статусе Северо-Западного прохода (*North-West Passage*), ставшим уже традиционным предметом разногласий между этими странами, могло бы «подорвать свободу навигации» для американских ВМС в других районах мира, в первую очередь, в Ормузском и Тайваньском проливах.

Такая «обеспокоенность» национальной безопасностью США, как подчеркивают сторонники этого «лагеря», должна «перевешивать» преимущества от сотрудничества в области безопасности в Арктике, ее экономического использования и охраны окружающей среды (исходя их хорошо известного принципа «своя рубашка ближе к телу»). Противники многостороннего подхода к арктическим проблемам рассматривают Арктический Совет как, «сам по себе прекрасный», но, его дальнейшее укрепление (в качестве шагов по такому укреплению названа встреча членов Арктического Совета в мае 2011 года в Гренландии, причем, и на что особо обращено внимание, с участием госсекретаря США Х. Клинтон, а также создание постоянного секретариата этого Совета в норвежском городе Тромсе) будет расходиться с американскими интересами, которым, по заведенным во внешнеполитическом истеблишменте взглядам, «угрожает» любой новый многосторонний международный орган, якобы создающийся лишь для того, чтобы ограничить «американскую свободу».

Наконец, учитывая «территориальное доминирование» в Арктике двух стран – России и Канады – будущая арктическая дипломатия США, считают они, будет более эффективно выстраиваться по линии двусторонних отношений с каждым из этих государств (при этом вполне просматривается желание США занять положение «третьего радующегося». – *A.O.*), а не посредством более широких многосторонних инициатив.

А вот какие «рекомендации» в области океанического соуправления дает американский Совет по международным отношениям другим странам (это раздел документа так и называется «Национальные океанские политики для прибрежных государств»). В идеале, пишут авторы документа, создание всеохватывающей и интегрированной океанической политики США должно «немедленно сопровождаться» подобными усилиями в других морских странах, включая Бразилию, Индию, Россию и Китай (так называемые страны «*BRIC*»). Роль этих стран будет важна, подчеркивают они, в создании такой океанской политики, которая, в свою очередь создаст «связанный гобелен» («*coherent tapestry*») глобального соуправления.

Было бы идеальным, снова пишут авторы документа, если бы в ближайшие годы в странах *BRIC*, было бы поручено их «высшему официальному лицу», а, в некоторых случаях, главе государства установить и поддерживать связь с другими прибрежными государствами и региональными организациями с целью

координации «режимов океанского соуправления» (*ocean governance regimes*). Используя механизмы Программы региональных морей ЮНЕП наилучшая возможность для таких усилий существует на региональном уровне, а затем, через посредство ООН, эти «региональные усилия» могут быть скоординированы глобально [The Global 2012]. Тем не менее, в другом месте этого же документа Программа региональных морей – это воистину «детище» внешней морской политики и дипломатии США [Овлащенко 2013] – уже подвергается критике за ее «мозаичность», фрагментарность и т. п..

В итоговых «долгосрочных предложениях» Совета по международным отношениям (как указано в самом документе, эти «рекомендации» отражают взгляды двух специалистов в области проблем океанского соуправления – С. Патрика и С. Борджерсона) рекомендуется с целью увеличения эффективности «глобального океанского режима соуправления», прежде всего «укрепить и обновить» *UNCLOS*. Последняя и, связанные с ней соглашения, как подчеркивают эти два специалиста, продолжают оставаться фундаментом «международной океанской политики». Однако, чтобы оставаться и дальше «релевантным и эффективным», соглашение тридцатилетней давности должно включить в себя следующие изменения: признание и защиту уникальных областей в «зонах культурного наследия»; использование рыночно-ориентированных методов в коммерческом рыболовстве, особенно в открытом море; рост числа морских охраняемых зон во всем мире.

По их мнению ст. 234 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. «Покрытые льдом районы», должна быть «расширена», чтобы лучше управлять увеличивающимся доступом в «открывающейся Арктике». Обратим внимание, что для авторов этого документа «тающая Арктика» и «открывающаяся Арктика» – это, суть две фазы единого процесса: «первое» в его естественнонаучном аспекте неизбежно влечет за собой политико-правовое и экономическое «второе». Именно на таком фундаменте строится сегодня арктическая политика и дипломатия США.

Среди остальных проблем, на решение которых США должны «подвинуть» государства мира, выделены, в частности, односторонние притязания Китая на «все Южно-Китайское море», перекрывающиеся исключительные экономические зоны и континентальные шельфы сопредельных и противолежащих стран и пр.

Рассматривая вопросы «поддержки способности» осуществления новых управленческих подходов (чем собственно и занимаются в России, при пособничестве РСМД и Российской Ассоциации международного морского права, «*PEW*-структуры»), авторы документа пишут о том, что многие, связанные с океаническим соуправлением проблемы не могут решаться не потому, что такие подходы плохи, а потому что слабые страны не могут «провести их в жизнь». Следовательно, миссия развитых стран заключается в том, чтобы помочь таким странам контролировать морские «экологические переменные» и встать, в итоге, на путь океанического соуправления [The Global 2012].

Вряд ли могут возникнуть два различных мнения по поводу того, кому же на самом деле отведена роль главного «дирижера-соуправителя» в таком, планируемом американским неправительственным Советом по международным отношениям, «морском оркестре» государств мира. Так называемое «глобальное

соуправление» открывает для ангажированных государственными институтами и заинтересованными компаниями США НПО и МНПО, каналы выхода на арену международных морских отношений и дает возможность участия в разработке и принятии решений в области международно-правового регулирования таких отношений. Это, в свою очередь, позволяет Соединенным Штатам активно влиять на морскую политику конкретных государств, в нашем случае – Российской Федерации.

Возможности сохранения и укрепления своего лидерства в международных морских отношениях США увязывают с активизацией участия всех ведомств, связанных с освоением океана, в международных переговорах по океанической проблематике. Очевидно, что в рамках поставленной цели США будут, как и раньше (например, в ходе работы III Конференции ООН по морскому праву), использовать все средства, в том числе и те, которыми располагают специализированные НПО этой страны.

Свое влияние в сфере разработки международных морских договоров, программ и проектов американские НПО будут, как и прежде, реализовывать прежде всего в рамках соответствующих международных конференций и семинаров, деятельности рабочих групп и экспертов на международных переговорах. Уже сегодня, на многих из этих встреч, в условиях отсутствия каких-либо иерархических ограничений (на это обращал внимание В.Д. Писарев) закладываются концептуальные основы будущего «соуправляемого» использования пространств и ресурсов Мирового океана, обсуждаются конкретные проблемы создания, функционирования и развития такого механизма. Особое внимание будет уделяться воздействию на международные морские отношения через сетевые организации, подобные созданной в рамках Координационного совета руководителей системы ООН – Сети по океаническим и прибрежным районам («ООН–Океаны»). Именно последняя предусматривает широкое участие в ее деятельности НПО, «гражданского общества» и бизнеса.

Как видно, оценку перспектив промысла морских биоресурсов в настоящее время все чаще и чаще диктует не ихтиология, а «нечто иное». Да и ихтиологию, уже во многом поставили на «правильные», экосистемные позиции. Концептуальные положения консервационистов хорошо просматриваются в последние годы в ряде документов, в частности, в уже проанализированном выше, «видении проблем» американским неправительственным Советом по международным отношениям. Не стоит особо удивляться ограничительно-консервационистской направленности рыболовной политики США. Нововведения и «*know how*» такой политики широко рекламируются в качестве «превосходных моделей» для последующего «глобального продвижения» (в этой связи не стоит забывать, что рацион населения самих Соединенных Штатов, что называется, «надежно прикрыт» животными белками из иных источников – это птица и мясо).

Авторы все того же документа, опубликованного на официальном сайте Совета по международным отношениям, отмечают, что коммерческое (промышленное) рыболовство в США сегодня – это многомиллиардная индустрия, но, находящаяся в «серьезной опасности». «Океаны были истощены, – пишут они, – и есть опасения, что многие рыбные запасы уже не восстановятся. За прошедшие

пятьдесят лет популяции рыб, которые ранее считали неистощимыми, уменьшились до тревожно низких уровней. До 90% (эта цифра, применительно к различным ситуациям, еще будет нам встречаться в дальнейшем. – А.О.) крупной хищной рыбы в настоящее время нет. Почти половина рыбных ресурсов в мире вылавливалась полностью, а примерно одна треть – сверхэксплуатировалась».

Ситуация с атлантическим синим тунцом, как считают авторы документа, наиболее наглядно демонстрирует недостатки существующих методик управления рыболовством. Надо полагать, что их не устраивает подход, основанный на максимальном устойчивом вылове, представляющим среднее значение наибольшего вылова, который можно взять из определенного запаса морских живых ресурсов в течение продолжительного времени при существующих условиях окружающей среды и без нанесения ущерба процессу воспроизводства ресурсов [Словарь 1985: 120]. Максимальный устойчивый вылов до последнего времени являлся биологической основой управления рыболовством в целях сохранения морских живых ресурсов.

Как было отмечено в российской международно-правовой литературе, порядок определения максимального устойчивого вылова не сформулирован в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (ст. 62 говорит о том, что принимаемые прибрежным государством меры по сохранению живых ресурсов и управлению ими должны обеспечивать максимальный устойчивый вылов), в ней, лишь обозначено какие факторы надо учитывать при таком определении [Вылегжанин, Зиланов 2000: 18]. Причем ни «экосистемы», ни «экосистемный подход» не упоминаются в этом контексте вовсе.

Тем не менее, А.Н. Вылегжанин позволяет себе утверждать, что среди «качественно новых» моментов, развитых в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (по сравнению с Конвенцией о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря 1958 г.) присутствует якобы, «юридическое оформление на началах устойчивости воспроизводства живых ресурсов и экосистемности правил об управлении такими ресурсами» [Вылегжанин, Зиланов 2000: 27]. Этот же свой тезис А.Н. Вылегжанин воспроизводит в другой работе [Международное 2003: 366]. Кроме того, в последней из указанных своих работ, этот автор пишет о том, что Конвенция 1982 г. развивает некий «принцип свободы регулируемого рыболовства» (на основании только что озвученных «толкований», смело беремся утверждать, что Конвенция 1982 г. регламентирует ряд положений, касающихся скажем... правил дорожного движения).

Международная комиссия по сохранению атлантических тунцов (*International Commission for the Conservation of the Atlantic Tuna, ICCAT*), ответственная за оценки состояния запасов, имеющих промысловое значение видов тунцов и туноподобных рыб, приняла недавно меры по дальнейшему сокращения промысла. В документе Совета приведены следующие данные: перелов привел к 72%-ному сокращению этих рыбных ресурсов за прошедшие пятьдесят лет. В ответ на это, цитируем, «такие страны, как Монако, предлагают распространить на запасы тунца, наряду со слонами и китами, положения Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под

угрозой исчезновения» (Вашингтон, 1973; *Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora, CITES*) [The Global 2012].

Ну что же, если это предлагают «такие страны, как Монако», да еще, и на основе упомянутой, изобретенной А.Н. Вылегжаниным, некоей «экосистемности правил», то, возражения со стороны промысловых государств вряд ли уместны...

В заметке под симптоматичным названием «Море меняется: наши умирающие океаны» (*Sea Change: Our Dying Oceans*), опубликованной 22 июня 2011 г. и написанной, уже упомянутым С. Патриком (специалистом в области океанского соуправления и соавтором документа по этим вопросам, выпущенного под эгидой Совета по международным отношениям), озвучены наиболее радикальные эколоармистские подходы к современным проблемам Мирового океана.

В первую очередь, автор этой заметки («сядя в красивой норвежской рыбацкой деревне») привлекает внимание своего читателя к, якобы существующей на самом деле, проблеме: «вырисовывающейся» экологической катастрофе, а именно, к «нависшей угрозе смерти Мирового океана». В качестве обоснования такого тезиса С. Патрик приводит подготовленный (в июне 2011 года) группой из двадцати семи океанологов, «документированный» доклад о «мучительных деталях страшной деятельности государств на морях». Эти «специалисты в области морских наук» пишут, что благодаря глобальному потеплению, химическому загрязнению, «необузданному истощению» рыбных запасов и acidификации Мирового океана («процесс сопутствующий изменению климата»), они ожидают «беспрецедентную утрату видов, сопоставимую с великим массовым вымиранием доисторического периода (*sic!* – *A.O.*)» (С. Патрик дает эту цитату по газете *«The Independent»*).

«Наибольшие исчезновения», согласно их прогнозам, произойдут не только наверху пищевой цепи, среди таких крупных хищников как акулы и тунцы, но, в самом основании – среди разрушающихся (обесцвечивающихся) во всем мире коралловых рифов, «от которых зависят миллионы видов».

Ничего удивительного, как и, тем более, чего-то нового в таких оценках конечно же нет. Более сорока лет назад «достойный» предшественник американских эколоармистов, известный французский специалист Ж.И. Кусто в интервью газете «Юманите» отмечал, что «поражает быстрота, с которой умирает океан». Согласно его утверждениям, на протяжении 50-х – 60-х годов XX в. жизнь под водой сократилась на 40%, а в период с 20-х и до 70-х гг. исчезло 1000 видов фауны и флоры, «в том числе даже некоторые кораллы» [Хайкин, Кузнецов 1978: 123].

На мнение Ж.И. Кусто (1971) ссылался советский специалист С.А. Патин. Первый, основываясь на прямых наблюдениях морской флоры и фауны полагал, что в период с 1940 по 1970 г. в результате загрязнений «интенсивность жизни» в морях и океанах снизилась более чем на 30%. Такая оценка, считал биолог С.А. Патин, конечно, приближенна и неизбежно субъективна, однако в данном случае важен сам факт прямых наблюдений, подтверждающих представление (! – *A.O.*) о глобальных биологических последствиях загрязнения морской среды [Патин 1979: 200].

Кусто – этот наиболее ярко выраженный эколоармист – вообще отличался явной «экологической эпатажностью». Например, когда в июне 1979 г. в Палермо (Италия) состоялась международная конференция, рассматривавшая проблему «экологической защиты» Средиземного моря, Кусто в ходе этого мероприятия заявил о том, что в случае непринятия срочных мер примерно через 30 лет вся фауна и флора Средиземного моря погибнет (годом раньше, другой известный и, по-видимому, не менее экспрессивный французский исследователь Клод Валлон, уже заявил о «смерти Средиземного моря»). Интересно, что приводившие такие оценки Кусто советские (украинские) авторы, вторили ему: «Такое положение настоятельно требует того, чтобы были приняты эффективные меры для охраны морской среды от вредных последствий, являющихся результатом человеческой деятельности, и предотвращения ее загрязнения, из каких бы источников оно не происходило» [Сапожников, Высоцкий, Головатый, Амаян 1984: 5, 86].

Что касается коралловых рифов, «от которых зависят миллионы видов», то, можно в связи с этим процитировать авторитетное мнение специалистов Международного института прикладного системного анализа (Лаксенберг, Австрия), считающих, что «простая мысль (часто подчеркиваемая при перечислении исчезающих видов или в популярных изложениях экологии) о том, что все связи существенны, просто не верна». «Длительное существование видов, – пишут они, – было бы совершенно невероятным, если бы их судьба зависела от всех остальных видов в системе» [Экологические 1981: 34].

Современные эколоармисты, словно соревнуясь в своих «армагедонистских прогнозах», идут все дальше и дальше. Всего лишь несколько лет назад специалисты из НОАА сообщили, что потребуются приблизительно 100 лет для восстановления океанического *pH*-фактора, после того, как «мы прекратим жечь ископаемое топливо». Но, уже вскоре, НОАА, на основании «последних научных данных» пересмотрело свои прогнозные оценки и сообщило, что для этого «...вероятно, потребуются тысячи лет». Сам С. Патрик пишет, что «кумулятивный эффект деструктивной деятельности человека» в Мировом океане приведет к «массовым исчезновениям» видов уже в пределах одного или, максимум, двух поколений людей. Но еще интереснее ход его дальнейших рассуждений.

«В период снижения продовольственной безопасности, – продолжает он, – мы не можем допустить коллапсирования морских экосистем, которое будет угрожать существованию источника питания для более чем миллиарда людей (так, все-таки, для того самого «золотого миллиарда»? – *А.О.*). «Если текущие тенденции не будут полностью изменены, – «пророчествует» С. Патрик, – то человечество столкнется с нанесенным самому себе ударом: разрушится 71% поверхности Земли». Деграция океанов, изрекает он, классический случай *«tragedy of the Commons»*.

Сам С. Патрик, надо полагать, представляет собой «классический случай» американского национал-мондиалиста, возвещающего, что «изменение нашего текущего курса потребует беспрецедентных коллективных действий от мировых лидеров» [Patrick 2011].

Кстати, связка «США – Европейский Союз», при всей противоречивости морских отношений этих двух крупнейших мировых контрагентов [Овлащенко

2007(а): 13–19; 2007(б): 118–148], проявляет консолидированные подходы к дальнейшей экологизации международных условий промышленного (коммерческого) рыболовства. В июле 2011 г. Европейская Комиссия, в лице ее департамента Морских дел и рыболовства, представила реформированную общую рыболовную политику ЕС (*European Union Common Fisheries Policy, CFP*). ЕС осуществляет общую рыболовную политику уже на протяжении около тридцати лет. «Последние научные данные» показали, что, якобы 75% (для Средиземного моря – 82%) европейских рыбных ресурсов находятся в стадии «перелома». Рыбные ресурсы ЕС оцениваются сегодня приблизительно в 10% от таких ресурсов к моменту окончания Второй мировой войны. Реформа *CFP* преследует цель вернуть рыбные ресурсы на «устойчивый уровень» к 2015 г., применяя для реализации этой цели «руководящие принципы» и осуществляя в их исполнение комплекс специальных мер.

Ключевым компонентом реформы стал отказ от практики выброса прилова за борт. Согласно новым правилам рыбаки обязаны будут оставлять на борту всю, выловленную ими рыбу. Запрет был встречен сильной оппозицией со стороны как самих рыбаков, так и рабной индустрии ЕС в целом. Некоторые «природоохранные группы» также раскритиковали нововведения, поскольку по мнению этих экологов требования реформы зашли настолько далеко, что реально достичь поставленных целей к 2015 г. будет невозможно [The Global 2012].

В этой связи интересны социал-реформистские «мечтания» австралийского специалиста Г. Кестевана (1972). В частности, последний писал о том, что ограничения в достижении целей управления рыболовством зависят от характера ресурсов, но, еще в большей степени на выполнение этих целей влияет поведение людей, занятых в рыбной промышленности, и прежде всего рыбаков. Г. Кестеван указывал, что рыбаки не должны больше рассматривать вновь вводимые правила рыболовства, как некие ограничения, направленные против них, причины и цели которых они не понимают и не желают признавать, не знают авторов этих правил, а разработка таких правил идет вразрез с их собственными интересами. По мнению Г. Кестевана, лицо, занятое в промысле, «должно стать настолько сознательным участником осуществления режима, что сама мысль о его нарушении покажется ему такой же несуразной, как сбор зеленых и непригодных для продажи фруктов» [Бекяшев, Сапронов 1984: 155].

Так вот, те, только пока еще упомянутые выше и, озвученные директором Международной арктической программы Группы охраны окружающей среды Фонда Пью С. Хайлимэном подходы, опираются, естественно, на общую консервационистскую линию в морской природоресурсной политике США. Он, как и В.К. Зиланов, в первую очередь обращает внимание на то, что в Северном Ледовитом океане расположен район открытого моря площадью 2,8 млн. кв. км, т. е. «примерно размером со Средиземное море» (у В.К. Зиланова дано сравнение с «двумя площадями Баренцева моря» [Зиланов 2012: 45]). На текущий момент (конец 2012 – начало 2013 г. – *А.О.*) для 92% этих «международных вод» центральной части Северного Ледовитого океана не существует соглашения, которое регулировало бы там коммерческий лов рыбы.

«Ранее, – подчеркивает С. Хайлимэн, – это не имело никакого значения, потому что на протяжении почти всей истории человечества этот район был покрыт многолетними льдами. Но положение дел меняется: как показывают спутниковые данные, в последние пять лет во время летнего пика таяния льдов от 14% до 40% вод центральной части Северного Ледовитого океана свободны ото льда» [Хайлимэн 2012: 32].

С естественнонаучной точки зрения важно, что в ходе исследований в районе Чукотского плато в 2011 г. были обнаружены области массового цветения фитопланктона под однолетними льдами, что позволяет ученым предположить (Arrigo *et al.*, 2012), что первичная продуктивность в этом и аналогичных ему районах арктического континентального шельфа существенно недооценивается [Хайлимэн 2012: 32, сноска 43].

С. Хайлимэн продолжает: «Спутниковые снимки показывают, что в пределах вод, которые были свободными ото льда в сентябре 2007 г. (район площадью 1,1 млн. кв. км сравнимый по размеру с Норвежским морем), расположен участок Чукотского плато и прилегающих хребтов площадью 476 000 кв. км (примерно величиной с Черное море), характеризующийся относительно небольшими «доступными для промысла» глубинами. Этот участок расположен к северу от Берингова пролива и примыкает к морским границам России и США».

«Для России и США, – уже в явной ажитации пишет С. Хайлимэн, – это, по существу, равноценно тому, что у их границ взамен арктических льдов образовалось новое море значительных размеров с обширными шельфовыми зонами» [Хайлимэн 2012: 32–33].

Обеспокоенность у этого специалиста «Международного природоохранного фонда Пью» однако, вполне прикладная, а если называть вещи своими именами – геополитическая. С. Хайлимэн без обиняков пишет о том, что, «этот район расположен гораздо ближе к тихоокеанским (читай «китайским». – *А.О.*) рыболовным портам, чем район добычи криля в Антарктике», о том, что, «если арктические государства не возьмут на себя... ведущую роль, то вакуум заполнят другие заинтересованные государства, такие как Европейский Союз и неприбрежные государства», и, наконец, делает (от имени «*PEW*-структур» и, в конечном счете, от имени правительства США) «отмашку»: «Пришло время принять решение в отношении района открытого моря центральной части Северного Ледовитого океана» [Хайлимэн 2012: 34, 37].

С. Хайлимэн задает «основной и главный вопрос»: что необходимо сделать в отношении рыбных ресурсов на 92% центральной части Северного Ледовитого океана, где не существует никакого регулирования коммерческого рыболовства, по мере того как происходит замещение многолетних паковых льдов открытыми водами и сезонными льдами? При этом он особо обращает внимание на участие всех пяти прибрежных арктических государств в Соглашении об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими (1995 г.). Последнее, «накладывает на них особую ответственность за осуществление предостороженных действий по сохранению запасов рыб, встречающихся как в пределах, так и за пределами их национальных юрисдикций».

Не будем перечислять все, предложенные С. Хайлимэном, «возможные варианты» подходов к управлению рыболовством в этом регионе, за исключением одного – последнего (пятого, согласно перечню С. Хайлимэна). Поскольку для создания и обеспечения деятельности новой региональной организации по управлению рыбными ресурсами, как пишет он, «скорее всего, потребуются годы» (Соединенные Штаты, как известно, всегда скептически относились (согласно словам американского юриста Бингэма) к «медленному, утомительному и часто разочаровывающему процессу переговоров со многими государствами» [Корецкий 1950: 60]), а, кроме того, опять-таки по мнению С. Хайлимэна, «затраченные деньги и время, которые потребуются от прибрежных государств для того, чтобы участвовать в такой полновесной региональной организации (видимо этому специалисту известны и иные, некие «неполновесные» региональные рыболовные организации. – *А.О.*), скорее всего, не будут соразмерны с масштабами коммерческого лова, который может иметь место в ближайшем и недалеком будущем» [Хайлимэн 2012: 35].

Подведя такую «теоретическую базу» в качестве альтернативы «полновесной» региональной организации (за которую собственно и ратуют российские авторы «Рабочей тетради» РСМД; напомним, что А.Н. Вылегжаниным выражена «желательность» создания арктическими государствами «регионального механизма сохранения биоресурсов данного района, который был бы открыт для участия в нем неарктических государств» [Международное 2012: 8]) С. Хайлимэн предлагает некий «международный инструмент для сохранения статус-кво»: сохранить существующее положение (статус-кво) и не вести рыболовство в районе открытого моря центральной части Северного Ледовитого океана, не входящего в НЕАФК (Комиссия по рыболовству в северо-восточной части Атлантического океана; примерно 8% арктических морских пространств – это в основном грубоководный участок, который по-прежнему недоступен для промышленного лова в силу наличия устойчивого ледового покрова – находятся в ее ведении, осуществляемом согласно учредительным документам этой международной организации. – *А.О.*) «пока не будет создана региональная организация по управлению рыбными ресурсами или введен какой-либо (!? – *А.О.*) аналогичный режим».

«Такое соглашение, – убаюкивает всех «сладкоголосая сирена» С. Хайлимэна, – позволит вести рыболовство в будущем, когда страны-участники решат, что все требования, необходимые для обеспечения устойчивости, – научные, правовые, требования по управлению, выполнены. Простота такого подхода означает, что его можно осуществить быстро, а в будущем можно использовать все остальные варианты» [Хайлимэн 2012: 35–36].

Вряд ли однако дело дойдет до «всех остальных вариантов», поскольку США выступают инициаторами и всемерно поддерживают общую консервационистскую направленность международных морских отношений, трансформируют в этом направлении принципы и нормы международного морского права, что, в конечном счете, прямо сказывается на возможностях государств осуществлять в своих интересах морское природопользование [Овлащенко 2013].

Весьма своеобразно понимая и толкуя «международное сотрудничество» в Арктике, Вашингтон заявил, что достижение международного соглашения по рыбным ресурсам является одной из задач внешней политики США. Эта задача закреплена в законодательстве, принятом большинством голосов от обеих партий Конгресса США и при поддержке отрасли коммерческого рыболовства Аляски, коренных народов и природоохранных международных организаций (публичный закон 110-243 был подписан президентом Бушем 3 июня 2008 г.) [Хайлимэн 2012: 36].

Спекулирование на «интересах» коренных народов стало одним из своеобразных «*know how*» современной американской внешней политики. Так, когда в августе 2009 г. был принят План США по управлению рыболовством в Арктике, последний установил «нулевой уровень» добычи арктической трески в американских «арктических водах». В своих комментариях по поводу этого плана Циркумпольярная конференция инуитов (ICC) заявила следующее: «Коммерческое рыболовство в этих водах будет конкурировать с нами за виды, от которых зависит наше существование. Это также может составить угрозу для морских млекопитающих, в силу прямой конкуренции с ними за их кормовой ресурс...» [Хайлимэн 2012: 33, сноска 45].

При этом, правда, нельзя не заметить, что современное коренное население (в вопросах коренного населения Севера, Россию очень любит «наставлять» Европейский Союз [Овлащенко 2009: 28–36]), «продвинутые» инуиты рассуждают прямо-таки с экосистемных позиций, когда принимаются во внимание трофически зависимые виды и пр. (это наши, согласно терминологии и бытописанию Ю.Н. Малеева, «аборигены и далее справляются со своими трудностями, кипятя воду на огне в ржавых чайниках советского периода и передвигаясь на оленьих упряжках» [Малеев 2012: 9, сноска 17]).

В свое время Ю.Г. Барсегов справедливо отмечал, что формы, приемы и методы морской дипломатии меняются [Мировой 1986: 292]. В качестве рабочего политического, экономического, международно-правового и дипломатического инструментария, современная морская политика и дипломатия США широко использует такие наработки естественных и обществоведческих наук (включая область наук управления), как «биосферный подход» (с целью попытки подмены самих критериев рациональности природопользования), «экосистемный подход» (в перспективе все в большей степени, производные от него – экосистемное районирование и «делимитация» Мирового океана), «сохранение морского биоразнообразия», методология «комплексного управления прибрежными зонами» (КУПЗ), морское пространственное планирование [Овлащенко 2013: 4].

Но, помимо всего только что перечисленного (а также упомянутого «*know how*» с правами коренного населения Арктики) из такого инструментария далеко не исключены, уже имеющие свою «историю», такие средства силового давления, как «долларовая» и «технологическая дипломатия», заключающиеся в использовании финансовой, экономической, технологической мощи США в своих политических целях, а также подобные упомянутому С. Хайлимэном «арктическому письму». В апреле 2012 г. более 2000 ученых из 67 стран мира опубликовали открытое письмо (www.arctic-fisheries-letter.com), призывая

арктические прибрежные государства начать подготовку, как подчеркивает С. Хайлимэн, «именно такого (о фактической консервации арктических морских биоресурсов. – *А.О.*) международного документа». В числе подписавших письмо – 1300 ученых из всех пяти прибрежных арктических государств (включая 42 специалиста из России – все научной степени *Ph. D.*, как и абсолютное большинство специалистов из других стран, подписавших это письмо. – *А.О.*).

Что же рекомендуют, эти подписанты? Во-первых, достичь договоренности о «предосторожном подходе» к управлению рыбными ресурсами в международных водах Арктики; во-вторых, начать с «нулевого уровня» добычи и придерживаться его до тех пор, пока не будут проведены необходимые исследования по оценке воздействия рыболовства на экосистему Центральной Арктики; в-третьих, установить надежную систему управления, мониторинга и правоприменения до того, как будет начат промысел [Хайлимэн 2012: 36]. Вполне понятно, что темпоральная категория «до тех пор» весьма неопределенна, а упомянутые, «необходимые исследования», также можно проводить неопределенно долгое время.

Автор настоящих очерков убежден: на наших глазах реализуется первый, очень важный в институциональном плане этап процесса, который в конечном счете должен привести к практически полной консервации морских арктических биоресурсов (в центральной части Северного Ледовитого океана), во многом, по «антарктическому сценарию».

Применительно к Антарктике, вряд ли можно сильно ошибиться, если сказать, что консервационистская (иными словами «сугубо охранительная») запрограммированность налицо. В Пятилетней программе действий Генерального секретаря ООН от 25 января 2012 г. прямо заявлено, что с целью «формирования консенсуса» в отношении рамочной программы в области «устойчивого развития» на период после 2015 г., Генеральный секретарь ООН планирует «работать с государствами-членами над превращением Антарктики в мировой природный заповедник» [Пятилетняя 2012].

Согласно сообщению Центра новостей ООН, Пан Ги Мун призвал «спасти» Антарктику – объявить ее природным заповедником, таким «новым экологическим бастионом». Об этом он заявил в Нью-Йорке на своей первой, в 2012 году, пресс-конференции, присовокупив при этом, что «Антарктика является одной из важнейших уникальных экосистем на Земле; у нас есть шанс спасти ее, и мы должны объединиться ради этой цели» [Пан Ги Мун 2012].

Трансформации (деформации) свободы рыболовства безусловно способствовало внедрение в международные морские отношения, морское природопользование – экосистемного подхода.

Например, Генеральной Ассамблеей ООН (резолюции 44/225 – в 1989 г.; 45/297 – в 1990 г.; 46/215 – в 1991 г.) по инициативе США, поддержанной «горбачевским» Советским Союзом, был, как подрывающий не только запасы анадромных видов, но и наносящий «непоправимый ущерб» экосистемам, осужден дрефтерный промысел [Вылегжанин, Зиланов 2000: 28].

Сегодня многие дискуссионные, концептуальные, да и доктринальные документы буквально «нашпигованы» квазинаучной, экосистемной риторикой.

Например, в дискуссионном документе «О реализации решений Всемирного саммита по устойчивому развитию в Йоханнесбурге на втором и последующих этапах выполнения Плана действий Арктического совета по устойчивому развитию», экономическое измерение такого развития должно быть направлено на «ускорение перехода к устойчивым моделям потребления и производства в целях содействия социально-экономическому развитию, не выходящему за рамки ассимиляционного потенциала экосистем (особенно, морских) Арктики» [Дискуссионный 2004].

Экологическое измерение устойчивого развития требует в этом контексте «обеспечивать поддержание продуктивности и биоразнообразия в уязвимых морских и прибрежных арктических районах, в том числе в районах в пределах и за пределами национальной юрисдикции», а также, «поощрять внедрение к 2010 году экосистемного подхода в Арктике, принимая во внимание Рейкьявикскую декларацию по ответственному рыболовству в морской экосистеме и решение 6 Конференции сторон Конвенции о биологическом разнообразии». Для достижения «устойчивого рыболовства» в Арктике высказывается требование «разработать и содействовать применению различных подходов и инструментов, включая экосистемный подход, ликвидацию в Арктическом регионе вредных методов рыбного промысла, создание охраняемых морских районов в соответствии с международным правом и на основе научной информации, включая репрезентативные сети, к 2012 году».

Несколько слов о прогнозных тенденциях в рассматриваемой сфере.

В 2000 г. специалист в области рыболовной и рыбохозяйственной деятельности (работавший на одном из этапов своей служебной карьеры заместителем министра рыбного хозяйства СССР) морской биолог В.К. Зиланов отмечал, что среди других тенденций, которые в среднесрочной перспективе будут определять развитие мирового рыболовства и международных отношений в этой области, выделяется следующая: «Усиление в большинстве стран зеленых движений в защиту природных ресурсов, которые нередко руководствуются больше псевдонаучными взглядами и эмоциями, а то и политическими целями, но тем не менее добиваются запрета без достаточных научных обоснований на промысел тех или иных запасов или способа лова и даже закрытия для рыболовства огромных морских участков (например, запрет на промысел китообразных, численность которых позволяет вести регулярную добычу, или запрет на использование дрейфтерных сетей при промысле тунца, введение режима заповедников на огромных акваториях в Индийском океане и т. д.)» [Вылегжанин, Зиланов 2000: 60].

Однако, тот же В.К. Зиланов (впрочем не будем забывать, что соавтором его являлся последовательный «экосистемщик» А.Н. Вылегжанин) и там же, пишет: «В этой связи (*sic!* – А.О.) в последние годы ускоренно формируется концепция международного управления морскими живыми ресурсами, которая вобрала в себя все лучшее, что было создано предшествующими российскими и зарубежными естествоиспытателями и правоведами. Эта концепция стала своеобразным синтезом биологических, экономических и правовых идей (автором забыты информационные, идеологические, внутри- и внешнеполитические, а также

собственно управленческие «идеи». – *А.О.*), разработанных в разных странах» [Вылегжанин, Зиланов 2000: 67].

Что же это за, поистине «чудо-концепция», столь прикровенно выводимая этими авторами – вобравшая в себя «все лучшее», в противовес, отмеченным самим В.К. Зилановым, «псевдонаучным взглядам», а то и «политическим целям»?

Предоставим, еще раз, слово В.К. Зиланову: «Наиболее полно в практическом плане требования к морскому рыболовству на основе современных естественнонаучных знаний по управлению морскими живыми ресурсами были сформулированы в ходе Международной конференции по устойчивому вкладу рыболовства в продовольственную безопасность, которая состоялась в г. Киото (Япония) в декабре 1995 г. В своей Декларации она призвала рыболовные страны «основывать политику, стратегию, управление и использование ресурсов для устойчивого развития рыболовного сектора на применении следующих принципов: а) сохранение экологических систем; б) использование наиболее достоверных научных данных; в) повышение социально-экономического благосостояния; г) справедливость внутри и между поколениями» [Вылегжанин, Зиланов 2000: 67].

Если оставить в стороне два последних, до пределов наполненных откровенной социальной демагогией пункта (у рыбаков многих стран, включая российских, они очевидно могут вызвать лишь грустную улыбку), два первых дают полное основание считать, что речь вновь идет об «экосистемном подходе». Иными словами, именно о том подходе, за который ратуют В.К. Зиланов и А.Н. Вылегжанин. Но, совершенно исключено, чтобы этим двум специалистам-рыбникам были неизвестны следующие, общеизвестные факты: и запрет на промысел китообразных, «численность которых позволяет вести регулярную добычу», и запрет на использование дрифтерных сетей при промысле тунца, и, наконец, введение режима заповедника «на огромных акваториях в Индийском океане» – все это реализовывалось (по крайней мере – обосновывалось) именно со ссылкой на экосистемный подход и одноименное «управление».

В этой связи было бы желательным, чтобы эти авторы определились (чтобы не вводить в заблуждение ни своих читателей и коллег, ни, в первую очередь, себя самих) – благо ли «экосистемный подход» (согласно В.К. Зиланову, «вобравший в себя все лучшее, что было создано предшествующими российскими и зарубежными естествоиспытателями и правоведами»), или не благо (например, потому что, опять же словами В.К. Зиланова, позволяет на основе псевдонаучных взглядов и эмоций, а то и политических целей, добиваться запрета «без достаточных научных обоснований на промысел тех или иных запасов или способа лова и даже закрытия для рыболовства огромных морских участков»)?

Впрочем остальные публикации этих авторов (в первую очередь это относится к работам А.Н. Вылегжанина) вряд ли оставляют этот вопрос открытым; для них экосистемный подход – «сущностное» и «востребованное» благо.

Поэтому во многом двусмысленным, а то, и, попросту декларативным выглядит итоговый «закон Зиланова – Вылегжанина» (напомним, оба они – авторы арктической «Рабочей тетради» РСМД; А.Н. Вылегжанин, кроме этого, руководитель авторского коллектива этой «тетради»): «...Основной движущей составляющей прогресса в этой области будет углубленное понимание

взаимозависимости процессов, происходящих в экосистемах Мирового океана, широкая интеграция, сотрудничество и доверие между странами, особенно в управлении и сохранении морских биоресурсов на основе совершенствования принципов и норм международного права» [Вылегжанин, Зиланов 2000: 77].

О каком «широком сотрудничестве» и «доверии» между странами может идти речь, если в международные отношения, причем наиболее отчетливо, в международные морские отношения – изначально и со своекорыстной целью (в том числе с целью реализации тривиальных неокOLONиалистских интересов) были внедрены подходы, являющиеся фикцией как с естественнонаучной («равновесие» и «целостность» в экосистемах, биосфере и «природе в целом», «учет блага всех форм жизни на Земле», «уяснение и полное сохранение биоразнообразия, как величайшая задача человечества», и пр.), так и, тем более, с международно-правовой точки зрения [Овлащенко 2013].

Юристам давно и хорошо известно: *impossibilium nulla obligatio est*.

Да, действительно, с формально-юридической точки зрения «не существует обязанности выполнить невозможное». Но, в том-то и дело, что развивать свое морское природопользование страны принуждены, уже на протяжении нескольких десятилетий (с широким привлечением ООН, различных организаций ее системы) именно с оглядкой на такое «невозможное». И не только с оглядкой, а через посредство выполнения вобравших в себя, такое «невозможное» норм права. Поэтому-то и желаемое указанными соавторами, некое «совершенствование» принципов и норм международного (морского) права, как основы морского природопользования, будет заключаться только и исключительно в дальнейшей спекулятивной, консервационистской по своей направленности, их «экологизации» [Овлащенко 2013].

Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. предусматривает в числе обязательств прибрежного государства то, что оно, с учетом имеющихся у него «наиболее достоверных научных данных», обеспечивает, чтобы состояние живых ресурсов его исключительной экономической зоне не подвергалось опасности в результате чрезмерной эксплуатации (п. 2 ст. 61). При этом не определено, какие данные являются наиболее достоверными. Для целей сохранения живых ресурсов открытого моря государства, в частности, «принимают на основе имеющихся у них наиболее достоверных научных данных меры с целью поддержания или восстановления популяций вылавливаемых видов на уровнях, при которых может быть обеспечен максимальный устойчивый вылов» (п. 1 ст. 119) [Международное 2003: 375–376].

«Учет, – продолжает А.Н. Вылегжанин, – имеющихся наиболее достоверных научных данных при принятии мер сохранения ресурсов и управления ими является международно-правовым обязательством. Однако в самих этих данных могут содержаться ошибки. Возможность ошибок сегодня общепризнанна, к их причинам отнесены факт подвижности морских живых ресурсов, ограниченность естественнонаучного понимания экосистем планеты, ...и т. д. Ошибки в научных данных приводят к ошибкам в принимаемых мерах сохранения и управления. Кроме того, бывают ситуации, когда научных данных (например, о запасах в новом районе промысла) вообще нет. В целях предупреждения в подобных ситуациях

подрыва живых ресурсов сформировался и начинает применяться на практике принцип осторожного подхода» [Международное 2003: 376].

К отмеченным этим специалистом «причинам», стоит в очередной раз добавить сознательную, умышленную фальсификацию естественнонаучных фактов (данных), а также, с точки зрения дипломатической практики, «силовой» подход с целью обойти такие факты, даже, если они действительно являются вполне объективными. Пожалуй наиболее характерным примером в этом отношении можно считать «поведение» группы недобывающих стран во главе с США (Великобритании, ФРГ, Австралии, Новой Зеландии, а также поддерживавших такую линию ЮАР, Швеции и Норвегии), которым, в конце 80-х годов удалось, несмотря на имеющиеся объективные научные данные, достичь принятия необоснованных ограничений для промысловой и научно-исследовательской деятельности в Антарктике.

А сегодня, поддерживая инициативы США, Королевство Дания от имени Дании, Гренландии и Фарерских островов призвало к заключению международного соглашения о сохранении рыбных ресурсов в Арктике и заявило, что коммерческое рыболовство не должно быть начато, пока не будут утверждены меры по его регулированию [Хайлимэн 2012: 36].

Из тех многочисленных материалов Конференции ООН по трансграничным рыбным запасам и далеко мигрирующим видам, в которых говорится об осторожном подходе, «наиболее обстоятельным» А.Н. Вылегжанину представляется подготовленный 26 января 1994 г. ФАО документ «Осторожный подход к рыбному промыслу применительно к трансграничным рыбным запасам и запасам далеко мигрирующих видов рыб». Здесь поясняется необходимость принципа осторожного подхода: в настоящее время объем биомассы многих видов рыб «едва достигает уровня, обеспечивающего максимальный устойчивый вылов, и даже оказывается ниже его, а это ведет к нестабильности ресурсов» [Международное 2003: 377]. В последнем случае, речь должна идти о фальсификации первичных данных.

Другой пример, приводимый А.Н. Вылегжаниным, связан с Резолюцией 44/225 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 декабря 1989 г. о лове пелагическими дрейфтерными сетями большой протяженности, в которой «выражена обеспокоенность» по поводу негативных потенциальных последствий применения этих сетей для анадомных, далеко мигрирующих видов, морских млекопитающих и «птиц, отдыхающих на морской воде». Резолюцией было рекомендовано в связи с этим установить мораторий на рыболовство большими дрейфтерными сетями к 30 июля 1992 г. Этот подход был подтвержден Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 46/215 от 20 декабря 1991 г., содержащей призыв принять меры против ведения промысла на том основании, что члены международного сообщества рассмотрели наиболее достоверные научные данные и не смогли прийти к выводу, что эта практика не имеет серьезных отрицательных последствий [Международное 2003: 377].

Но, надо ли это понимать так (если следовать приемам формальной логики), что означенные «члены международного сообщества» пришли к выводу, что «эта

практика имеет серьезные отрицательные последствия»? Не идет ли, здесь речь, о другом «принципе» – не навреди?

Вот, например, что пишет в своей работе Б. Ломборг: «Анализ соотношения затрат и выгод показывает, что только очень умеренное сокращение выбросов... (оксида углерода. – *А.О.*) является оправданным, так как оно недешево, малоэффективно и даст результаты только в далеком будущем. Но люди все-таки заявляют, что мы должны это сделать в любом случае, имея в виду принцип предосторожности. Хотя принцип говорит только о том, что недостаток научных, достоверных фактов относительно глобального потепления нельзя использовать как оправдание пассивности, его обычно переиначивают в пословицу типа «не навреди». В то время как правота исходного принципа является очевидной, пословица значительно более коварна.

Известно, что принцип «не навреди» подразумевает, что мы должны принять строгие ограничения выбросов... прямо сейчас. В конце концов, лучше сейчас потратить какие-то средства на стабильность климата, чем позднее испытывать на себе вредоносную жару. Это утверждение сомнительно по нескольким причинам. Во-первых, если уместны сильные меры (например, уменьшение выбросов на 25%), почему не сократить выбросы на 50% или 75%, – это означало бы уменьшение губительной жары. В итоге, мы, естественно, придем только к одному решению – стопроцентному сокращению (в нашем случае, к полной, как бы это ни звучало абсурдно сегодня, «консервации» в будущем морских биологических ресурсов с целью достижения «целостности экосистемы Земли». – *А.О.*).

...Во-вторых, говоря о вреде... мы не думаем о том, что затраты, которые мы берем на себя сейчас, также принесут нам вред. В сущности, расходы на сокращение выбросов сокращают средства на школы, больницы и прочие полезные структуры.

Таким образом, приглядевшись к данному принципу, мы столкнемся с необходимостью выбирать между расходами на предотвращение вреда в далеком будущем и расходами на устранение вреда, причиняемого нам прямо сейчас. ...По сути этот принцип не добавил ничего нового к... видению проблемы. Кажется, что на практике к этому принципу прибегают только тогда, когда говорят о предотвращении вреда в результате глобального потепления, не учитывая другой вред, полученный в результате сокращения выбросов. В таком случае принцип предосторожности просто становится способом узаконить уже сложившуюся позицию» [Ломборг 2008: 192–193].

К «предосторожному подходу» весьма скептически относятся и некоторые российские специалисты-мореvedы. Например, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН, с. н. с. Центра научного сопровождения Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации (и один из авторов арктической «Рабочей тетради» РСМД) П.А. Гудев считает, что применимость предосторожного подхода может привести к ограничениям экономической и промышленной политики государств. Иными словами, реализация предосторожного подхода «зачастую может носить исключительно конъюнктурный, политический, а не научно обоснованный характер» [Гудев 2012: 50]. На наш взгляд, «предосторожный

подход» и создан для целей отмеченных ограничений; по крайней мере, его использование в международной практике не может не привести к такому выводу.

В своей работе В.А. Корзун обращал внимание, что новые методы регулирования могут быть успешно применены лишь после их принятия (осознания) обществом, внушения их обществу. Успех регулирования состоит даже не столько в выработке корректных научных рекомендаций (или, как принято сейчас говорить, «самых достоверных научных данных»), сколько в четком осознании их необходимости и следовании им. Во многом управление рыболовством поэтому является и политическим процессом [Корзун 2005: 243, сноска 35].

В статье, подписанной министром иностранных дел России С.В. Лавровым, утверждается, что «в настоящее время (2005 год. – *А.О.*) все большее число сторонников приобретает концепция, согласно которой в районах за пределами действия национальной юрисдикции, то есть в открытом море, рыболовство не может быть свободным от регулирования в рамках соответствующих международных организаций или соглашений». Исходя из этого, «вырисовывается перспектива перехода к регулированию биоресурсной деятельности во всем Мировом океане» [Лавров 2005: 10].

В этом процессе, указывает министр Лавров, участвуют такие региональные международные рыболовные организации, как Организация по рыболовству в Северной Атлантике, Комиссия по рыболовству в северо-восточной части Атлантики и Комиссия по сохранению живых морских ресурсов Антарктики. В контексте этого С.В. Лавров отмечает, что «по мнению многих специалистов, в ближайшей перспективе данная проблема станет одной из определяющих для развития международного морского права, поскольку здесь затронуты крупные экономические интересы». Следовательно, все это необходимо принимать во внимание при планировании развития российского рыбохозяйственного комплекса [Лавров 2005: 10–11].

Какое же внимание было уделено российским МИДом этому кругу проблем, до того момента, пока «не проявились» инициативы морской политики и дипломатии США – в лице «Международного природоохранного фонда Пью»? С. Хайлимен, правда, тут делает «комплимент», говоря о том, что «Российская Федерация уже проявила ведущую (ох, хитер... – *А.О.*) инициативу, призывая решать вопросы, связанные с арктическими ресурсами, на основе международного сотрудничества». И такой «призыв», действительно, был услышан...

Наверняка внимательный читатель обратил внимание на следующую, уже процитированную выше, сентенцию одного из разработчиков программного документа американского Совета по международным отношениям С. Патрика: «В период снижения продовольственной безопасности мы не можем допустить коллапсирования морских экосистем...» [Patrick 2011]. Такое, весьма своеобразное (если не специфическое) понимание «продовольственной безопасности», исходит от американского специалиста-эколога. Не допустить, это значит способствовать и дальше консервационистской направленности развития международных морских отношений, международного морского права, но, главное, морского природопользования.

В этом контексте очень интересно было бы узнать мнение российских авторов «Рабочей тетради»: как им видится обеспечение продовольственной безопасности населения России; прямо ли коррелирует эта безопасность с их теоретическими и практическими подходами по экологизации морского природопользования в российской Арктике, в частности, по созданию экоориентированного морского регионального режима? Наконец, как соотносятся их позиции с положениями Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации (возможно вопрос прозвучит и не очень корректно, но, все-таки, в интересах дела: заглядывали ли они в нее...)? Как и у Ю.Н. Малеева [Малеев 2012: 14], эти вопросы содержат в себе «элемент каверзости», а в принципе в них уже скрыт ответ.

Современный российский юрист-международник (относящийся к новому поколению специалистов) может даже позволить себе допустить глубокую «методологическую ошибку» (с точки зрения уже внедренных в международный обиход «рахдонитских» подходов [Овлащенко 2013]) считая, что «запасы биологических ресурсов Мирового океана практически неисчерпаемы», но зато, он, при этом, уже твердо знает, что «государства должны эксплуатировать их разумно, на основе предосторожного и экосистемного подходов» [Бекашев 2012: 41]. А ведь если задуматься, то с использованием «осторожного подхода», абсолютизируя его (а то и возводя в степень абсурда) можно всецело блокировать любую морскую и океаническую промысловую деятельность.

Пример такой абсурдности недавно и наиболее наглядно проявился в Канаде. Согласно сообщениям канадских масс-медиа, канадцы говорят: «Никакого арктического рыболовства, пока мы не будем знать больше» [Хайлимэн 2012: 37, сноски 52]. Можно, в этом случае, лишь пожалеть канадцев и посоветовать им (в шутку) отказаться от школьных завтраков, пока они «не будут знать больше»: вначале таблицу умножения, затем десятичные дроби, функции, интеграл и т. д. Процесс познания, как известно – бесконечен...

Что касается России, то, в утвержденной в 2010 г. «Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации» определенное внимание уделено вопросам рыбохозяйственного комплекса. Например, заявлено, что рыбное хозяйство – наряду с сельским хозяйством и пищевой промышленностью – играет определяющую роль в обеспечении продовольственной безопасности. Доктрина утверждена «в целях реализации государственной экономической политики в области обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации, направленной на надежное обеспечение населения страны продуктами питания, развитие отечественного агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов, оперативное реагирование на внутренние и внешние угрозы стабильности продовольственного рынка, эффективное участие в международном сотрудничестве в сфере продовольственной безопасности» [Указ 2010].

В Доктрине «развиваются положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537, касающиеся продовольственной безопасности Российской Федерации, учтены нормы Морской доктрины

Российской Федерации на период до 2020 года, и других нормативных правовых актов Российской Федерации в этой области».

Согласно Доктрине, стратегической целью продовольственной безопасности является обеспечение населения страны безопасной сельскохозяйственной продукцией, рыбной и иной продукцией из водных биоресурсов (далее – рыбная продукция). Среди основных задач обеспечения продовольственной безопасности независимо от изменения внешних и внутренних условий – своевременное прогнозирование, выявление и предотвращение внутренних и внешних угроз продовольственной безопасности, минимизация их негативных последствий. Для оценки состояния продовольственной безопасности в сфере производства и национальной конкурентноспособности, используются в том числе показатели: объемов производства рыбной продукции; импорта рыбной продукции; бюджетной поддержки производителей рыбной продукции в расчете на рубль реализованной продукции.

Для оценки состояния продовольственной безопасности в качестве критерия определяется удельный вес отечественной рыбной продукции в общем объеме товарных ресурсов (с учетом переходящих запасов) внутреннего рынка, имеющий пороговое значение для такой продукции – не менее 80%. Соответственно, в области производства рыбной продукции усилия должны концентрироваться на расширении и более интенсивном использовании потенциала водных биологических ресурсов и новых технологий их индустриального выращивания.

В заключительном пункте указано, что «реализация положений настоящей Доктрины позволит обеспечить продовольственную безопасность как важнейшую составную часть национальной безопасности, прогнозировать и предотвращать возникающие угрозы и риски для экономики страны, повышать ее устойчивость, создавать условия для динамичного развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов, улучшения благосостояния населения» [Указ 2010].

В реальной жизни, многие «благие пожелания» Доктрины находятся (в ряде случаев, уже на протяжении достаточно длительного периода времени) в противоречии с осуществляемыми в самой же России теоретическими разработками и имеющимся стремлением реализовать последние на практике.

Так, академик Г. Матишов с соавторами, размышляя о том, как следует промышлять, «чтобы рыба не исчезла» (интересно, что один из мурманских активистов «WWF-Россия», на вопрос о том, в чем заключается его главная задача, ответил: «Учить ловить рыбу, так чтобы другим оставалось» (или другим, в конечном счете, досталась...? – А.О.), считают, что независимое определение ОДУ (общего допустимого улова) для каждой «единицы запаса», для каждого объекта промысла не может быть основой рационального природопользования. «Съем урожая», пишут они, должен производиться с учетом связей всех «эксплуатируемых элементов экосистем».

Специалисты-рыбники пишут дальше: «В настоящее время на повестке дня стоит вопрос о переходе рыболовства на методологическую основу экосистемного подхода и оптимизации продукции с морского биоценоза, а не с «единицы запаса», как это делается сейчас. В зависимости от текущего состояния экосистемы каждого

из российских морей должна вырабатываться стратегия управления добычей биоресурсов» [Матишов, Балыкин, Пономарева 2012: 68–69].

В очередной раз напомнив о приоритете специалистов Мурманского морского биологического института (ММБИ), ставших «пионерами» в разработке в Советском Союзе экосистемного подхода, эти авторы (в частности, они пишут: «25 лет назад, с опорой на багаж всесторонних знаний о биоте и абиотических условиях, впервые был разработан комплексный подход к проблеме Баренцева моря, то есть экосистемные исследования морей и океанов проводятся уже длительное время») отмечают, что «только в последние годы стало широко внедряться представление о больших морских экосистемах (БМЭ) и само это понятие».

Большие морские экосистемы, согласно им – это районы Мирового океана, характеризующиеся особой батиметрией, гидрографией, продуктивностью и трофическими взаимодействиями. БМЭ охватывают прибрежные зоны от речных устьев и эстуариев до границ континентального шельфа и внешних пределов главных систем течений и включают высокопродуктивные участки океана площадью не менее 200 кв. км. «Узаконена» схема разделения прибрежных вод Мирового океана на 64 БМЭ, в пределах которых сосредоточено более 90% морских биоресурсов. В США, европейских странах и в Китае биологическая и промысловая океанография во многом ориентируются (или уже базируются) на концепции БМЭ: в обязательном порядке должны учитываться промысел рыбы, биопродуктивность, загрязнение, социально-экономические и управленческие аспекты.

Российские авторы пишут: «Понятно, что перестройка рыбного промысла страны на «экосистемные рельсы» – процесс достаточно сложный. Возможно ли это при современной монополии Росрыболовства на все сферы регулирования рыбохозяйственной деятельности? Очевидно нет, поскольку, несмотря на декларируемое равенство перед законом, Агентство по рыболовству сохраняет право вето на предложения, идущие вразрез с мнением чиновников, которым явно не хватает стратегического мировоззрения» [Матишов, Балыкин, Пономарева 2012: 69].

В отличие от упомянутых «чиновников», сами авторы, надо полагать, таким «стратегическим мировоззрением» обладают и упорно продвигают (можно лишь задаться вопросом, впрочем риторическим – в чьих интересах?) в России «экосистемный подход». В статье, как видно, все сведено только лишь к косности и нечуткости российских чиновников в отношении «последних и наиболее достоверных научных данных».

Между тем, в пояснениях к одному из российско-американских природоохранных соглашений (эти пояснения были подготовлены для Сената США) отмечено, что «обоснованные научные данные» («*reliable scientific information*») являются информацией более надежной, нежели «новейшие научные данные» («*best available scientific data*»), которые могут быть не всегда достоверными [Филиппенкова 2012: 79]. Как видно, для «внутриамериканского» пользования в этом вопросе присутствует полное понимание.

Подводя итог краткого анализа арктической «Рабочей тетради» РСМД, следует очевидно отметить, что ее авторы-эксперты, подтвердили высказанные одним из российских специалистов и приведенные во введении к настоящей книге мысли о современном российском «экспертном сообществе». Авторы-эксперты «Рабочей тетради» не говорили «не то», следовательно, им совсем не грозит быть «вычищенными моментально и необратимо». Они правильно «отформатированы»...

Для поднятия как научного, так и национального самосознания, им, возможно, полезно будет узнать (а кому-то, лишь освежить в памяти) следующее. Еще в 1976 г., т. е. в ходе проведения III Конференции ООН по морскому праву, в статье «Альтернативы договору по международному морскому праву» ее автор, американский специалист Г. Найт, в числе таких альтернатив указал на возможность заключения системы региональных соглашений.

«Фактически может оказаться, – писал он, – что интересы безопасности и экономические интересы США смогут быть достаточно защищены путем комбинации внутригосударственного законодательства, ограниченных договоров, покупки прав, односторонних действий и периодического (*sic!* – *A.O.*) применения силы. Поскольку это так, можно серьезно утверждать, что Соединенные Штаты могут и не подписывать или не ратифицировать какой бы то ни было договор по международному морскому праву, если он не оптимизирует большинство их основных политических интересов и не обещает очевидного благоприятного воздействия на международные отношения к выгоде США» [Высоцкий 1986: 162–163].

Ну, а если говорить по существу то, то патовое состояние в котором оказалась сегодняшняя арктическая природоресурсная политика и дипломатия России (особенно в отношении перспектив добычи морских биоресурсов центральной, «тающей» Арктики) наглядно демонстрирует приведенное в «Рабочей тетради», «итоговое сообщение модераторов симпозиума», в котором (по крайней мере, со стороны российских участников мероприятия) начисто отсутствует хоть какой-нибудь конструктив (плодотворность, если угодно), а присутствует лишь попытка выиграть время в некоей надежде на то, что «все как-нибудь утрясется...». Однако подобная «утряска», при традиционной активности, напористости, наконец, агрессивности морской дипломатии США, консолидированного атлантического Запада, чревата лишь дальнейшими потерями для российского морепользования, морской природоресурсной деятельности России, теперь уже в Арктике.

Эти потери логично и закономерно продолжают тот ряд потерь, которые понесла страна (тогда еще СССР) после окончания III Конференции ООН по морскому праву (1973–1982 гг.). Очевидно вполне справедливо американская Президентская комиссия по морской политике в своем докладе президенту этой страны подчеркивает, что исторически США являются мировым лидером в области формирования международной океанической политики. Американская морская дипломатия всегда исповедовала подход: инициатива – это уже половина победы. Сегодняшний американский подход явно нацелен на захват инициативы в разработке новых норм международного морского права – применительно к

Арктике, с целью получения односторонних преимуществ в отношениях с другими государствами.

В свое время В.М. Корецким был верно подмечен следующий «правообразующий» алгоритм: американцы декларируют (начиная с концептуальных, доктринальных разработок и заканчивая декларациями и прокламациями на национальном уровне, а также, в ряде случаев, практическим внедрением), союзники-спутники-зависимые страны «следуют» (иными словами реализуют, внедряют в национальную практику), «наука признает» (что в наибольшей степени проявилось в экосистемном и осторожном подходах. – *А.О.*) – вот и родилась международно-правовая норма!

В подходе США к обеспечению своей национальной безопасности можно выявить курс на активное и целенаправленное формирование восприятия экологических проблем другими государствами и стимулирование их на проведение такой политики предотвращения «экологических угроз», которая отвечает американским приоритетам (в том числе в природоресурсной сфере). «Важно подчеркнуть, – пишет российский автор В.Д. Писарев, – что такой подход облегчает США возможности не только укрепления своей экологической безопасности, но и использование природоохранной проблематики для обеспечения более широкого спектра национальных интересов» [Писарев 1997: 8–10]. Отмеченные этим исследователем моменты важны для понимания многих, происходящих сегодня в арктических межгосударственных отношениях вопросов.

3. РСМД: кто и как разыгрывает арктическую «дорожную карту»?

Строго говоря, настоящий очерк должен был предварять предыдущий, однако с целью лучшего понимания вопросов целесообразней, очерк о предложениях к дорожной карте международного сотрудничества в Арктике, разместить после вышеприведенного анализа «Рабочей тетради» РСМД.

Как уже стало понятно, речь в настоящем очерке пойдет о «Дорожной карте» – документе, определяющем последовательные шаги и содержание взаимодействия Российской Федерации с зарубежными партнерами (государствами и международными организациями) по актуальным вопросам международного сотрудничества в Арктике на 2012–2018 годы.

Как заявляют сами разработчики: «Цель настоящих предложений – содействие реализации интересов России через эффективное международное сотрудничество в регионе». Следовательно, «дорожная карта» включает в себя различные аспекты: правовой, институциональный, экологический, природоресурсный, транспортный, военный, научно-исследовательский. Все это можно узнать из аннотации к выпуску предложений к дорожной карте международного сотрудничества в Арктике, изданного под эгидой Российского совета по международным делам (РСМД) [Арктика 2012: аннотация].

Авторами «предложений» к арктической «Дорожной карте» стали: кандидат исторических наук, заведующий сектором по нераспространению и ограничению Центра международной безопасности ИМЭМО РАН А.В. Загорский (руководитель авторского коллектива и, фактически, ответственный редактор сборника); кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права МГИМО (У) МИД России Д.К. Бекашев (он, одновременно, является и одним из авторов, рассмотренной выше «Рабочей тетради» РСМД); доктор биологических наук, заведующий лабораторией Тихоокеанского бассейна отдела международного рыбохозяйственного сотрудничества ФГУП «ВНИРО» А.И. Глубоков; кандидат юридических наук, профессор кафедры международного права МГИМО (У) МИД России П.В. Саваськов; кандидат юридических наук, руководитель программы Всемирного фонда дикой природы (WWF) России по экологическому законодательству Е.Н. Хмелева. Из перечисленных авторов, лишь А.В. Загорский входит в список экспертов РСМД.

Отчего же при таком изобилии «официальных» экспертов, которым, согласно его же данным, обладает РСМД, предложения по дорожной карте помимо историка А.В. Загорского, выдвигают иные специалисты – три юриста (двое из них юристы-международники) и один биолог? Ответ очевидно «проглядывается» в том, что Д.К. Бекашев и П.В. Саваськов являются сотрудниками кафедры международного права МГИМО (У) МИД России (заведующий этой кафедрой А.Н. Вылегжанин формально не числится среди авторов предложений по «Дорожной карте»; его фамилия была ошибочно указана среди них в одной из наших публикаций, которая, в начале 2013 г., была размещена на портале гражданской журналистики «ХайВей» [Овлащенко, Покровский 2013]), через которых корреспондированы необходимые подходы, а, тот же А.И. Глубоков, связан с «творцами» морской политики из СОПС.

Отчего российские предложения к арктической «Дорожной карте» непременно должна давать, одна из рьяных юристов-экологов, Е.Н. Хмелева, не вполне понятно. К тому же, как работник WWF России, она *ab initio* не может быть свободна от «внешних влияний». В ее трудовой биографии отмечена работа (с 1991 по 1995 г.) координатором информационной программы в московском представительстве американской НПО «Институт Содействия Общественным Инициативам» (ISAR).

Последняя, как известно, является одним из лоббистов американских экологических и природоресурсных инициатив в мире, а ее московский офис выполняет программы, которые направлены на информационную и финансовую поддержку экологических НПО. Как заявлено на одном из сайтов, цель этой, оказываемой ISAR поддержки, «состоит в формировании благоприятной среды для организационного и профессионального развития российских НПО, повышении их авторитета в глазах общественности и властей, объединении усилий экологических организаций и инициативных групп населения» [Институт]. Московский офис ISAR сотрудничает с зарубежными и российскими НПО, играющими роль «центров поддержки» для экологических НПО различных уровней.

Вообще, кто персонально получил в современной России карт-бланш легитимности на поиски и озвучивание, якобы «российских инициатив» в области внешней политики и, в частности, арктической политики страны?

Это, например, кандидат исторических наук, генеральный директор РСМД (и, одновременно, член президиума последнего) А.В. Кортунов. В его трудовой биографии (в рамках общественной и политической деятельности), в свою очередь отмечена работа в должности исполнительного директора программных блоков «Право и управление» (почему для руководства этим «блоком» был взят кандидат исторических наук?; ответ прост – это человек, «отобранный после изучения его установок». – А.О.) и «Образование» Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в России.

Имеющий достаточно богатую преподавательскую практику в ведущих университетах США (при чрезвычайно лаконичной, в одну строчку, записи о его государственной деятельности и дипломатической службе: 1984–1985 гг. – стажер Посольства СССР в США), кочующий по руководящим должностям различных западных фондов и советов (в частности, Фонда Эйзенхауэра, а также нью-йоркского Научного совета по общественным наукам), являющийся президентом сразу двух НПО – Фонда «Новая Евразия» и Российской благотворительной организации «ИНО-Центр» (в свою очередь, через своих учредителей и попечителей тесно связанных с Институтом имени Кеннана, Корпорацией Карнеги в Нью-Йорке, Московским центром Карнеги, Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров и др.) А.В. Кортунов сегодня, одновременно умудряется всерьез заниматься (по линии некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам») «отстаиванием» национальных интересов и национальной безопасности России.

Поэтому не стоит удивляться тому, что, полностью укладываясь в концептуальные рамки и практические шаги осуществляемой сегодня в интересах природоресурсной политики США экологизации международных отношений

[Овлащенко 2013], авторы предложений по «Дорожной карте» на первое место, среди «новых вызовов» и проблем, ставят «сохранение уникальной природной среды и биологического разнообразия арктических экосистем» [Арктика 2012: 6] (вряд ли это можно рассматривать в качестве позитивного примера того, что П.А. Гудев [Гудев 2013(а)] обозначил в качестве использования экологической риторики для отстаивания национальных интересов России).

Что называется «красной нитью», через всю их работу проходит настойчивое пожелание «согласовать с приарктическими государствами практические шаги по скорейшему введению моратория на рыбный промысел в центральном бассейне (анклаве) Северного Ледовитого океана», при этом, «активизировать диалог с заинтересованными неарктическими государствами в различных международных форматах», причем «в подлежащем согласованию формате – по поводу введения моратория на рыбный промысел в анклаве Северного Ледовитого океана» [Арктика 2012: 7, 36] (это какие же «неарктические» государства могут быть заинтересованы во введении такого моратория? – А.О.).

Прозападная лояльность авторов «предложений» простирается уже вплоть до того, что они, без стеснения предлагают «ратифицировать соглашение 1990 года о линии разграничения морских пространств с США» [Арктика 2012: 7, 31, 38].

Понимая, что «хватили лишку», российские специалисты-международники – на этот раз авторский коллектив под руководством А.Н. Вылегжанина, поспешно дистанцировались от таких радикальных предложений. Выше уже было показано, что теперь, они встали на ту точку зрения, что целесообразней будет заключить региональное соглашение в области управления рыболовством в Северном Ледовитом океане [Международное 2012].

Экологизацией международных отношений в регионе, в той или иной степени заняты практически все институциональные структуры и программы: Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР), Арктический Совет (а также созданные под его эгидой Международный арктический научный комитет и Рабочая группа по устойчивому развитию Арктики), Северное измерение сотрудничества России с Европейским Союзом, российско-американская программа совместного уменьшения угрозы, четырехсторонняя (Россия, Великобритания, Норвегия, США) программа «военно-экологического» сотрудничества в Арктике (АМЕК). Причем все они так или иначе затрагивают Арктическую зону Российской Федерации. Объективно этому способствует тот факт, что «почти все крупные проекты экономического освоения Арктики – разведка и обустройство месторождений на суше и на шельфе, портовое строительство, строительство ледоколов и крупнотоннажных судов и другие – реализуются с участием зарубежных корпораций» [Арктика 2012: 13].

Интересно, что даже «радикально проэкологически» настроенные авторы предложений признают, что «до последнего времени... в целом морские акватории Арктики оставались относительно чистыми в сравнении с другими регионами мира» [Арктика 2012: 14]. Среди направлений расширения «международного сотрудничества» в области арктического природоохранения, ими выделены: расширение применимой международно-правовой базы регулирования вопросов экологической безопасности в Арктике; расширение регионального

сотрудничества, прежде всего, в рамках Арктического совета; гармонизация национального природоохранного законодательства прибрежных стран [Арктика 2012: 15].

Действительно, расширение регионального «природоохранного» сотрудничества осуществляется сегодня, прежде всего, в рамках Арктического совета. Авторы предложений «Дорожной карты» отмечают, что на встрече министров иностранных дел, которая проходила в 2011 г., было принято решение о создании рабочей группы по выработке соглашения стран Арктического совета в сфере готовности и реагирования на морские нефтяные загрязнения в Арктике. Они особо обращают внимание на то, что несмотря на рамочный характер готовящегося соглашения, «сам факт разработки в рамках Арктического совета юридически обязывающего документа в данной области является важным шагом в направлении формирования регионального природоохранного механизма в Арктике» (интересно, что по поводу «юридической обязательности» П.А. Гудев пишет следующее: «...Между Россией и Канадой существует общность интересов относительно будущего развития Арктического совета, ...в деле наделения его расширенными полномочиями – в т. ч. правом принимать обязательные к исполнению резолюции» [Гудев 2013(а)]; однако такая «заинтересованность» со стороны России далеко неоднозначна и в целом весьма дискуссионна. – *А.О.*).

Кроме того, они же отмечают, что в 2011 г. Арктический совет также принял решение о создании группы экспертов для подготовки рекомендаций по экосистемному управлению окружающей средой в Арктике. «Хотя, – пишут они, – в задачи группы не входит подготовка соглашения или соглашений (надо понимать, однако, что такое расширение сферы их компетенции – это лишь дело времени. – *А.О.*), выработанные экспертами подходы и принципы могут быть реализованы на практике при составлении комплексных планов управления морями и при планировании морских акваторий на двусторонней основе» [Арктика 2012: 16–17].

Понятно, что в последнем случае речь идет не о чем ином, как о «методологии» комплексного управления прибрежными зонами (КУПЗ), являющейся, пожалуй самым эффективным средством унификации морской политики прибрежных государств. При этом рычаги этой «методологии» недвусмысленно вторгаются и в промышленно-экономическую и сельскохозяйственную деятельность этих прибрежных государств.

Рассматривая вопросы «совместного управления» арктическими рыбными ресурсами, авторы предложений по «Дорожной карте» в первую очередь отмечают, что ряд арктических морей отличается высокой биопродуктивностью. «Их значение для российского рыболовства, – пишут они, – в последние два десятилетия существенно возросло. Сегодня это второй по объему вылова регион после дальневосточных морей. Масштабы российского рыбного промысла здесь выросли в абсолютном и в относительном выражении. ...В последнее десятилетие российский промысел в Арктике стабилизировался на уровне 1 млн. т в год или примерно четверти общего российского вылова» [Арктика 2012: 19]. Специфика в том, что российский промысел в Арктике опирается в значительной степени на биоресурсы исключительных экономических зон (ИЭЗ) других государств.

Что касается центральной части Северного Ледовитого океана, то, как уже было показано выше, после ряда запретительных мер в своей ИЭЗ, используя «предосторожный подход» Соединенные Штаты выступили с инициативой ввести мораторий на ведение промысла в этом районе, пока не будут изучены и оценены его водные биоресурсы и на основе полученных данных не будет разработан механизм регионального управления рыболовством. Позиция Канады, ранее сдержанно относившейся к предложению США, как пишут авторы предложений по «Дорожной карте», в последнее время меняется в направлении признания необходимости установления моратория [Арктика 2012: 20–21]. Россия и Норвегия не придерживались такой позиции.

Как заявил в рассмотренной уже выше «Рабочей тетради» директор Международной арктической программы Группы охраны окружающей среды Фонда Пью С. Хайлимэн, «позиция России будет иметь центральное значение для того, насколько эффективно прибрежные государства смогут возглавить подготовку нового соглашения о сохранении рыбных ресурсов в центральной части Северного Ледовитого океана» [Хайлимэн 2012: 37].

А.В. Загорский с соавторами выражает понимание и, более того, солидаризируется с консервационистской позицией США. Подводя соответствующую «теоретическую базу», они (сейчас считается, что, якобы часть авторов – Д.К. Бекашев и П.В. Савасков, вовсе не видели окончательно отредактированную А.В. Загорским версию «предложений» по «Дорожной карте»; но, по сути, это мало что меняет. – *А.О.*), в частности, пишут: «В этой связи мы полагаем, что решение вопроса о введении моратория на рыбный промысел в анклав Северного Ледовитого океана не следует откладывать. Целесообразно в кратчайшие сроки согласовать, прежде всего, с арктическими государствами практические шаги по его введению...» [Арктика 2012: 22].

Не может не возникнуть простой, но неизбежный вопрос: насколько «мораторные» ратования *«Загорского & Со.»* совместимы с положениями Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утверждены Президентом Российской Федерации 18 сентября 2008 г. № Пр-1969; далее – Основы. – *А.О.*), где, в частности, сказано, что на втором этапе реализации настоящих Основ (2011–2015 гг.), «должно быть обеспечено решение задач структурной перестройки экономики в Арктической зоне Российской Федерации на основе освоения минерально-сырьевой базы и водных биологических ресурсов региона, а, на третьем этапе (2016–2020 гг.), а также, должно быть обеспечено превращение этой зоны в «ведущую стратегическую ресурсную базу Российской Федерации» [Основы 2008].

Возможно ли это в условиях введения выгодного лишь морской природоресурсной политике США, подобного моратория?

Да, в тех же самых Основах есть положение о том, что на первом этапе их реализации (2008–2010 гг.), должно быть обеспечено «расширение возможностей международного сотрудничества, в том числе для эффективного освоения природных ресурсов Арктической зоны Российской Федерации». Но, в трактовке российских лоббистов американских «природоохранных» инициатив – *«Загорского & Со.»* – это очень своеобразное, если не превратное толкование такого

«международного сотрудничества» (и «эффективного освоения»), действительно ведущее к «структурной перестройке» российской экономики в Арктике, но, только в выгодном для атлантического Запада направлении.

Можно обратить внимание на оптимистичные рассуждения авторов предложений по арктической «Дорожной карте» относительно того, что в «Арктике нет и не будет единого режима регионального регулирования и управления». «Арктический совет, – пишут они, – не может, да и не стремится вторгаться в компетенцию других международных организаций и не претендует, к примеру, на регулирование рыбного промысла» [Арктика 2012: 35].

Однако можно быть уверенным в том, что, если бы американской дипломатии был бы выгоден такой, конкретный интерес к вопросам рыболовства со стороны Арктического совета, соответствующая теоретическая и институциональная работа в этом направлении была бы незамедлительно проведена. Вряд ли можно сомневаться и в том, что подобное «расширение» сферы компетенции Арктического совета, было бы с «полным пониманием» воспринято авторским коллективом РСМД во главе с А.В. Загорским и нашло бы свое отражение в их (лишь по названию «российских») предложениях по арктической «Дорожной карте».

По линии Арктического совета США проводят в первую очередь свою общую, генеральную линию на экологизацию международных отношений в регионе, внедрение эколого-ориентированных подходов в морское природопользование. Например, как заявлено в одном из документов Арктического совета, его общая цель – здоровый и продуктивный океан и его побережья, служащие источником экологических, экономических и социально-культурных ценностей для нынешнего и будущих поколений [Арктический 2004]. Практически все направления деятельности Арктического совета соответствуют тем или иным положениям Плана осуществления и Политической декларации, принятым на Всемирном саммите в Йоханнесбурге. Так, было заявлено, что необходимо поощрять внедрение к 2010 г. экосистемного подхода в Арктике, принимая во внимание Рейкьявикскую декларацию по ответственному рыболовству в морской экосистеме и решение 6 Конференции сторон Конвенции о биологическом разнообразии [Дискуссионный 2004].

В том же документе Арктического совета утверждается: «...Крайне важно, чтобы морские ресурсы развивались устойчиво, чтобы их использование или добыча не нарушали целостность экосистемы...». Было также прямо заявлено: «Арктический совет имеет возможность сыграть роль международного лидера в выполнении глобальной программы устойчивого развития путем принятия и осуществления комплексного экосистемного подхода к арктическому региону» [Арктический 2004].

Как видно, идея охраны «равновесия» и так называемой «целостности» экосистем буквально охватила все современные международные морские отношения, включая их арктический сегмент. Эта идея и стала, в теоретическом плане опираясь на «экосистемный подход», тем метабазисом – софистическим приемом в споре, заключающемся в отклонении от обсуждаемого вопроса и подмене его другим вопросом. Фактически странам был навязан – с привлечением

якобы неопровержимых естественнонаучных данных – тезис о «погоне» за экологическим «равновесием», сохранением «целостности» морских экосистем. Обсуждаемый на межгосударственном уровне, в том числе в рамках Арктического совета вопрос о жизненно важном для стран и народов, их праве на морское природопользование, был, с использованием эффекта метабазиса подменен на вопрос фактически не существующий – о «целостности» и «равновесии» экосистем. Именно с «оглядкой» на это, должны теперь суверенные государства планировать и осуществлять добычу минеральных и биологических морских природных ресурсов [Овлащенко 2013: 5–6].

Истоки заложенных в сегодняшние предложения по арктической «Дорожной карте» и озвученных А.В. Загорским с соавторами подходов, можно обнаружить и раньше. Например, в опубликованном ИМЭМО РАН в 2010 г. сборнике «Арктика: пространство сотрудничества и общей безопасности» [Арктика 2010]. Составителем и научным редактором этого сборника выступил все тот же «продвиженец» и «ставленник» МИДа А.В. Загорский (заведующий сектором по нераспространению и ограничению вооружений Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, профессор МГИМО (У) МИД России).

Небезынтересно, что специалист в области международной безопасности, историк и политолог А.В. Загорский на одном из этапов своей карьеры был заместителем руководителя Московского отделения Фонда им. К. Аденауэра, что опять не может не навести на некоторые размышления о том, кто же, все-таки, получил в современной России карт-бланш на компиляцию, или, по крайней мере, на озвучивание «ее» позиции в арктических вопросах.

Упомянутый только что сборник, был подготовлен по материалам научно-практической конференции организованной ИМЭМО РАН в рамках проекта Евроатлантическая инициатива в области безопасности (*Euro-Atlantic Security Initiative, EASI*). Проект *EASI* инициирован «Фондом Карнеги за Международный мир» и реализуется группой «видных политиков» и экспертов из России, США и Европы «с целью разработки предложений по новой архитектуре безопасности на евроатлантическом пространстве». Основным партнером в России является ИМЭМО РАН.

Как заявлено в аннотации к этому сборнику: «Все участники проекта видят решение проблем не через призму отношений Россия-Запад (и, уж тем паче, не через призму национальных интересов и национальной безопасности России. – *A.O.*), но в контексте общих угроз безопасности. Такой подход якобы позволяет «более эффективно» продвигать российское видение общеевропейской безопасности» [Арктика 2010: аннотация].

Составителями сборника особо подчеркивается, что «проект *EASI* и активное участие в нем российской стороны были признаны целесообразной инициативой Президентом РФ и МИД РФ». Однако надо понимать, что последние моменты (а именно получение «грифа» такой целесообразности) являются в настоящее время лишь угубо техническими, процедурными вопросами, а не вопросами существа.

Среди упомянутых «видных политиков» значатся: от США – бывший сенатор Сэм Нан, от Европы – бывший заместитель иностранных дел ФРГ Вольфганг Ишингер, от России – бывший министр иностранных дел и бывший

секретарь Совета безопасности Российской Федерации И.С. Иванов. Обращает на себя внимание, что последний является в настоящее время президентом Российского совета по международным делам (РСМД), активно занятого, как уже было показано выше, продвижением российских (позволим себе, все-таки, повторить тот же тезис – «российских» лишь по названию) предложений по арктической «Дорожной карте».

В процессе реализации проекта «Евроатлантическая инициатива в области безопасности» были созданы четыре рабочие группы – по политическим, экономическим, военным и стратегическим вопросам безопасности. Автор введения к сборнику (надо полагать, что это А.В. Загорский) выдвигает уж совсем фантастическую, профанскую версию, утверждая, что «все четыре группы независимо (*sic!* – *A.O.*) друг от друга пришли к мнению, что Арктика – это тот регион, в котором тесно переплетены все без исключения аспекты безопасности». Якобы это обстоятельство, «и подсказало решение выпустить помимо основного дополнительный доклад комиссии, посвященный проблемам Арктики» [Арктика 2010: 5].

Вообще А.В. Загорский сдает всех организаторов и участников «научно-практической конференции», что называется «с головой». «Вопросы стратегической стабильности, – пишет он в своих «Итогах дискуссии», – связанные с военной деятельностью, осуществляемой в Арктике – это скорее некое обременение для региона, возникшее вследствие его географического положения» [Загорский 2010: 34]. Но именно таким «обременением», а скорее, никого не интересующим эклектичным «довеском» стали тезисные рассуждения о стратегической стабильности в регионе (А.Г. Арбатов), об арктической ПРО (В.З. Дворкин), о фактически несуществующих вопросах некоей «конвенциональной безопасности» (В.М. Апанасенко, С.К. Ознобищев).

Всем без исключения участникам мероприятия было понятно, что интерес «страны-заказчика» вызывают сейчас (впрочем, как и раньше, еще во времена так называемой «холодной войны»), в первую очередь не вопросы «стратегической стабильности», а проблемы гарантированного доступа к арктическим морским углеводородным и биологическим ресурсам России (а еще лучше, их пролонгированная консервация, «до лучших», для США времен). Просто Вашингтон в очередной раз и, надо признать, достаточно эффективно использовал старые, наработанные контакты, образно говоря, «наезженные» еще с советских времен «колеи»: одну «имэмовскую», и другую, «наезженную» с тех же времен (времен «арбатовщины») в Институте США и Канады АН СССР Г.А. Арбатовым (как признал в предисловии к изданным в США мемуарам последнего бывший заместитель госсекретаря этой страны С. Тэллботт, господин Арбатов стал «другом США» уже в 70-х годах).

Сборник открывают тезисы юриста-международника П.В. Саваськова (к. ю. н., профессор кафедры международного права МГИМО (У) МИД России), уже знакомого нам по предложениям, которые он с коллегами (под «научным руководством» А.В. Загорского) выдвинул по арктической «Дорожной карте». Собственное «направление» профессора Саваськова достаточно хорошо известно. Известны и размеры его дарований как ученого.

Однако даже с учетом этого его утверждения, на наш взгляд, не могут не повергнуть специалистов в некоторое смятение. Так, он без обиняков пишет: «В силу международно-правового принципа эстоппель (!? – *А.О.*) приарктические государства не могут претендовать на какие-либо особые права в отношении Арктики за исключением борьбы с загрязнением морской среды» [Саваськов 2010: 7]. Впрочем, нетрудно догадаться откуда исходят такие, евро-атлантические «ветры» в работе П.В. Саваськова.

А вот его практические предложения: «Учитывая хрупкое (*sic!* – *А.О.*) экологическое состояние Арктики, следует ужесточить Правила плавания по трассам Северного морского пути, прежде всего с целью предотвращения загрязнения морской среды с судов. ...Следует повысить их юридическую значимость, т. е. Правила должны утверждаться федеральным законом. Тем самым Россия подтвердит свою особую ответственность перед международным сообществом за экологическое состояние Арктики» [Саваськов 2010: 7].

Такая, перед лицом «международного сообщества», «экологическая сознательность» П.В. Саваськова была оценена и, он вновь, теперь уже в сборнике изданным под эгидой «Международного природоохранного фонда Пью» (США) (но, теперь уже, под «научным руководством» А.Н. Вылегжанина), становится одним из экспертов. Он, как говорят сегодня, в «обойме»...

Вопреки оценкам профильных специалистов, причем, оценок приведенных в том же сборнике [Телегина 2010: 8–9], умиротворяющие речи А.В. Загорского (постоянно и неизменно возвращающегося к проведению своего тезиса о том, что в российской Арктике «больше газа, а не нефти», что запасы российской арктической нефти – «не подтверждены», что «поиски нефти здесь не принесли значимых результатов», и пр.) об «излишней драматизации» арктических проблем (как пишет он, «еще в меньшей степени нуждается в драматизации положение России в Арктике») звучат в его тезисах навязчивым рефреном. Кстати, тезисы эти названы их автором следующим образом: «Будущее Арктики: новый передел или статус-кво? Итоги дискуссии» [Загорский 2010: 32–36].

Модератору «дискуссии», историку, которому «удалось свести за одним столом представителей самых различных научных направлений (но не взглядов, а четко, односторонне «отформатированных». – *А.О.*)», следовало бы учесть тот немаловажный момент, что «старого передела» Арктики не было, поэтому, говорить о некоем «новом переделе», по меньшей мере, некорректно.

Но понятно, что сказано это было из конъюнктурных соображений, ради «красного слова». Но, тогда ради чего, сказаны были А.В. Загорским следующие слова: «Сегодня становится все более очевидным, что большинство драматических прогнозов и сценариев за исключением, пожалуй, происходящих климатических изменений (жаль, что А.В. Загорский не отметил, что именно в этой области было и остается наибольшее количество «драматизаций» и спекуляций. – *А.О.*), страдали сильным преувеличением существующих и возникающих здесь проблем, в том числе – проблем в области национальной (российской? – *А.О.*) и региональной безопасности» [Загорский 2010: 32].

В опубликованных в том же сборнике тезисах П.А. Гудева (к. и. н., с. н. с. Центра научного сопровождения Морской коллегии при Правительстве

Российской Федерации), где проведен краткий анализ формирования концептуальных, доктринальных и стратегических основ политики США, стран НАТО и ЕС в отношении Арктики, подчеркнуто, что вполне ожидаемы (причем, ожидаемы именно со стороны только что перечисленных субъектов. – *А.О.*) конфликты за арктические морские пространства и морские природные ресурсы. На неофициальном уровне, считает П.А. Гудев, продолжает оставаться актуальной концепция интернационализации Арктики, предусматривающая уже сейчас передачу морских пространств (и, что самое главное, их природных ресурсов. – *А.О.*), лежащих за пределами ИЭЗ арктических государств, под «международное управление» всех стран-участниц Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

«Используя риторику о наличии «экологически безопасных» технологий разработки арктических месторождений, – пишет П.А. Гудев, – настаивая на необходимости внедрения экосистемного подхода, некоторые (кто эти «некоторые», это конечно же секрет полишинеля. – *А.О.*) государства пытаются завоевать себе исключительную роль в формировании нового режима управления арктическими пространствами и ресурсами» [Гудев 2010: 28].

В целом позиция этого специалиста, историка-политолога представляется нам не до конца последовательной. Так, П.А. Гудев полагает, что многое будет зависеть от действий России, а именно, будет ли страна следовать лишь исключительно положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., или почаще вспоминать о своих исторических правооснованиях в Арктике (например, А.Н. Вылегжанин в качестве «фактора, имеющего значение при оценке исторических правооснований в Арктике», вполне всерьез, а не шутя упоминает тот факт, что «США стали арктическим государством из-за уступки Россией полуострова Аляска в 1867 г.» [Международное 2012: 6, сноска 9]), а также активно развивать собственное экологическое законодательство. Именно на такой основе, как отмечает П.А. Гудев, «возможен пересмотр всей арктической политики, в том числе и в области разграничения континентального шельфа...» [Гудев 2013(а)].

В другой своей работе, проведенной и опубликованной под эгидой далеко не случайно сложившегося «триумvirата» – Российского совета по международным делам (РСМД), Российской Ассоциации международного морского права и «Международного (американского. – *А.О.*) природоохранного фонда Пью», этот автор, изначально критикуя российских экспертов, которых «не пугает то обстоятельство, что существующая тенденция к формированию в Мировом океане экологических границ в перспективе может привести к тому, что последние могут быть сочтены приоритетными по отношению к государственно-политическим границам» [Гудев 2012: 49], вдруг, буквально через несколько страниц своей работы, считает целесообразным «рассмотрение вопроса о введении особых «экологических границ», первоначально в рамках арктических секторов, и распространении некоторых норм национального экологического законодательства арктических стран, в том числе и на центральную часть Северного Ледовитого океана».

«В таком случае, – пишет он, – возможен приоритетный учет интересов арктических государств, как имеющих на это преимущественное право, при

природоохранном регулировании вопросов, связанных с освоением пространств и ресурсов Центральной Арктики» [Гудев 2012: 55]. Причем, это, свое, на наш взгляд не вполне продуманное предложение, этот специалист в том или ином, лишь в слегка видоизмененном виде проводит в различных своих работах. Например, он пишет, что «следовало бы рассмотреть вопрос относительно использования секторальных линий в качестве границ «экологической ответственности» арктических государств, в рамках которых они имели бы преимущественные права по регулированию любых видов морехозяйственной деятельности» [Гудев 2013(6)].

В принципе, до недавнего времени, да и сейчас, именно такой подход и практикуется. Но секторальные границы, пусть и в виде неких «границ» экологической ответственности, естественно не совпадут с усиленно лоббируемыми сегодня экосистемными границами в Арктике.

Кроме того, упомянутый П.А. Гудевым чуть выше «приоритетный учет», отнюдь не предусмотрен при предложенной им, если называть вещи своими именами, экосистемной делимитации пространств Северного Ледовитого океана. «Отсидеться» и сохранить свои природоресурсные права – за такими «экосистемными границами» – прибрежным государствам уж точно не получится. Да и, по большому счету, подобная «делимитация», однозначно влекущая за собой природоресурсную интернационализацию Арктики (пусть и в некоей «региональной форме»), выгодна прежде всего, ведущей продвижение экосистемного подхода в глобальном масштабе и, сравнительно (с Россией) «обделенной» в Арктике морскими нефтегазовыми и биологическими ресурсами, «стране происхождения» Международного природоохранного фонда Пью. В этой связи можно попутно упомянуть, что достаточно обстоятельный анализ проблем «экосистемной делимитации» Мирового океана, истинных причин возникновения этой идеи, возможных последствий ее реализации был в международно-правовой и политологической науке недавно проведен [Овлащенко 2013].

В своих «программных» тезисах А.В. Загорский – верная креатура Запада, умудряется адвокатствовать, говоря о том, что «планы модернизации сил береговой охраны, в частности, США и Канады... выглядят вполне рутинными» [Загорский 2010: 33]. Вполне понятно, что, как «готовый продукт», он то и был взят разыгрывать арктическую «Дорожную карту» в соответствии с хорошо освоенным им ремеслом «передергивать карту», проще говоря – шулерничать. Мы даже не имеем в виду здесь, наблюдаемую практически во всех работах А.В. Загорского, некомпетентность в такой специфической отрасли знаний, какой является международное морское право. Хотя такая некомпетентность иногда не может не вызвать принципиальных возражений, поскольку касается вопросов существа.

Например, не юрист А.В. Загорский берется утверждать (причем с ремаркой «важно отметить»), что «иной (в отличие от подачи заявки. – А.О.) общепризнанной международной процедуры установления государствами внешних границ континентального шельфа за пределами 200-мильных зон (? – А.О.) нет» [Загорский 2012]. Или чего, например, стоит следующий его «правовой комментарий»: «Для всех арктических государств уважение их суверенных прав и

юрисдикции в арктических акваториях и на шельфе является «священной коровой» [Загорский 2012].

Свою истинную программу А.В. Загорский озвучил в своих же тезисах к заседанию Ученого совета ИМЭМО РАН 24 октября 2012 г. О чем же идет речь в этих, с претенциозным названием «Интернационализация Арктики» [Загорский 2012], тезисах историка-международника?

Начав со, ставшими уже некими шаманскими «заклинаниями», придающих любому тексту наукообразность, расхожих шаблонов «о существенном увеличении антропогенной нагрузки на арктическую природную среду и крайне уязвимые (*sic!* – *A.O.*) арктические экосистемы, которые и без того подвергаются все большему стрессу под воздействием климатических изменений», перечислив еще «ряд проблем», автор тезисов неожиданно заявляет о том, что, «на этом фоне встал и вопрос об «интернационализации Арктики». Как обращает внимание А.В. Загорский, «отражением соответствующей дискуссии стала сформулированная в проекте Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации задача совместного с другими приарктическими государствами сдерживания «необоснованной интернационализации освоения Арктики».

Обыгрывая в различных контекстах сам термин «интернационализация», попутно подтрунивая на противниками такого процесса, сам А.В. Загорский предстает как убежденный «интернационализатор» многочисленных арктических проблем, сторонник расширения Арктического совета. Это – с одной стороны.

С другой, он же выступает как откровенный адепт конкретных интересов морской природоресурсной политики и дипломатии США, с их приверженностью к консервационистскому подходу. В своих тезисах А.В. Загорский «без тени сомнения» заявляет о необходимости установления моратория на ведение промысла в центральной части Северного Ледовитого океана. «На более позднем этапе, – озвучивает он североамериканские послы, – здесь может быть (а может быть и нет. – *A.O.*) учреждена региональная организация по управлению рыболовством». А.В. Загорский убежден, что «это – пример необходимой «интернационализации» Арктики, не противоречащий, а отвечающий интересам прибрежных государств» [Загорский 2012].

А вот заключительные положения его тезисов: «Мифологизация «недопустимой интернационализации» Арктики не просто лишена оснований. Она вредна, поскольку апеллирует к инстинктам и страхам, не опирающимся на рациональное понимание развивающихся в регионе процессов. С точки зрения применимости в Арктике международных режимов, этот регион уже давно и необратимо «интернационализирован». ...Эта закономерность в полной мере отвечает интересам прежде всего самих арктических государств. ...Единственной «красной линией» для прибрежных государств является безусловное уважение их юрисдикции и суверенных прав в арктических акваториях. Но эти права сегодня никто не оспаривает» [Загорский 2012].

Но, это сегодня, а что будет уже завтра...? Ведь как известно, «куда лиса лапку положит, туда и вся заберется».

Откровенно прозападная позиция А.В. Загорского, в частности, его «размышления» о судьбе российского СМП (надо полагать, полностью

укладывающиеся в рамки постулируемого им, и, только что упомянутого «рационального понимания развивающихся в регионе процессов»), без стеснения демонстрируемый им при этом «правовой нигилизм», вызвали серьезную оппозицию даже со стороны его же коллег по научно-экспертному «цеху» из ИМЭМО РАН (например, со стороны историка и политолога П.А. Гудева). Но, надо «отдать должное» А.В. Загорскому: он хотя бы не лицемерит, в его тезисах нет и намека на национальные интересы России в Арктике, ее национальную безопасность в этом регионе – этой терминологией он не оперирует вовсе. Для него это – *mauvais ton*, дурной тон, «невоспитанность».

Как и в 2010 году, он вполне искренне озабочен лишь разработкой «новой архитектуры» безопасности на евроатлантическом пространстве, поисками мифической (с точки зрения теории национальной безопасности) и иррациональной «равной безопасности для всех». К большому сожалению, российская дипломатия уже «давно и надежно» втянута в такой, фактически «сизифов труд». Немалая заслуга в этом принадлежит одному из «прорабов» горбачевского «Общеввропейского Дома» (в 1987–1991 гг., в «предзакатном» Советском Союзе участвовавшего в работе ряда совещаний СБСЕ в качестве «внешнего эксперта» советских делегаций и, видимо, «правильно» себя там зарекомендовавшего) А.В. Загорского.

Когда рукопись настоящих очерков уже была практически согласована с Издательским Домом «*Palmarium Academic Publishing*» (Саарбрюккен, Германия) Российский совет по международным делам (РСМД) опубликовал на своем официальном сайте очередную «Рабочую тетрадь» (№ VI, 2013) под названием «Предложения к дорожной карте развития международно-правовых основ сотрудничества России в Арктике» [Предложения 2013].

В аннотации к новым предложениям (и, это их своеобразная, весьма показательная «новелла») особо подчеркнуто: «Высказанные в рабочей тетради мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и не обязательно совпадают с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Руководителем авторского коллектива новой, международно-правовой «Рабочей тетради», стал доктор юридических наук А.Н. Вылегжанин (среди членов этого коллектива указаны: докт. юрид. наук С.А. Гуреев (уже покойный); докт. юрид. наук Ю.Н. Малеев; канд. юрид. наук И.В. Буник; М.О. Филлипенкова).

Кроме того, авторами выражена благодарность «за консультации при подготовке издания»: докт. юрид. наук Г.М. Вельяминову; докт. юрид. наук С.А. Егорову; докт. юрид. наук Е.Е. Андреевой; докт. юрид. наук Э.Ф. Пушкаревой; докт. юрид. наук Г.Г. Иванову; докт. юрид. наук Ю.М. Колосову; канд. юрид. наук И.С. Пешурову; канд. юрид. наук Б.П. Шаповалову; канд. юрид. наук В.Ф. Цареву.

Что же озвучили, под руководством А.Н. Вылегжанина и под прикрытием такого солидного «международно-правового тыла» (правда, ряд из указанных юристов не являются специалистами в области международного морского права, в вопросах территории и природных ресурсов в международном праве, в арктических правовых проблемах; кроме того, насколько нам известно из научного, да и личного общения с проф. С.А. Гуреевым, он давно

дистанцировался, а затем и полностью отмежевался от тех подходов, которые разрабатывают в отношении российской Арктики юристы-международники СОПС. – А.О.) авторы этой «Рабочей тетради»?

Во-первых, как сами они характеризуют их предложения к дорожной карте – это «обобщающие констатации, выводы и предложенные меры международно-правового характера, определяющие приоритетные шаги к совершенствованию юридических рамок взаимодействия Российской Федерации с другими арктическими государствами и нерегиональными акторами по актуальным вопросам решения общих проблем в Арктике на период до 2020 года».

Во-вторых, опять-таки согласно авторам «Рабочей тетради», цель их предложений – содействие реализации интересов России в регионе посредством совершенствования, повышения эффективности «международно согласованных основ международного сотрудничества».

В самом начале введения «Рабочей тетради», первым же его абзацем, авторы подчеркивают, что «в самом общем плане суть предложений по развитию международно-правовых основ сотрудничества России в Арктике сводится к тому, чтобы не допустить пересмотра правового режима Арктики, исторически сложившегося в течение веков, и, вместе с тем, адекватно учесть прогрессивное развитие применимого к этому региону международного права, прежде всего, его региональной и двусторонней составляющих» [Предложения 2013: 4].

Среди выводов и предложений звучит пожелание относительно того, что «воссозданный в 2008 г. формат сотрудничества пяти арктических прибрежных государств целесообразно поддерживать, насыщая его новыми субстантивными компонентами». В развитие этого, России, например, предлагается инициировать «разработку общей концепции природоохранных мер» в части Центрально-Арктического района, покрытого льдами.

Говорят, что «по плоду узнают и дерево», но и «по дереву можно узнать плод». Уже нетрудно догадаться, что возглавляемый А.Н. Вылегжаниным (как хорошо известно, убежденным и упористым экологом-экосистемщиком) коллектив авторов, в качестве упомянутых ими, «новых субстантивных компонентов» предлагает к сбыту все те же, прежние «плоды»: «экосистемный подход»; учет «особой хрупкости и уязвимости»; учет «подрыва экологической целостности Северного Ледовитого океана» и пр., и пр.

Действительно, зачем разрабатывать новый всеобъемлющий международно-правовой режим управления Северным Ледовитым океаном (эту необходимость и «не видят» страны-подписанты Илулиссатской декларации от 28 мая 2008 г.), если в этой же Декларации отмечено, что «Северный Ледовитый океан представляет собой уникальную экосистему», и «пять прибрежных государств играют ведущую роль в ее охране». Этим, некие «правовые оковы» на прибрежные арктические страны уже наложены. Если учесть ряд других (в том числе универсальных) международно-правовых обязательств, то такие «оковы» начинают сдавливать все сильнее.

Формально не призывая к введению усиленно лоббируемого Вашингтоном (в том числе через РСМД) моратория на промысел в центральной части Северного Ледовитого океана, А.Н. Вылегжанин с соавторами рекомендуют тем не менее, при

создании региональной договоренности, учитывать «опыт создания в 1995 г. регионального механизма сохранения рыбных запасов в анклавном открытом море, находящемся в центре Берингова моря» [Предложения 2013: 41].

Но ведь именно благодаря этому «региональному механизму» до настоящего времени сохраняется запрет на вылов минтая в анклавном. Однако механически переносить берингоморский опыт в Центральную Арктику вряд ли «однозначно хорошо». А подоспевший тут же совет этого авторского коллектива о том, что «первый проект будущего многостороннего договора о сохранении рыбных запасов могли бы разработать специалисты России и США» (избегая таким образом «пятистороннего формата»), не оставляет сомнений в том, что мораторий на промысел морских биологических ресурсов (отвечающий в первую очередь интересам, а также общей консервационистской направленности морской и арктической природоресурсной политики США) будет введен.

Поэтому вряд ли можно разделить удивление отдельных российских специалистов в отношении того, что, де-мол, РСМД сумел «перебороть» в себе старые мидовские установки, которые нашли наиболее полное выражение в уже рассмотренных выше, предложениях по «дорожной карте» (подготовленных под руководством А.В. Загорского). Ровным счетом ничего не изменилось и российский МИД, как и прежде, еще со времен проведения III Конференции ООН по морскому праву (1973–1982) идет в «кильватерной струе» морской политики и дипломатии США.

Возможно, упомянутому только что «удивлению», способствовало следующее храброе заявление: «В настоящей дорожной карте не поддерживается иная точка зрения на международно-правовые основы деятельности в Арктическом регионе, выраженная в базовых документах НАТО и Европейского союза, о том, что главным применимым к Арктике источником международного права является один глобальный международный договор, а именно Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. ...» [Предложения 2013: 47].

Действительно, чтобы так заявить – на фоне усиленно продвигаемой на протяжении десятилетий – российским МИД обратной точки зрения, надо, очевидно, обладать немалым гражданским мужеством (тем более, принадлежа к этой же, «мидовской» образовательной структуре). Но и здесь, предположим все-таки, дело совсем не в устрашающих «базовых документах НАТО и Европейского союза», а, все в том же: отмеченный «глобальный международный договор» не предусматривает применения экосистемного подхода...

Фактический, но прикровенный призыв к введению моратория встречается в «Рабочей тетради» неоднократно. Да, хотя бы вот в этой, очередной «обобщающей констатации»: «Главное в такой договоренности – недопущение нерегулируемого, неподотчетного, неправомерного рыболовства в Северном Ледовитом океане. С учетом его специфики (рыболовства или Северного Ледовитого океана? – *А.О.*), приоритетная мера видится в ведении только регулируемого рыболовства, т. е. исключительно в 200-мильных экономических зонах пяти арктических прибрежных государств, где его мониторинг осуществлять технически легче и экономически дешевле» [Предложения 2013: 41].

Дальше идет, ставшая привычной фразеология по поводу того, что специальный региональный механизм сохранения рыбных ресурсов в центральной части Северного Ледовитого океана «уже востребован» и пр. С другой стороны, предельно откровенно подчеркнуто, что новая межправительственная региональная договоренность может стать «эффективным механизмом» продвижения предосторожного подхода, экосистемного управления биоресурсами в арктическом районе [Предложения 2013: 41].

Вот, где находятся действительные интересы авторов новой «Рабочей тетради» РСМД. Вот, где (а не только в отношении определения границы континентального шельфа) предлагают эти авторы «модернизировать по существу» правовые основы российского морского природопользования в Арктике. Позволим себе утверждать, что подобная «модернизация» исходит в первую очередь от руководителя авторского коллектива А.Н. Вылегжанина.

Кстати, далеко не случайно, что на этот раз «тетрадь» издана в коллективном, а не в «персонифицированном» авторском исполнении (как это было в случае с предыдущей работой под руководством А.Н. Вылегжанина [Международное 2012]), где каждый автор подписывал свою статью и, соответственно, нес ответственность за свой материал. Взяв очевидно в качестве «хорошего примера» изданные, прежние «Предложения к дорожной карте...» (под ред. А.В. Загорского), где статьи также не были персонифицированы, А.В. Вылегжанин пошел по пути создания своеобразной, научной «круговой поруки», этаким групповой солидарной ответственности, когда все члены авторского коллектива отвечают за мысли и рекомендации одного.

Ну и напрасно так было сделано... Вообще в новой «Рабочей тетради» с такой «размытой» ответственностью авторов просматривается явная перестраховка; как бы руководитель авторского коллектива не перехитрил, что называется, «самого себя». Если в «тетради Загорского», в аннотации к ней, речь идет буквально чуть ли не от «первого лица» (а именно от РСМД), то, в «тетради Вылегжанина» отдельным абзацем (и тоже в аннотации) особо подчеркнуто: «Высказанные в рабочей тетради мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и не обязательно совпадают с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам» [Предложения 2013].

Это при том, что А.Н. Вылегжанин – эксперт РСМД. Так зачем понадобилось такое «взаимное дистанцирование»...?

Вот, с западных «коллег-партнеров», надо бы брать пример. В рассмотренных выше итоговых «долгосрочных предложениях» американского неправительственного Совета по международным отношениям, в самом документе прямо указано, что приведенные «рекомендации» отражают взгляды двух специалистов в области проблем океанского соуправления: С. Патрика и С. Борджерсона.

А за перечисленным в «Рабочей тетради» РСМД, добрым десятком авторов и «консультантов» поди узнай, кто же все-таки и что именно предлагал, и, чьи это, наконец, «исследовательские позиции»...?

4. СОПС-стратегии и СОПС-законы: сбывшиеся надежды и сбытые идеи «стратегов-прогнозистов»

Рассмотрение связанных с «глобальной экологией» положений Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, целесообразно предварить хотя бы кратким анализом двух других документов, разработанных в стенах Федерального государственного бюджетного научно-исследовательского учреждения «Совет по изучению производительных сил» (СОПС). Хотя бы потому, что речь пойдет о все тех же, объединяющих все эти документы, новациях для отечественного морепользования – экосистемном подходе, «методологии» комплексного управления прибрежными зонами (КУПЗ), «инструментарии» морского пространственного планирования.

В одной из наших совместных с профессором И.Ф. Покровским (заслуженный деятель науки России, доктор юридических наук, член Президиума Морского совета при Правительстве Санкт-Петербурга) статей, был проанализирован ряд положений концепции федерального закона «О государственном управлении морской деятельностью Российской Федерации». В частности, было показано, что придание «экосистемному подходу» статуса одного из принципов (! – *А.О.*) морской политики, объективно не соответствует национальным интересам России, обеспечению ее государственной безопасности, незыблемости суверенитета, а также реализации суверенных прав и юрисдикции в соответствующих морских пространствах [Овлащенко, Покровский 2011(6): 24–27].

Как известно, в апрельском за 2011 г. выпуске журнала военно-морского флота «Морской сборник», была опубликована концепция федерального закона «О государственном управлении морской деятельностью Российской Федерации». Автор публикации и, надо полагать, один из разработчиков «концептуальной модели» – директор Центра научного сопровождения Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации Совета по изучению производительных сил (СОПС) В. Синецкий [Синецкий 2011: 34–41].

Своеобразное теоретическое обоснование разработке и принятию подобного закона давали, еще в 2005 г., директор Центра правовых проблем СОПС А. Вылегжанин и главный научный сотрудник СОПС Р. Каламкарян [Вылегжанин, Каламкарян 2005: 49–61]. Среди прочего, в их статье было отмечено, что в Морской доктрине Российской Федерации на период до 2020 г. в «рамках совершенствования» отечественного морского законодательства, якобы отражены «юридические идеи» связанные с «продвижением» принципов устойчивого развития, экосистемного управления и пр.

Однако в Морской доктрине, утвержденной Президентом Российской Федерации (Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 г. Указ Президента Российской Федерации № ПР-В 87 от 27 июля 2001 г.), на самом деле, не закреплены ни «экосистемный подход», ни производная от последнего «методология» комплексного управления прибрежными зонами (КУПЗ). Поэтому весьма сложно согласиться с сегодняшним тезисом В. Синецкого о том, что в

будущем законе предусмотрено юридическое закрепление национальных интересов России в Мировом океане, «исходя» из действующей Морской доктрины.

Собственно, повторяется ситуация, возникшая в связи с относительно недавно утвержденной Стратегией развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 г. [Распоряжение 2010] (далее – Стратегия), в разработке которой, также принимало самое непосредственное участие Морское отделение СОПС (заказчиком таких работ выступает Минэкономразвития).

Несмотря на обоснованные предостережения и даже протесты специалистов [Овлащенко, Покровский 2009: 31–37; 2010(а): 31–36; 2010(б): 16–23; 2010(в): 15–17], в Стратегию были широко инкорпорированы положения об использовании КУПЗ в морской деятельности России. В связи с этим, хотелось бы в очередной раз подчеркнуть, что подобная инкорпорация (хотя Стратегия, согласно ее тексту, якобы сформирована с учетом определенных Морской доктриной критериев эффективности национальной морской политики) произведена не согласно, а вопреки положениям Морской доктрины, куда положения КУПЗ не попали.

Примечательно, что в Стратегию широко инкорпорирована сама «методология» КУПЗ (при том, что «экосистемный подход» в Стратегии не упоминается), тогда как в рассматриваемую концепцию федерального закона о государственном управлении морской деятельностью, помещено императивное требование об использовании такого подхода. Логика разработчиков последнего документа понятна – был бы «экосистемный подход», а КУПЗ, как конкретный механизм его реализации, неизбежно «приложится».

Как писали еще в 2005 г. А. Вылегжанин и Р. Каламкарян, «сводному закону» России, который станет результатом кодификации российского права в области управления морской деятельностью, «уготовлено» сопровождаться «юридическими новациями». Какие же «новации» уготовили специалисты СОПС будущему и, материализованному теперь в рассматриваемой «концептуальной модели», закону? Это и «обозначение морских районов, находящихся под защитой морских «охраняемых районов», и управление ими», и «сохранение биоразнообразия морских прибрежных районов», и «комплексное управление приморскими районами суши и примыкающими к ним районами моря». И, даже, «устойчивое развитие» туризма, к объектам которого отнесены в первую очередь «морские и прибрежные экосистемы».

В. Синецкий в своей апрельской публикации особо подчеркивает, что в законе «речь идет не об отмене или подмене» действующих законов Российской Федерации, устанавливающих статус морских пространств и правовой режим их использования, а о регулировании только тех отношений, которые возникают в связи с государственным управлением отечественной морской деятельностью. Но, это, далеко не так...

Среди принципов национальной морской политики, по определению разработчиков концепции закона – «основных общих положений, которыми руководствуются субъекты национальной морской политики в ходе ее формирования и реализации» (п. 7 ст. 3 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе»), в п. 13 ст. 6 («Принципы национальной морской

политики») прямо указано на «использование экосистемного подхода, рассматривающего морскую среду как единое целое, а происходящие в ней процессы во взаимосвязи».

Однако на практике, при использовании экосистемного подхода неизбежно будет подвержен трансформации и правовой статус морских пространств, и правовой режим использования как самих этих пространств, так и находящихся в их пределах морских природных ресурсов. Да ведь и сами специалисты из СОПС пишут, что экосистемный подход к освоению Мирового океана «будет означать, что управление, например, прибрежной зоной будет строиться не только с учетом суверенных прав в границах национальных юрисдикций, но и экосистемных границ» [Теория 2007].

Более того, «методология» КУПЗ по природе своей «не терпит» государственных границ, стремясь заменить их «границами» экологическими или, точнее, экосистемными. Поэтому введение в федеральный закон (на уровне, подчеркнем это еще раз, «принципа» национальной морской политики) требования по использованию экосистемного подхода, по сути противоречит положениям ст. 4 («Национальные интересы Российской Федерации в Мировом океане») и ст. 5 («Цели национальной морской политики») этого же закона, в которых говорится о незыблемости суверенитета, обеспечении суверенных прав и юрисдикции Российской Федерации в соответствующих морских пространствах, защите ее морских границ.

Ведь внедряя «экосистемный подход» и реализуя на практике КУПЗ – мы латентно, но неизбежно ликвидируем и свой суверенитет, и суверенные права, и морские границы.

Реализация КУПЗ, как практического инструмента «экосистемного подхода», будет неотделима от крайне невыгодных для России радикальных экономических, научно-технических и инфраструктурных изменений в сельском хозяйстве и промышленности, причем не только в субъектах федерации имеющих непосредственный выход к морю, но и на удаленных от побережья территориях.

Известно, что в решении Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) экосистемный подход определяется, как «стратегия комплексного управления земельными, водными и живыми ресурсами, которая обеспечивает их сохранение и устойчивое использование на справедливой основе». Такое «сохранение» и «справедливая основа», в инициированном Соединенными Штатами в конце 50-х годов и широко интернационализируемом ими в течение последних десятилетий подходе на экологизацию международных морских отношений, международного морского права, наконец, морского природопользования [Овлащенко 2013], должны означать в отношении морехозяйственной сферы всех других стран, включая Россию, не что иное (если говорить простым языком), как: «не добывайте «наши» морские (биологические, углеводородные и др.) ресурсы, пока они все-таки еще не наши, а ваши». Сохраняйте биоразнообразие!

Что же касается непосредственно управленческого аспекта морской деятельности (для чего и предназначен в первую очередь будущий закон), то хотелось бы обратить внимание на следующие, как представляется, принципиально важные моменты.

Совершенно неверен посыл о том, что необходимость обеспечения «устойчивого развития» прибрежных территорий потребовала разработки управленческих инструментов экосистемного подхода – в первую очередь КУПЗ, как считают сторонники последнего, якобы направленного на укрепление государственной «управленческой вертикали». Напротив, КУПЗ не только не укрепляет «управленческую вертикаль», но служит прежде всего ее деструкции, трансформации этой вертикали в сетевое, управляемое преимущественно извне состояние. Далеко не случайно в своей статье, уже цитированные нами А. Вылегжанин и Р. Каламкарян, рассуждая о КУПЗ упоминают некие «правовые предписания об управленческих альтернативах». О каких же «альтернативах» идет речь?

В 2000 г. Конференцией Сторон Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г. в решении V/6 этой Конференции, при перечислении двенадцати принципов экосистемного подхода, Принцип 2 был конкретизирован следующим образом: «Управление должно быть, по возможности, максимально децентрализованным».

Как видно, ни о каком укреплении «управленческой вертикали» речь не идет (а скорее, действительно об «альтернативах»). Поскольку объектами профессиональной деятельности специалистов в области КУПЗ являются процессы управления государственного и муниципального уровней, постольку с помощью специфических коммуникативных сетей, обслуживающих этих специалистов, обеспечивается вхождение последних в процесс выработки и последующей реализации национальной морской политики (в том числе, чрезвычайно важного для национальной безопасности России, военно-морского ее компонента), включая давление на ее ключевых разработчиков.

В контексте этого, отнюдь не случайно неоднократное упоминание в концепции закона «общественных и иных негосударственных формирований» (п. 1 ст. 3), «заинтересованных общественных объединений» (п. 6 ст. 6), «некоммерческих организаций, выражающих интересы субъектов морской деятельности» (п. 2 ст. 13; ст. 15). Действительно, активно формируемая сегодня США система так называемого «глобального океанического соуправления», на первый взгляд основанная на «учете» мнения «гражданского общества», по словам самих специалистов из СОПС, «является в руках политических деятелей западных держав мощным рычагом преодоления интересов других стран, включая Россию, опирающихся на принципы государственного суверенитета и национальной безопасности» [Теория 2006].

Весьма показательно (хотя, на первый взгляд, достаточно «странно» с организационной точки зрения), что в соседней Украине внедрение и реализация программ КУПЗ происходит под непосредственным «патронажем» Британского Совета («*British Council*»), хорошо известного своей деструктивной, антигосударственной (применительно к России) деятельностью.

В рамках «сетевизации» специалистов КУПЗ (в квалификационной характеристике по специализации «Комплексное управление прибрежными зонами», разработанной на кафедре КУПЗ РГГМУ, при перечислении «дополнительных компетенций», которыми должен обладать выпускник, указано:

способен оценивать эффективность реализации проектов по развитию прибрежных зон в рамках сетевого подхода [Квалификационная]) вполне можно говорить, что некоторые основания деятельности таких «сетей» (как и подобные основания в сетевом маркетинге в целом) делают эти структуры схожими с религиозными сектами [Шаронова 2008: 64].

В настоящее время наблюдается взаимное проникновение сетей в секты и наоборот. На Западе в экологической сфере имеется огромное число сетей, условно назовем их «сетевыми сектами», организационно выступающих зачастую в качестве НПО или МНПО: *Earth Ministry, National Religious Partnership for the Environment, North American Coalition on Religion and Ecology, Interfaith Network for Earth Concerns, Interfaith Center for Environmental Stewardship, Coalition on the Environment in Jewish Life, Evangelical Environmental Network* и др.

Можно вполне согласиться с рекомендацией одного из бывших руководителей Морского отделения СОПС, относительно того, что в условиях усилившейся борьбы между странами за морские природные ресурсы, «власть должна не ждать подсказки из-за рубежа, а научиться жить своим умом, своей наукой, расширяя арсенал средств, форм и методов управления использованием морских ресурсов» [Теория 2005(а)].

Вряд ли только, можно согласиться с тем, когда, вроде бы «своя наука», предлагает использовать «арсенал средств, форм и методов» заведомо невыгодный для России ни в политико-правовом, ни в социально-экономическом, ни в военно-стратегическом аспектах. А именно, использовать «подсказанные» из-за рубежа, политизированные и, ставшие в настоящее время ничем иным, как эффективным средством внешнеполитической и внешнеэкономической экспансии атлантического Запада – «экосистемный подход», производю от него «методологию» КУПЗ, «инструментарий» морского пространственного планирования.

Если вновь вернуться к рассматриваемой «концептуальной модели» федерального закона, то, с технико-юридической точки зрения вызывает сомнение п. 2 ст. 2 («Нормативное правовое регулирование государственного управления морской деятельностью Российской Федерации»), где говорится о том, что помимо ряда условий, Российская Федерация проводит национальную морскую политику «в гармонии (довольно странная «правовая категория» для управленческого по сути своей, а значит, требующего конкретики закона. – А.О.) с сохранением морской среды».

Излишнюю «экоориентированность» будущего закона подтверждает п. 1 ст. 17 («Международное сотрудничество»), где говорится о том, что осуществляя такое сотрудничество Российская Федерация исходит из того, что «Мировой океан и его ресурсы являются неотъемлемым фактором поддержания жизни на планете, и признает необходимым обеспечение здорового состояния морской среды, рационального, безопасного и устойчивого использования морских ресурсов».

Не может не вызвать удивления (своей полной абсурдностью) формулировка п. 5 ст. 7 («Обязанности органов государственной власти и местного самоуправления Российской Федерации»), где первым, в частности, вменяется в

обязанность принимать необходимые меры для «просвещения населения о Конвенции ООН по морскому праву».

Конкретизации требует положение п. 4 ст. 12 («Задачи морской коллегии при Правительстве Российской Федерации»), где при перечислении основных задач, решаемых Морской коллегией, оговорено, что координационная деятельность этого органа, уточнение им целей и задач национальной морской политики, а также программ развития морской деятельности Российской Федерации проводятся, «исходя из направлений общегосударственной политики и соответствующих международных программ».

Не вполне понятно, о каких «международных программах» ведут речь разработчики концепции закона? Понятно конечно, что в законе не требуется, да и невозможно их «поименное» перечисление. Но, совершенно очевидно, что в законе должна присутствовать ссылка не на «соответствующие международные программы», а на «международные программы, соответствующие национальным интересам Российской Федерации в Мировом океане», программы, отвечающие интересам морской политики страны.

Таковы были наши краткие замечания и пожелания по разработанной при непосредственном участии СОПС и опубликованной в журнале военно-морского флота «Морской сборник», концепции федерального закона «О государственном управлении морской деятельностью Российской Федерации».

В другой нашей совместной статье показан негативный характер инкорпорирования методологии комплексного управления прибрежными зонами, но, теперь уже, в Стратегию развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 г. Было обосновано требование пересмотра ряда политико-правовых положений данного документа в целях более эффективного обеспечения долгосрочных интересов национальной морской политики России.

В Стратегии определяются стратегические цели, задачи и перспективные пути развития основных видов морской деятельности России. Как заявлено в самой Стратегии, последняя направлена на обеспечение интересов Российской Федерации в Мировом океане, предусмотренных в Морской доктрине Российской Федерации на период до 2020 года (далее – Морская доктрина), повышение эффективности основных видов морской деятельности, поддержание сбалансированности специализированного флота, а также на развитие морской деятельности в целом. Поэтапное разрешение главных проблем морской деятельности, как указано в Стратегии, должно способствовать повышению уровня национальной безопасности государства, а также возрастанию эффективности функционирования Вооруженных Сил Российской Федерации, системы государственной безопасности [Приложение 2010].

Однако при детальном анализе содержания Стратегии можно прийти к однозначному выводу: несмотря на обоснованные предостережения, в Стратегию были широко инкорпорированы положения об использовании в морской деятельности России (в частности, субъектов федерации) методологии «комплексного управления прибрежными зонами» (КУПЗ), а также рекомендации (правда, пока в виде «перспективных путей») по использованию «инструментария» морского пространственного планирования.

Основные «заслуги» в такой инкорпорации принадлежат Минэкономразвитию России и обслуживающему последний СОПС.

В связи с этим, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что подобная инкорпорация (хотя Стратегия, согласно ее тексту, якобы сформирована с учетом определенных Морской доктриной критериев эффективности национальной морской политики) произведена не согласно, а вопреки положениям Морской доктрины, куда положения КУПЗ не попали.

Зато подтвержден высказанный в 2008 г. тезис одного из «первых лиц», ответственных за продвижение КУПЗ в России, советника Отдела методологии государственных целевых программ Департамента государственных целевых программ и капитальных вложений Минэкономразвития, Ю.Г. Михайличенко о том, что «Стратегия должна выйти за рамки ограничений, накладываемых Морской доктриной, где приоритет имеют вопросы обеспечения национальной безопасности России» [Михайличенко 2008]. А именно «ограничений», касающихся защиты, сохранения и обеспечения суверенитета и суверенных прав страны в Мировом океане. И действительно, относительно недавно утвержденная Стратегия успешно выходит за такие «рамки».

Первое, весьма осторожное (по сути косвенное) использование положений методологии КУПЗ можно обнаружить в разделе II Стратегии («Основные проблемы развития морской деятельности»). Последней, среди «проблем и рисков», упоминается «необходимость дополнения существующего преимущественно отраслевого подхода к планированию развития морской деятельности комплексным подходом».

Фактическая ссылка на методологию КУПЗ содержится в Приложении № 1 «Стратегические цели, задачи и целевые показатели развития морской деятельности Российской Федерации» (стратегическая цель 12). В частности, сама цель сформулирована следующим образом: «Переход к комплексному подходу к планированию развития приморских территорий и прибрежных акваторий конкретных побережий страны путем выделения их в отдельный единый объект государственного управления». При этом стратегической задачей для достижения указанной цели является «нормативное правовое обеспечение практики разработки и реализации программ комплексного развития приморских территорий и прибрежных акваторий конкретных побережий страны». Среди целевых показателей обозначены «предложения в типовые макеты комплексных стратегий и программ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и программ развития муниципальных образований, обеспечивающие в качестве самостоятельного компонента разработку и реализацию программ». Ответственным исполнителем в данном случае заявлен федеральный орган исполнительной власти – Минэкономразвития.

Для реализации данной стратегической цели решаются (опять-таки, на основе КУПЗ) стратегические задачи на другом уровне. А именно, «разработка и реализация программ комплексного развития приморских территорий и прибрежных акваторий в качестве самостоятельного компонента комплексных стратегий и программ социально-экономического развития приморских субъектов Российской Федерации и программ развития приморских муниципальных

образований». Соответственно, целевым показателем здесь выступает «количество приморских субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, реализующих или разрабатывающих программы комплексного развития приморских территорий и прибрежных акваторий (читай – КУПЗ. – *А.О.*)». Вполне понятно, что ответственными исполнителями здесь выступают уже субъекты Российской Федерации.

Прогнозные значения целевых показателей I этапа (2010–2012 гг.) развития морской деятельности Российской Федерации определены согласно Приложению № 2. Прогнозные значения целевых показателей II этапа (2013–2020 гг.) развития морской деятельности Российской Федерации определены согласно Приложению № 3. И в первом, и во втором случае идет ориентация на реализацию программ КУПЗ. Например, в Приложении № 2 упоминаются «предложения в типовые макеты комплексных стратегий и программ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и программ развития муниципальных образований, обеспечивающие в качестве самостоятельного компонента разработку и реализацию программ комплексного развития приморских территорий и прибрежных акваторий». Исполнителем вновь выступает Минэкономразвития России.

Согласно этому же приложению, двадцать один приморский субъект Российской Федерации и муниципальные образования, должны реализовывать или разрабатывать программы комплексного развития приморских территорий и прибрежных акваторий, то есть, фактически, являться исполнителями программ КУПЗ. Целевые показатели и исполнители программы по реализации КУПЗ согласно Приложению № 3 аналогичны предыдущему приложению, с той лишь разницей, что первые должны реализовываться уже в период 2013–2020 гг.

Наконец, Приложение № 4 «Перспективные пути развития основных видов морской деятельности Российской Федерации», для управления морским природопользованием предусматривает (согласно хрестоматийному определению КУПЗ) «введение и развитие интегрального (межотраслевого) управления на всех уровнях, рассматривающего морепользование как целостный объект управления и направленного на преодоление конфликтности между видами пользования и и сохранения морской среды», и «расширение морской составляющей программ комплексного развития приморских территорий и прибрежных акваторий до границ акваторий, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации». Помимо этого, в качестве «перспективного пути развития» предусмотрено использование и развитие «инструментария» морского пространственного планирования.

Итак, в Стратегии взяли реванш те силы, которые десять лет назад потерпели неудачу при попытке инкорпорировать методологию КУПЗ в Морскую доктрину. Можно напомнить, что океанская политика США в начале второго десятилетия XXI века по-прежнему ориентирована на внедрение американских приоритетов в создаваемые механизмы «соуправления» океанической деятельностью. Несложно понять интересы лоббистов КУПЗ в России, другими словами – проводников американского управленческого опыта, широко интернационализируемого сегодня в американских же интересах. Тематика КУПЗ отвечает потребностям конкретных

(как внутренних, так и внешних) заказчиков и «реальностям финансирования» науки в современной России.

Экологизация международных морских отношений, а шире, международных отношений в целом, направлены на навязывание контроля за внутренней экономической и политической жизнью государств. В отношении России применение КУПЗ, как конкретного инструмента по реализации демагогической риторики «устойчивого развития» и прикладного «экосистемного подхода», должно предоставить возможность решить те стратегические задачи, которые были неразрешимы для США в эпоху силового противоборства периода «холодной войны». А именно: обрести эффективные рычаги воздействия на внешнюю и внутреннюю, а также оборонную политику России. Конкретно и прежде всего в морской сфере: сузить сферу применения национального суверенитета, суверенных прав и юрисдикции в отношении морских пространств и морских природных ресурсов, выведя последние в категорию «общемирового достояния» или «глобальной ценности» [Писарев 2000: 40–41].

В начале XXI века вновь возрастает геополитическое и геоэкономическое положение береговой зоны. Поскольку эпицентр борьбы вновь окажется в береговой зоне морей и океанов, постольку понятным становится стремление США провести в максимальной степени унификацию морской политики прибрежных государств, в первую очередь внедрить методологию КУПЗ. В наиболее широком плане в евразийской стратегии США главная задача заключается в объединении разрозненных береговых зон в единый «дисконтинуальный пояс». Как уже было показано, реализация КУПЗ будет неотделима от крайне невыгодных для России радикальных экономических, научно-технических и инфраструктурных изменений в сельском хозяйстве и промышленности, причем не только в субъектах федерации имеющих непосредственный выход к морю, но и на удаленных от побережья территориях. В управленческом аспекте реализация КУПЗ не только не усилит государственную управленческую вертикаль, но повлечет за собой трансформацию этой вертикали в сетевое, управляемое преимущественно извне состояние.

Использование КУПЗ – в силу целей самого генерирования этой «методологии» в специализированных аналитических и научно-прикладных центрах США, специфической методологии и практических инструментов реализации – негативно повлияет на ВМФ России, в первую очередь на боевую устойчивость Северного флота, функционирование ЗАТО Мурманской области (на это мы, с профессором И.Ф. Покровским, обращали особое внимание в нескольких наших совместных публикациях).

Как уже было отмечено, для США, разработанная ими «методология» КУПЗ – ее «экспортная версия», представляет собой эффективный инструмент воздействия на внешнюю и внутреннюю политику других государств [Писарев 2000: 52]. Не случайно поэтому, что одним из основных принципов на которых базируется КУПЗ, является так называемый политический принцип – обеспечение «демократических предпосылок» и консультаций между всеми заинтересованными политическими, социально-экономическими и общественными группами населения. Однако о том, что подобные «демократические предпосылки» могут, в конце концов, привести к популяризму ныне в политтехнологиях «управляемому

хаосу», не то, что в масштабе ЗАТО, а всей страны, хорошо известно на примере политической судьбы бывшего Советского Союза.

Очевидно, вслед за нами, даже сами сотрудники СОПС указывают, что «важным противоречием в рамках применения КУПЗ является подчас абсолютная (! – А.О.) несовместимость заявляемых экологических аспектов и принципов устойчивого развития с использованием прибрежной зоны в целях обеспечения военной безопасности с морских направлений (пример для России – береговая зона Баренцева и Черного морей в районе Кольского залива и Цемесской бухты соответственно)» [Теория 2009: 232–233].

Очень важно, что методология КУПЗ по природе своей «не терпит» государственных границ, стремясь заменить их «границами» экологическими или, точнее, экосистемными. Поэтому увязывание в одном документе, каким является Стратегия, широкомасштабного развития КУПЗ в стране, с «защитой и охраной государственной границы Российской Федерации на море и охраной морского пограничного пространства, морских ресурсов, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации», выглядит, по меньшей мере, не совсем логичным. Ведь реализуя на практике КУПЗ – мы латентно, но неизбежно ликвидируем и свой суверенитет, и суверенные права, и морские границы.

КУПЗ планируется сделать одним из инструментов глобального контроля над пространствами и природными ресурсами Мирового океана. Ожидается консолидация международных управленческих процессов и структур, в рамках которых роль США будет доминирующей [Писарев 2002: 31]. КУПЗ объективно способствует «расчищению» политико-правового, экономического и социального плацдарма для формирования и последующей реализации «глобального океанического соуправления» (на самом деле – предельно жестко структурированной иерархии, фактически – диктатуры) как своеобразного этапа по воплощению мондиалистских теорий различного толка.

«Известные максимы гласят, что если у тебя нет своей стратегии, то ты будешь жить по чужой», – писали участники разработки проекта российской Стратегии развития морской деятельности до 2020 года и на более отдаленную перспективу, сотрудники СОПС А.М. Коновалов и Г.В. Батунова [Коновалов, Батунова 2008].

Вряд ли всем известно, о чьих «максимах» ведут речь «теоретики-прогнозисты» из СОПС. Но, зато целому ряду российских ученых и специалистов совершенно очевидно, что разработанная, якобы «своя» морская стратегия, благодаря ее специфическому наполнению осуществляемому мореведами из СОПС (заказчиком таких работ выступает Минэкономразвития), во многом является в политико-правовом плане для России чужой, а значит неприемлемой.

Post factum, остается в очередной раз напомнить: в настоящем виде Стратегия не отвечает долгосрочным интересам национальной морской политики Российской Федерации и требует скорейшего пересмотра [Овладенко, Покровский 2010(6): 22].

А в полной ли мере отвечает таким интересам новая, исшедшая из недр все того же СОПС, недавно утвержденная Президентом Российской Федерации В.В. Путиным Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и

обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года? [Стратегия 2013] (далее – арктическая Стратегия).

Разработчики из СОПС (в частности, кандидат технических наук, директор Центра «Мировой океан» СОПС А.М. Коновалов) принимают поздравления от коллег, в связи «с большой профессиональной победой» [Утверждена 2013]. Означает ли это, что можно поздравить с такой «победой» Российскую Федерацию в целом...? Конечно же нет.

Арктическая Стратегия поражена теми же «системными пороками», которые были отмечены выше при кратком анализе положений концепции федерального закона «О государственном управлении морской деятельностью Российской Федерации» и Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 г. Однако, если в случае первых двух документов внедрение «методологии» КУПЗ, к примеру, зачастую витиевато завуалировано, то, в арктической Стратегии, «в целях совершенствования системы государственного управления социально-экономическим развитием Арктической зоны Российской Федерации», уже прямо предусматривается «разработка и апробация моделей комплексного управления прибрежными зонами (КУПЗ. – *А.О.*) в арктических регионах» [Стратегия 2013].

Как видно, речь не идет лишь о неких «пилотных проектах», к примеру, в Мурманской области; теперь разговор уже идет о целых «арктических регионах». Карт-бланш получен! Надежды сбылись, идеи с изрядной прибылью сбыты...

Во втором пункте «Общих положений» арктической Стратегии отмечено, что в последней, «определяются основные механизмы, способы и средства достижения стратегических целей и приоритетов устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности». Заявлено: «Стратегия направлена на реализацию суверенитета и национальных интересов Российской Федерации в Арктике и способствует решению основных задач государственной политики Российской Федерации в Арктике, определенных в Основах (Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу, утверждены Президентом Российской Федерации 18 сентября 2008 г. № Пр-1969 [Основы 2008]; далее – Основы. – *А.О.*)».

Однако, как давно и хорошо известно, «сколько ни говори «халва», а во рту слаще не станет». За громкими фразами об «обеспечении национальной безопасности», «национальных интересов» реально, мало что стоит, и, как раз, в силу инкорпорирования в арктическую Стратегию «экосистемного подхода» и «методологии» КУПЗ. Эти «подход» и «методология», и действительно, а не виртуальные национальные интересы и национальная безопасность России в Арктики, а также реализация страной суверенитета, суверенных прав и юрисдикции в соответствующих морских пространствах, как удачно было сказано одним из современных российских специалистов (правда, несколько по иному, но, тоже морехозяйственному поводу), «вещи, плохо соотносящиеся друг с другом и имеющие так называемую обратную, отрицательную корреляцию» [Гудев 2012: 49].

Точно так же имеют отрицательную корреляцию, уже упомянутые пожелания разработчиков арктической Стратегии о «совершенствовании системы государственного управления социально-экономическим развитием Арктической зоны Российской Федерации», с их, получившими теперь «зеленый свет», планами «разработки и апробации» КУПЗ. Если только, конечно, не рассматривать деструкцию, разрушение, размыв нормальной структуры государственного управления в качестве некоего «совершенствования»...

Полностью в рамках «глобальных экологических подходов», к ключевым факторам оказывающим влияние на социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации отнесена «низкая устойчивость экологических систем, определяющих биологическое равновесие и климат Земли, и их зависимость даже от незначительных антропогенных воздействий» [Стратегия 2013] (точно такая же формулировка присутствует в Основах). А при перечислении «рисков и угроз», наличие которых характеризует текущее состояние такого развития, обозначено следующее: «В сфере природопользования и охраны окружающей среды выделяется возрастание техногенной и антропогенной нагрузки на окружающую среду с увеличением вероятности достижения ее предельных значений в некоторых прилегающих к Российской Федерации акваториях Северного Ледовитого океана...». Среди приоритетных направлений развития Арктической зоны Российской Федерации указано «обеспечение экологической безопасности».

Декларативными на фоне интегрированных в арктическую Стратегию «экосистемного подхода» и КУПЗ, озабоченности ее авторов «низким порогом» антропогенных воздействий, выглядят положения о разработке российских арктических морских углеводородных и биологических ресурсов.

«Проведение исследований в области истории, культуры и экономики региона, а также правового регулирования хозяйственной и иной деятельности в Арктики, в том числе с целью документального подтверждения наличия у Российской Федерации исторических прав на отдельные акватории арктических морей» [Стратегия 2013], отчего-то предусмотрено разработчиками арктической Стратегии «в целях развития науки и технологий». Хотя проведение таких исследований прямо отвечает не только обозначенным ими целям, а, в первую очередь, на основе и с использованием исторических правооснований – национальным интересам Российской Федерации.

Раздел арктической Стратегии о модернизации рыбохозяйственного комплекса в Арктической зоне Российской Федерации (всего три пункта, причем два из них, имеют в большей степени природоохранный характер, а не собственно рыбохозяйственный) несоразмерен разделу об «охране окружающей среды и обеспечения экологической безопасности».

Интересно было бы узнать, как в реальной жизни будет реализовываться положение арктической Стратегии об «эффективном использовании основных промысловых видов водных биологических ресурсов и вовлечении в промысел нетрадиционных видов» при, существующем в России, сильнейшем лоббировании (в частности, по линии РСМД) американских предложений об установлении

моратория на добычу морских биоресурсов в центральной части Северного Ледовитого океана?

Вот, как еще в 2005 г., лукаво преподносил вопросы межгосударственных отношений в Арктике, «устойчивый интернационализатор» Д.А. Додин: «Если мы принимаем установившиеся наши хорошие отношения с арктическими соседями за свершившийся факт, то реализация программы «Арктика-XXI век» потребует пересмотра целого ряда представлений об Арктике со стороны арктических государств и обществ, расширения системы особо охраняемых территорий (отчего же, именно эта, «раходнитско-консервационистская» мера стоит на первом месте при таком «пересмотре»? – *А.О.*) и, безусловно, принятия в каждой из восьми стран... специального закона о ее устойчивом развитии» [Додин 2005: 258].

Ориентация на глобальные «экологические императивы» подтверждается тем, что во втором, из только что упомянутых разделов арктической Стратегии, прежде всего подчеркивается «обеспечение сохранения биологического разнообразия арктической флоры и фауны в условиях расширения экономической деятельности и глобальных изменений климата» [Стратегия 2013]. Для этого осуществляются следующие консервационистские, по сути своей, мероприятия: развитие и расширение сети арктических особо охраняемых природных территорий и акваторий федерального значения; развитие и расширение сети арктических особо охраняемых природных территорий и акваторий федерального и регионального значения; мониторинг состояния экосистем и объектов растительного мира. Есть в этом разделе и перечень обычных, действительно необходимых для охраны природы мероприятий.

Впрочем, все это не вызывает удовлетворения и успокоенности у российских экологов. Так, Е.Н. Хмелева (WWF России) пишет: «Сеть ООПТ (особо охраняемые природные территории. – *А.О.*) в российской Арктике, фактически существующая на сегодняшний день, системой не является. Она формировалась стихийно, без учета разнообразия морских биотопов и экосистем, биогеографического (по сути экосистемного. – *А.О.*) районирования и крайне неравномерно и нерационально (*sic!* – *А.О.*) охватывает различные моря» [Хмелева 2012(а)].

В 2012 г. она (теперь Е.Н. Хмелева руководитель программы WWF России по экологическому законодательству) уже просто «бьет в набат»: «С 2000 до 2010 года российское законодательство развивалось по пути постоянной деэкологизации, т. е. изъятия положений, направленных на охрану окружающей среды и ее компонентов» [Хмелева 2012(б)]. «Недостатки российского экологического законодательства, – вторит Е.Н. Хмелевой Н.И. Хлуденева, – безусловно, препятствуют организации эффективной правовой охраны уязвимых (*sic!* – *А.О.*) экосистем Арктики» [Хлуденева 2012: 26].

Как отмечал (в сборнике под редакцией А.В. Загорского) директор Центра «Мировой океан» Морского отделения СОПС А.М. Коновалов: «Основами государственной политики Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу... определены главные цели, ключевые задачи, стратегические приоритеты и механизмы реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике... Во исполнение положений Основ в интересах

обеспечения преемственности и повышения эффективности решения приоритетных задач государственной арктической политики России Советом по изучению производительных сил Минэкономразвития России и РАН по поручению Министерства регионального развития Российской Федерации разработаны проекты Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года и Государственной программы Российской Федерации «Экономическое и социальное развитие Арктической зоны Российской Федерации» на тот же период» [Коновалов 2010: 26].

В самих документах, подобная, отмеченная А.М. Коноваловым «преемственность», однозначно прослеживается. Например, среди основных национальных интересов Российской Федерации в Арктике отмечены: «использование Арктической зоны Российской Федерации в качестве стратегической ресурсной базы Российской Федерации, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны» и, тут же, «сбережение уникальных экологических систем Арктики» [Основы 2008] (этаким экивок: мол «и нашим, и вашим»).

Надо признать, что экосистемному подходу и производной от него «методологии» КУПЗ, в России в настоящее время практически дан «зеленый свет». В феврале 2009 г. координатор партии «Единая Россия» по вопросам экологии В. Грачев заявил, что «в планировании природопользования важно использовать экосистемный подход» [Грачев 2009].

Бывший министр природных ресурсов и экологии Ю. Трутнев, комментируя для официального сайта партии «Единая Россия» работу Международного Арктического форума «Арктика – территория диалога» (организованного в 2010 г. в Москве Русским географическим обществом), в свою очередь, заявил следующее: «Арктика – это то место на планете, где человечество учится обсуждать глобальные проблемы и договариваться, а кроме того, это гигантская кладовая запасов природных ресурсов, а главное, территория, одновременно стабилизирующая состояние экосистемы планеты, и самая же в этом смысле уязвимая (*sic!* – А.О.)» [Единая 2010].

За этой квазинаучной, внедренной Соединенными Штатами в международный обиход и чутко подхваченной современными российскими политиками-флюгерами «трескотней», отчетливо проглядывают интересы природоресурсной политики и дипломатии все тех же США, их атлантических и тихоокеанских союзников и сателлитов. Примечательно, что для Ю. Трутнева вопросы об «интернационализации» Северного морского пути и развитии разведки и добычи углеводородов в Арктике, это лишь «технические проблемы, которые решаются в рамках переговоров». «Сегодня важно то, – заверяет всех Ю. Трутнев, – что мы понимаем и видим канву развития переговорного процесса в дальнейшем» [Единая 2010].

Позволим себе все-таки выразить сомнения в отношении указанного полного «понимания» и «видения» такой, упомянутой только что, «канвы». Бывшему министру Трутневу полезно было бы помнить, что человечество уже однажды «училось обсуждать глобальные проблемы и договариваться», правда, тогда еще,

без экосистемной риторики и без излишней обеспокоенности об особенной уязвимости региона (все это стало использоваться с внешнеполитическими и дальнесрочными природоресурсными целями позднее). Речь идет о южно-полярном регионе – об Антарктике. Именно внешнеполитические инициативы США привели в итоге к заключению в 1959 г. в Нью-Йорке Договора об Антарктике, а также к последующей эволюции Системы Договора об Антарктике в сторону консервационистской (сугубо природоохранной) направленности.

Сотрудники СОПС в одной из своих работ признаются, что «разработке и внедрению» в Российской Федерации КУПЗ «было уделено немалое (почти 20 лет) внимание». Однако, как считают они, и, «как показал опыт, программы КУПЗ для российских условий оказались малопримлемыми» [Теория 2009: 219, сноска 183] (такой точки зрения придерживался один из бывших руководителей СОПС Г.К. Войтоловский; один из нынешних руководителей – В. Синецкий, якобы тоже является «ярким противником» КУПЗ. – *А.О.*). Несмотря на последний тезис о «малопримлемости», программы эти, стараниями в первую очередь все тех же специалистов СОПС (при изначальной заинтересованности в таком внедрении, происходящем по линии Минэкономразвития, других внутренних и внешних, зарубежных структур), продолжают в России внедряться.

В 2004 г. участники научной конференции «Развитие морской деятельности в условиях глобализации» (конференция была организована Морским отделом СОПС, осуществляющим научное и информационно-аналитическое сопровождение Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации) «единогласно приняли» рекомендации: «Учитывая, что экологический компонент становится приоритетом в перестройке систем принятия решений на международном уровне в направлении интеграции национальных и международных секторов ГСОР (глобальной системы океанического регулирования), необходимо принять меры по адекватному отражению воздействия такого фактора».

Как же предлагают «отражать» такой фактор сопсовские специалисты? Они требуют нарастающей ориентации морской деятельности Российской Федерации на «общепринятые» международные нормы [Теория 2005(б)].

А чего стоит следующее умозаключение сотрудников СОПС, относительно того, что, для России существует «угроза изъятия в пользу мирового сообщества большей доли нашего национального суверенитета и установленных суверенных прав над морскими пространствами, чем та доля, которой придется поступиться некоторым другим странам» [Теория 2007]. Ни в одном из, без малого двух десятков остальных выпусков серии «Теория и практика морской деятельности», подготовленных в СОПС, заинтересованному читателю так и не удалось найти конкретный ответ на вопрос – почему же именно так должно произойти?!

Разве что, после проведения целенаправленной работы «некоторыми другими странами», как это было в случае с «линией Бейкера – Шеварнадзе». Правда, там России пришлось «поступиться» своими морскими пространствами и морскими природными ресурсами (биологическими и углеводородными) не в пользу эфемерного «мирового сообщества», а в пользу США.

Опираясь на глобальные категории, «стратеги-прогнозисты» СОПС считают, что многие международные процессы «происходят на фоне все большего надгосударственного управления и регулирования всемирной морской деятельностью», которая «обретает функции одного из системообразующих факторов развития глобальной политической организации миропорядка» [Теория 2008]. У сотрудников СОПС «напрашиваются» и более радикальные предложения, о том, к примеру, что «национальная и региональная океанические политики не могут разрабатываться в изоляции, но должны создаваться как части национальных стратегий развития в рамках наднационального (! – *А.О.*) управления» [Теория 2007].

Каково услышать такое «пожелание» от организации, которая осуществляет научное и информационно-аналитическое сопровождение Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации? Как неоднократно заявляли бывшие руководители этой СОПС-структуры, главная цель осуществляемых ими разработок заключается в «подготовке руководству страны, его органам и соответствующим ведомствам предложений, способствующих принятию исключительно важных стратегических решений для всех уровней управления морской деятельностью» [Теория 2003: 14].

Вообще коллективные работы СОПС, а именно выпуски серии «Теория и практика морской деятельности», производят крайне неоднозначное впечатление. Поэтому слова самих специалистов этого учреждения о том, что в XXI веке в сфере морской деятельности «будут процветать изощренные интриги и провокации» [Теория 2005(б): 198], приобретают особенное звучание и наполняются особым смыслом.

Например, в уже процитированной работе «Подходы к стратегическому прогнозированию» (руководитель авторского коллектива А.М. Коновалов) в очередной (для работ СОПС) раз предлагается предусмотреть внедрение «эффективных форм» пространственного развития морского потенциала Российской Федерации – «методологии» КУПЗ и концепции «больших морских экосистем» (ну чем не «изощренная интрига» и не «провокация» с их стороны?; но это, как говорится, «еще цветочки», а «ягодки» будут в дальнейшем, в их «кооперации» с WWF России).

В коллективных теоретических работах Морского отдела СОПС присутствуют и такие, связанные, судя по всему, с некоей «экологической эсхатологией» мотивы: «Будущее несет нам все больше невиданного и стремительно сокращается время, отпущенное человечеству для предотвращения необратимых изменений в биосфере. Если называть вещи своими именами, то это будет конец света». Что же предлагают, чтобы отодвинуть его, те, кто, согласно их же псевдодуховным претензиям, «глубже проникся сознанием страшной угрозы». В правовом смысле ничего нового. На следующей же странице снова навязчивым рефреном звучит мысль об «ускоренном комплексном освоении прибрежных зон в соответствии с представлениями об устойчивом развитии» [Теория 2007: 158–159].

Вообще, когда «мужики ученые», но откровенно дилетантствующие в духовной жизни берутся соединять науку (а то и псевдонауку) с той сферой, которая лежит за пределами научного знания, то результат, прямо скажем, получается неважный.

Например, лишь природоресурсным прозападным алармизмом веет от следующего «умозаключения»: «Теория неотвратимости природного голода при всей близости ее к Откровению Иоанна Богослова о конце света находит все больше сторонников в экономической науке» [Вылегжанин, Зиланов 2000: 9].

Не гнушаются специалисты Морского отделения СОПС, Центра «Мировой океан» и более «приземленными» концепциями, в частности, банального неомальтузианства. Как известно, еще в 1824 г. «высокопочтимый британец» Томас Мальтус высказал мысль о том, что «популяции» людей ничем не отличаются от популяций растений и животных, если им не противостоят такие «силы природы», как плохое питание, голод или болезни. Не менее известно, что Мальтус применял формулу «закона убывающего плодородия почвы». Понятно, что отсюда один шаг до теории «убывающего плодородия океана», что широко используется сегодня в спекулятивных целях [Овлащенко 2013].

К теории неомальтузианства относят: рост потребления природных ресурсов при сокращении их запасов; увеличение численности населения планеты при сокращении территорий, пригодных для проживания людей; деградацию основных компонентов биосферы и т. п. Именно поэтому в международные морские отношения все больше внедрялись тесно связанные с теорией «неомальтузианства», «рахдонитские» взгляды и течения.

Своеобразную квинтэссенцию таких взглядов и течений (правда, без явной привязки к «проблеме» суверенитета) можно было обнаружить в книге советского специалиста К.В. Ананичева. В частности, он утверждал: «Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что один из аспектов проблемы окружающей среды – это необходимость для общества рационально использовать природные ресурсы. Ошибочное, наивно-оптимистическое представление о практической неисчерпаемости природных богатств ушло в прошлое. Все чаще высказывается тревога об истощении запасов ископаемых и других природных ресурсов. Хватит ли их для удовлетворения спроса, растущего с ростом населения и ростом его потребностей? Решение этих проблем нужно считать срочным, возможным и, кроме того, реальным лишь в интернациональном аспекте» [Ананичев 1974: 26].

В этой же связи, некие «выкладки» были представлены в книге известного западного экологиста Б. Коммонера. Он писал: «Давайте начнем с извлечения благ из экосистемы. По мере того, как блага производятся и используются людьми, количество людей возрастает. Отсюда совершенно очевидно, что возросшее материальное благосостояние уменьшает смертность, а это, при условии что рождаемость тоже возрастает, приводит опять-таки к росту населения. Поскольку рост численности населения, как и других живых существ, имеет самоподдерживающийся характер, численность населения будет расти до тех пор, пока будет хватать материальных благ для обеспечения увеличивающегося населения» [Коммонер 1974: 83].

Отсюда прямо напрашивался также «совершенно очевидный», практический вывод (причем, именно в «интернациональном аспекте»): если мы не хотим продолжающегося роста численности населения в странах «третьего мира» (да и в целом в мире), надо сделать так, чтобы материальных благ не хватало. Для чего, в частности, следует поставить якобы «природоохранные», экологические

(экосистемные) «барьеры» на пути развития и осуществления природопользования в этих странах, включая его очень важный морской сегмент.

Примечательно, что «известный американский прогрессивный ученый» Б. Коммонер прекрасно видел (вполне понятно, что не только он один) и «обратную связь» в описываемых им процессах, когда обращал внимание на то, что «в свою очередь, увеличение численности населения ведет к интенсификации тех видов деятельности, которые связаны с человеком, – наука, техника, производство – и к увеличению материальных благ» [Коммонер 1974: 83].

Понимая это, собирательный «Запад-метрополия» (только, теперь уже во главе с США, а не с Великобританией) безошибочно – и, притом, вопреки русской поговорке – действительно «одним выстрелом убивал двух зайцев»: «избавлял» якобы ограниченные земные природные ресурсы от «лишних ртов», и лишал страны, в которых эти самые «лишние рты» родились и проживали, какой-либо реальной, а не показной (в рамках некоего «международного сообщества») возможности, а то и просто надежды интенсифицировать развитие своих экономик путем эффективного ресурсопользования.

В 1968 г. в журнале «*Science*» была опубликована, ставшая вскоре широко известной, написанная с «рахдонистских» позиций работа Гарета Хардина «*The Tragedy of the Commons*» (она вошла в число пяти произведений, которые американский эколог Ю. Одум «рекомендовал бы почитать каждому» [Одум 1975: 518]). В статье шла речь о «трагедии природных ресурсов, доступ к которым открыт для всех». Такой доступ, в условиях усиленно насаждаемых в западном мире, да и в мире в целом, неомальтузианских настроений (как известно, в сентябре 1965 г. в Белграде (Югославия) состоялась Вторая всемирная конференция по вопросам народонаселения) и алармистских теорий «кризиса» мировых ресурсов, действительно рассматривался западными интеллектуалами (впрочем, часто ангажированными для подведения «теоретической базы» под конкретные интересы внешней политики, в том числе, морской ресурсной политики своих стран) как «трагедия».

Наибольшее воздействие на умы людей, особенно на Западе (с его сформировавшимся «обществом потребления» и установкой на «погоню за успехом») оказали теории, в которых из всего сложнейшего комплекса взаимодействия общества и природы в качестве объекта рассматриваются все более сокращающиеся по своей доступности ресурсы природы и ограниченная по своим свойствам и «возможностям к восстановлению» природная среда, а в качестве субъекта – факторы усиливающегося антропогенного воздействия на природные ресурсы и среду. К последним, как правило, относятся увеличение численности народонаселения, экономический рост, технический прогресс.

При этом, как писали специалисты ИМЭМО, природа выступает в некоем виде «шагреновой кожи» – как способная только сокращать свои «дары» и «щедроты», а факторы воздействия на нее рассматриваются как не поддающиеся каким-либо качественным преобразованиям и в силу этого фатально, раз и навсегда противостоящие природе как разрушающее начало [Глобальная 1988: 38].

Позицию Г. Хардина довольно резко критиковал Б. Коммонер. В частности, в своей работе «*The Closing Circle*» (1971) он характеризовал такую позицию Г.

Хардина (в части, касающейся контроля над ростом населения) даже не как, некое «неомальтузианство», а, как слегка замаскированное варварство (неоварварство). Б. Коммонер считал, что хардиновская «концепция» отбросила бы большую часть жителей нашей планеты к материальному варварству, а остальную часть, «привилегированные меньшинства» (иными словами, пресловутый «золотой миллиард», который, согласно Г. Хардину, должен «опекать цивилизацию»), – к варварству моральному [Коммонер 1974: 213–214].

В этой связи не могут не вызвать удивления юридические «новации» российского исследователя В.Д. Писарева, не являющегося по своей основной научной специальности юристом-международником. Так, он пишет о том, что биосфера «находится в совместном пользовании всего человечества и является его общим достоянием». Но, добавим от себя, как биосфера не была объявлена «общим достоянием», так и «человечество» не является субъектом современного международного права. Точно так же не является таким «достоянием» так называемая «несущая емкость Земли», и, опять же, никакое «мировое сообщество» конечно же не является, согласно В.Д. Писареву, «единственным правомочным субъектом» упомянутой «емкости». Современное международное право такого «субъекта» не знает, «он» неизвестен ему.

Что касается отмеченной «емкости», в свою очередь широко рекламируемой сегодня в социальных науках В.Д. Писаревым (последний отмечал, что заслуги в разработке этой концепции принадлежат в первую очередь российским специалистам), то, можно вспомнить, как отзывались о ней еще в конце 80-х годов все те же специалисты ИМЭМО. Во-первых, они считали, что в этой концепции как бы слиты воедино две темы: об ограниченных возможностях природы обеспечивать средствами к существованию растущее по своей численности население и об аграрном перенаселении. Но, именно это доказывает, что она лишь повторяет старые вульгарные идеи, возникшие еще в феодальный период [Глобальная 1988: 56] (как видно, подобное «рахдонитство» живуче и, по-своему, «эволюционирует»). Концепция глобальной «несущей способности Земли» была – теперь уже с использованием «биосферно-экосистемного» подхода – приспособлена под конкретные внешнеполитические нужды США.

Специалисты ИМЭМО писали : «Ряд американских правительственных ведомств в специальном докладе, подготовленном для президента (*The Global 2000 Report to the President: Entering the Twenty-First Century. Vol. I. Washington, 1980. – A.O.*), предложили несколько измененную версию экологического мальтузианства. Применяя понятие «несущая способность территории» (которое является одним из инструментов в экономико-географическом анализе проблем обустройства и планировки территории) в глобальном масштабе, авторы этого доклада приходят к выводу о том, что из-за быстрого роста численности населения мира происходит сокращение «несущей способности Земли», т. е. способности биологических систем обеспечивать ресурсы для удовлетворения растущих человеческих потребностей.

...Однако с позиций научного подхода абсолютно несостоятельны воззрения представителей экологического мальтузианства, в соответствии с которыми человек рассматривается лишь как потребитель ресурсов природы, носитель

разрушающего природу начала. На самом же деле человек – это прежде всего созидатель. В системе современного общественного производства он обладает постоянно растущим потенциалом наращивать богатство природы и даже – в более широком плане – повышать уровень ее организации» [Глобальная 1988: 53].

Не может не обратить на себя внимания следующий факт: состояние промысловых запасов морских биологических ресурсов стало «волновать» (и под это была подведена якобы научная, «биосферно-равновесная», «экосистемная база») Запад накануне и, особенно, в период распада британской колониальной империи. Самостоятельные страны Азии, Африки и Латинской Америки (причем в качестве самостоятельных же «едоков») отнюдь не устраивали будущий «золотой миллиард» – Великобританию, ее преемника на мировое господство – США, а также собирательный «атлантический Запад» в целом.

Выказывая якобы «заботу» (на самом деле пребывая на «рахдонитских» и неомальтузианских позициях) разработчики Конвенции о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря (Женева, 1958) писали в Преамбуле этого международного договора: «Государства – стороны настоящей Конвенции, считая, что развитие современных методов эксплуатации морских живых ресурсов, повысив способность человека удовлетворять нужды в продуктах питания возрастающего мирового населения, поставило некоторые из этих ресурсов под угрозу чрезмерной эксплуатации...». Действительно, вести речь, да и то, в очень ограниченных рамках, можно только лишь о «некоторых из этих ресурсов». Вообще, в основе этой конвенции находится ложный посыл. Впрочем, этот же посыл свойственен для всех «рахдонитских всхлипываний» по поводу «стремительно сокращающихся», а то, и «находящихся под угрозой» мировых рыбных запасов [Овлащенко 2013].

Как известно, к числу промысловых объектов Мирового океана принадлежит только очень небольшая часть водных растений и животных. Этим в значительной мере объясняется тот факт, что, к началу 70-х годов, они составляли всего 1% в пище людей (по белку 13%), хотя биологическая продукция гидросферы только в 3 раза меньше, чем суши [Константинов 1972: 367].

Так что же, тогда напугало сторонников неомальтузианства и «сохранения морского биоразнообразия»?

Очевидно, им вряд ли внушали оптимизм следующие цифры: развивающиеся страны на 30–40% удовлетворяют свои потребности в животном белке за счет биоресурсов Мирового океана, в то время как экономически развитые страны – на 10% [Нестеров 1977: 58]. Иными словами, население этих стран «выведало» морские биоресурсы потенциально принадлежащие «золотому миллиарду», его «будущим поколениям». Кроме того, животный белок, в том числе белок морской рыбы, является важным для репродуктивной функции человека. А это значит, что снижая потребления рыбного белка у остальной части человечества, можно в определенной (негативной) степени влиять и на численность населения земного шара.

Известные западные эоалармисты и неомальтузианцы Дж. Холдрен и П. Эрлих писали, что «исчезновение вида или даже сужение генетического разнообразия внутри вида – невозместимая потеря потенциальной возможности

улучшить благосостояние человека» [Холдрен, Эрлих 1974: 18]. Лицемерно заботясь якобы о «благосостоянии человека» (на самом деле «золотого миллиарда» и его «будущих поколений») они, таким образом прокладывали путь концепциям консервации мировых природных ресурсов.

Стоя, по сути, на позициях радикального, человеконенавистнического расизма, «профессор биологии» Стэнфордского университета Пол Эрлих (1971) в своих работах, исходя из закономерностей популяционной биологии, рассматривал демографические тенденции в качестве «независимых переменных» в системе общественных связей. По его мнению, взрыв «популяции человека» представляет собой главный фактор деградации природы и соответственно должен стать основным объектом регулирования при проведении экологической политики (в первую очередь методом искусственного сокращения рождаемости с помощью стерилизации населения). В связи с такими построениями советскими специалистами считали, что в западной науке выявилось направление, которое можно было бы охарактеризовать как «экологическое мальтузианство» [Глобальная 1988: 53].

Сегодняшние российские преемники подобных подходов, сторонники, только теперь уже, не коммунистических, а неких «общегуманитарных идей», усиленно говорят о «смене мировоззрения»: установлении и следовании «новым нравственным принципам по отношению к природной среде и ресурсам». Они же призывают к новой – «нравственной» – мотивации поведения человека [Котляков, Тишков 2009: 964]. Правда, в чем же заключается такая «новая нравственность» (в другом случае «новая этика») эти авторы-гуманисты не уточняют.

Интересно, что на словах «борясь» с неомальтузианством, советские авторы могли вполне всерьез утверждать то, что, «если во имя счастья на земле появится необходимость положить предел численному росту человечества, то, как писал Ф. Энгельс, именно коммунистическое общество сможет выполнить это без затруднений» [Гузеватый 1967: 98].

Не без удовольствия цитировали эти же авторы западных специалистов-неомальтузианцев. Так, советские географы со ссылкой на работу Б. Джонсона (1974) писали: «Проводимые в последние десятилетия тщательные (*sic!* – *A.O.*) экологические исследования показывают, что «предел демографического насыщения» может наступить гораздо раньше, чем это представляется сейчас некоторым политическим деятелям». Причем аргументация при этом приводилась якобы вполне «естественнонаучная», а именно, что «тропические экосистемы обычно хрупки (впрочем, как и арктические, антарктические и пр. – *A.O.*) и гораздо менее пригодны для эксплуатации, чем экосистемы средних широт» [Развивающиеся 1974: 34].

Но, не только тоталитарные нигилистические режимы, подобные советскому, предпринимали безжалостное «переобучение» своего народа, считая такое «переобучение» важнейшей частью своей программы. На якобы «плюралистическом» Западе раздавались фактически аналогичные голоса. Так, Ю. Одум со ссылкой на Линн Уайт (1967) писал, что в современном кризисе природной среды сыграла отрицательную роль «религиозная догма», противопоставляющая человека природе [Одум 1975: 51]. На взгляд самого Ю. Одума, вся его книга «*Fundamentals of Ecology*» (1971) в большей или меньшей

степени была посвящена «экологии человека». Этот американский специалист считал, что концептуально новыми и не разработанными еще даже теоретически, являются способы применения законов экологии к управлению «популяцией человека», как частью самоподдерживающейся системы – биосферы [Одум 1975: 519].

И тут, западный «гуманитарный плюрализм» и атеистическая идеология создаваемой «коммунистической формации», просто-таки нашли друг друга.

Поэтому «в духе» все того же банального неомальтузианства («помноженного» на откровенный экоалармизм), звучат сегодняшние прогнозы специалистов Центра «Мировой океан» СОПС: «Использование биосферы уже сейчас подходит к критической точке, что во многом обусловлено дефицитом природных ресурсов и связанной с ним нагрузкой на экосистему при росте народонаселения» [Россия 2012]. Подражая известным «Пределам роста» Римского клуба, сопсовские «стратеги-прогнозисты» пророчествуют: «Как следствие к 2050 году в полной мере проявятся ограничения ресурсного, экологического и демографического планов». Добавление в этот небогатый перечень «экологических ограничений» говорить лишь, об отмеченной выше трансформации банального неомальтузианство в его ультрасовременную, «экологическую форму».

Интересно, что, чтобы прийти к таким «весомым» и, что самое главное, «новым» прогнозным выводам, потребовалось проведение нескольких круглых столов «с широким представительством постоянных партнеров СОПС – ведущих российских академических и научных организаций (ИМЭМО РАН, Института Европы РАН, МГИМО (У) МИД России, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дипломатической академии МИД России и др.)» [Россия 2012]. Похоже, что «гора родила мышь»...

Есть у этих экологических неомальтузианцев и авторитетные примеры на Западе. Так, принц Чарльз в своем «видеопослании» в адрес «Сифуд саммита – 2011» (Ванкувер, Канада), прошедшего под симптоматичным лозунгом «Ответственность без границ», призвал объединить усилия властей и ученых, представителей бизнеса и неправительственных организаций для сохранения богатств океана «с учетом стремительного роста населения Земли» [Рыболовство 2011]. И такой призыв конечно же был услышан...

При обсуждении «Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации» сотрудниками Минэкономразвития и СОПС высказывались мнения, что экосистемные принципы должны «пронизывать» разрабатываемую Стратегию. Одновременно предлагалось активно использовать «методологию КУПЗ», «экосистемный менеджмент». Как о практических шагах, говорилось о необходимости предусмотреть в Стратегии (фактически, в противовес «Морской доктрине Российской Федерации на период до 2020 г.») нормативное закрепление практики разработки и реализации программ КУПЗ для конкретных побережий субъектов Российской Федерации.

Кроме того, высказывались настойчивые пожелания о необходимости при разработке Стратегии «опираться на такие основные принципы морской политики (чьей? – *А.О.*), как экосистемный подход, рассматривающий морскую среду как

единое целое, а происходящие в ней процессы во взаимосвязи, адаптивный менеджмент, совместное участие, ...предосторожность, принятие предупредительных действий, сохранение биоразнообразия и др.» [Михайличенко 2008].

Очевидно специалисты Минэкономразвития и СОПС мечтают, чтобы в России повторилась североамериканская ситуация, когда новый порядок управления береговой зоной был воспринят прибрежными штатами США «с энтузиазмом», и уже к 1980 г. все они разработали свои планы КУПЗ. Однако как отмечал один из российских специалистов-экологов С.А. Боголюбов, «пересадка заморских систем на нашей почве может дать совсем не те всходы, на которые рассчитывает сеятель-законодатель» [Краснова 1992: 5]. Однако в данном, конкретном случае, чудес ждать не надо и «всходы» будут именно те, которые ожидаются в отношении России за океаном...

Кстати, у самих сопсовских специалистов присутствует порой совершенно трезвое понимание происходящих событий. Например, П.А. Гудев пишет о том, что среди преследуемых целей внедрения в практику других стран «методологии» КУПЗ, «можно выделить не только (по нашему мнению «не столько», – А.О.) заботу об экологии, но и формирование экономических моделей развития того или иного региона адаптированных для применения принципов наднационального управления» [Гудев 2008].

Еще раз напомним, что уже более чем десять лет назад, российским специалистом было обращено внимание на то, что для США использование «объективного фактора» экологической взаимозависимости в сочетании с подключением к освоению Мирового океана национального экономического, научного, технологического и человеческого капитала положено в основу их курса на целенаправленное формирование отвечающих американским интересам международного подхода и международных условий использования пространственного и экономического потенциала океана и поддержания его функций как стабилизатора устойчивости «глобальной биосферы». С помощью такой политики США рассчитывают не только сохранить лидирующие позиции в межгосударственной конкуренции за освоение ограниченного потенциала Мирового океана, но и получить возможность решения тех стратегических задач, которые были для них неразрешимы в эпоху силового противостояния периода холодной войны. Это, в частности, касается сужения сферы применимости и сокращения эффективности использования американскими оппонентами концепции национального суверенитета, а также обретения Соединенными Штатами новых рычагов воздействия на внешнюю и внутреннюю политику других стран, включая Россию [Писарев 2000: 40–41].

«В прибрежных водах России, – пишут, однако специалисты СОПС, – важнейшим способом регулирования морской деятельности, включая рационализацию использования территориальных и акваториальных ресурсов этих зон, может стать комплексное управление прибрежными зонами. ...В основу зарубежных правовых концепций управления прибрежными зонами положен ряд уже апробированных принципов, являющихся ключевыми для экологической политики вообще и находящихся в русле идеи устойчивого развития. Это –

экосистемный подход, принципы предотвращения ущерба окружающей среде и предосторожности, ответственности за вред окружающей среде. ...Применение указанных принципов и действующих на их основе правовых инструментов возможно и, более того, необходимо в России» [Теория 2004: 88–90].

В организационном плане – применительно к «пересадке» на российскую почву КУПЗ – иногда создается впечатление, что в СОПС, «правая рука не значит, что делает левая»; либо, знает, но не отдает себе отчета в том, что же на самом деле происходит. Более же реальное объяснение – знает, прекрасно отдает себе отчет, но, сознательно запутывает ситуацию, чтобы в случае неблагоприятного (для СОПС) «вектора определяющего» быть в стороне, и оказаться, что называется, не при чем. Вот, например, что можно узнать из мемуаров одного из бывших руководителей СОПС Г.К. Войтоловского.

Он сообщает, что в 2007 г., у СОПС основные «коллизии» возникали с аппаратом Минэкономразвития России при обсуждении «наметок» на 2008–2012 гг. Непонимание особенно усилилось после того, как выяснилось, что государственный заказчик в лице все того же Минэкономразвития, исключил тематику разработок в которых был заинтересован (в первую очередь в финансовом плане) СОПС, а все финансирование было расписано на обеспечение «естественно-научной проблематики», законченной еще в 2007 г.

Обосновывая правоту своей позиции Г.К. Войтоловский писал: «Вот почему в Постановлении Правительства РФ № 731 от 30 сентября 2008 г., подготовленном в Минэкономразвития России (т. е., все там же. – А.О.) и корректирующем действующую ФЦП «Мировой океан» на III этапе ее реализации, утвержден в том числе и Паспорт мероприятий Государственного заказчика-координатора этой Программы, в котором в числе первоочередных задач отмечены такие, как: «Разработка эффективной системы оценки и учета потенциала развития прибрежных территорий при формировании федеральных и региональных программ»; «Разработка концепции комплексного развития и управления наиболее освоенными и перспективными прибрежными зонами страны».

Но ведь речь, в последнем случае, идет как раз о КУПЗ. Почему «но» и «как раз»? Да потому что, на следующей же странице своей книги Г.К. Войтоловский пишет следующее: «Тень на плетень наводили (так он обозначил «изъятие» чиновниками Минэкономразвития упомянутой, сокращенной тематики исследований СОПС. – А.О.) те же люди, которые уже способствовали тому, что ранее несколько НИИ, занимающихся исследованиями природных явлений, полтора десятка лет финансировались под разработку методологии комплексного управления прибрежными зонами (КУПЗ) и подготовку бессмысленного (*sic!* – А.О.) проекта соответствующего законодательного акта. Эти попытки адаптации зарубежной практики КУПЗ, малоприемлемой для российских масштабов, закончились ничем и, по сути, были прекращены только на втором этапе реализации ФЦП «Мировой океан» [Войтоловский 2009: 321–323].

Позвольте, но разве это не сотрудник СОПС А.Н. Вылегжанин еще в 2004 г. отмечал (как было уже показано выше), что «сводному закону (тоже «бессмысленному»? – А.О.) России, который станет результатом кодификации отечественного права в области управления морской деятельностью, уготовлено...

сопровождаться юридическими новациями». Причем, в качестве такой «новации», А.Н. Вылегжаниным было уготовлено «комплексное управление приморскими районами суши России и примыкающими к ним районами моря» [Вылегжанин 2004:62], иными словами КУПЗ.

«Правая рука не знает, что делает левая»..?

Конечно, ни на втором, отмеченном Г.К. Войтоловским, ни на других «этапах» такие попытки прекращены не были (разве что, формально, для видимости) и, очевидно, не будут прекращены и впредь, причем не только в рамках каких-бы то ни было «программ». Да ведь, по большому счету, и недовольство Г.К. Войтоловского объясняется очень просто: «лакомый кусок» тематики КУПЗ на протяжении полутора десятка лет доставался не СОПС, а неким НИИ (впрочем, вполне известным), занимающимся исследованиями «природных явлений».

В некоторых коллективных выпусках «Теория и практика морской деятельности», изданных под эгидой СОПС, проскальзывает – то «удивление», то «недоумение» по поводу иницилируемой Минэкономразвития «КУПЗовской» тематики, но не более. Да и понятно: ведь не будешь «рубить сук, на котором сам сидишь». Не будет руководство СОПС, его морского отделения, своими собственными руками прерывать потоки государственно-бюджетного финансирования (а теперь и «институциональной поддержки» со стороны зарубежных фондов, в частности, «международного природоохранного фонда Пью»).

Другое дело, как отразятся внедряемые западные (но, на российские деньги и российскими же специалистами; и здесь опять невольно вспоминается, вполголоса озвученный З. Бжезинским тезис о том, что «Россия будет демонтирована на собственные деньги». – А.О.) подходы на морехозяйственной деятельности России?

В своей книге Г.К. Войтоловский обращал внимание читателя на «необходимость весьма критической оценки нормотворческих инициатив ведомств, влияющих на развитие отечественного морепользования, тем более столь значимых в жизнедеятельности нашей страны, таких как МИД и МПР (Министерство природных ресурсов. – А.О.)». В частности, он упоминал «происходящее по их инициативе устремление к «интернационализации» российской части арктического сектора, установленного Президиумом ЦИК СССР еще в 1926 г.». Такое поведение указанных ведомств, согласно Г.К. Войтоловскому, «на руку только организаторам и дирижерам глобализации» [Войтоловский 2009: 469].

Как видно, у руководителей СОПС все-таки было понимание того, что «международные отношения по поводу перспективного морепользования... стали принимать антироссийскую направленность» [Войтоловский 2009: 504]. «Необходимо..., – делал вывод Г.К. Войтоловский, – превентивно разрушать любые операции, нацеленные на снижение глобальной конкурентоспособности нашего государства и основных для его экономики отраслей и хозяйствующих субъектов» [Войтоловский 2009: 470]. Хорошо, если бы такие правильные слова не расходились с практическими делами, в первую очередь, в деятельности самого СОПС, его руководства...

«...В условиях глобализирующегося мира, – утверждал в то же время Г.К. Войтоловский, – национальная безопасность обретает новые грани и все дальше расходитсЯ с понятием обороноспособности страны».

Позволим себе, в свою очередь утверждать, что подобный тезис был корреспондирован прямо из-за океана (для внутренних «заокеанских» нужд этот «рецепт» не используется). Но СОПСу (естественно, что в связке с Минэкономразвития) это позволяет, очевидно «с чистой совестью», проводить программу и мероприятия по внедрению «методологии» КУПЗ в Мурманской области, а таперь практически во всей Арктической зоне Российской Федерации. А в более широком аспекте усиленно экологизировать российское морепользование – посредством внедрения «экосистемного подхода», той же «методологии» КУПЗ и пр.

В свое время, в основу американского Закона об управлении прибрежной зоной (1972) легла широкая программа, фундаментом которой – следует обратить на это особое внимание – стало правовое регулирование по использованию земельных ресурсов в границах прибрежной зоны. Участие штатов в программе предполагалось на принципе добровольности (в разработанных сегодня СОПС программных «морских» и «арктических» документах, о такой «добровольности» применительно к субъектам федерации России, говорить уже достаточно сложно). Однако если штат решал присоединиться к этой программе, то он был обязан принять соответствующее законодательство в области регулирования землепользования, которое отвечало требованиям федерального законодательства. Только в этом случае штатам предоставлялась финансовая помощь со стороны федерального правительства, предусмотренная Законом об управлении прибрежной зоной.

Обратим внимание, что здесь отчетливо прослеживаются аналогии из области современных международных морских отношений: начинает развивающееся государство реализовывать у себя программу КУПЗ – получает «финансовую и техническую помощь» от США или ЮНЕП («пути назад», соответственно, уже нет).

Поэтому-то в ряде ранее опубликованных, наших с профессором И.Ф. Покровским работ, уже обращалось особое внимание на проникнутую эклектизмом, а то, и, просто деструктивную позицию СОПС (с непосредственной подачи Минэкономразвития) при решении важных теоретических и прикладных вопросов. Подчеркнем еще раз, что в первую очередь это касается «усилий» этого учреждения по инкорпорированию в документы, которые определяют основы морской политики и стратегии России, а также в ее морское законодательство – «экосистемного подхода» и положений «методологии» КУПЗ. Теперь, это в полной мере относится и к разработанным в недрах СОПС «арктическим документам».

В целом же специалисты разных профилей и обслуживающие их юристы-международники Совета по изучению производительных сил (СОПС) Минэкономразвития России и РАН, разрабатывавшие рассмотренные выше документы по морской и арктической политике и стратегии России – инкорпорируя в данные документы «экосистемный подход», «методологию» КУПЗ, «инструментарий» морского пространственного планирования –

рассчитывают очевидно подобными действиями (используя неосмотрительное признание их же «предтеч» и наставников) «гарантировать разработку таких стратегий управления, которые станут скорее источником проблем, чем их решениями» [Экологические 1981: 163].

5. Арктические инициативы WWF России: «Гладка шерстка, да коготок остер»

And last but certainly not least

До 60-х годов прошлого столетия «интернациональные связи» осуществлявшиеся национальными (НПО) и международными неправительственными организациями (МНПО) были направлены на «охрану природы» в традиционном ее понимании. В 60-е годы проблема охраны природы начинает принимать «глобальный характер» [Международные 1990: 4–5].

Проводимый в США Институтом Гэллага опрос общественного мнения дал следующие результаты. В распространенных анкетах было предложено выбрать из 10 актуальных проблем три наиболее важных, которым правительство США должно уделить максимум внимания. В 1965 г. только 17% опрошенных поддержали природоохранные мероприятия правительства, что соответствовало 9-му месту в общем списке. В 1970 г. число защитников окружающей среды из опрошенных утроилось, и эта проблема заняла 2-е место в общем списке [Экологические 1984: 86–87].

В литературе, еще в 80-е годы утверждалось, что деятельность НПО и МНПО выражают «общественное мнение» и, что, дескать, МНПО способны наилучшим образом выразить, некие «очищенные» от политических факторов природоохранные интересы «мировой общественности» [Тимошенко 1986: 129]. Иллюзорность такой, усиленно внедряемой и сегодня точки зрения очевидна.

На самом деле, в случае только что приведенной на конкретном примере социологических данных эволюция, вполне объяснима, поскольку президент США Р. Никсон предпринял в январе 1970 г. крупную пропагандистскую кампанию за «чистоту природы». К началу 1972 г. в США действовало уже свыше 3100 групп общественности, в той или иной форме выступающих за «защиту» природы и окружающей среды [Экология 1972: 50].

Соответственно, не обошли «общественные экопроцессы» стороной и Советский Союз, конечно в несоизмеримо меньшем масштабе и в иных организационных формах. Например, объединение дружин в единое всесоюзное Движение дружин по охране природы (ДДОП) произошло на состоявшемся в 1972 г. в Москве Первом всесоюзном семинаре молодежных природоохранных организаций. Так, считает российский социолог И.А. Халий, в недрах тоталитаризма зародилось уникальное движение, положившее начало российскому экологическому движению и создавшее базу (кадровую, организационную, идейную, ценностную, методологическую) для его дальнейшего развития [Халий 2008: 131] (вполне понятно, что уже на этой фазе за этими процессами внимательно следили из-за рубежа).

Российские авторы пишут, что начало 70-х гг. для США, а затем и для всего мира ознаменовалось началом «эпохи нового мышления», осознания «ответственности человека за все живое на земле». Они считают, что «экологическая безопасность становится выражением общественного сознания,

атрибутом нового мышления (в «горбачевском» понимании? – *А.О.*), одним из важнейших направлений внутренней и внешней политики» [Кондратьев, Данилов-Данильян, Донченко, Лосев 1993: 215].

Ну, а российский интеллигент, как это уже неоднократно бывало в истории, и здесь идет «впереди планеты всей». Например, можно узнать, что «русский мыслитель» Н.Н. Моисеев выработал некую, «русскую школу экологического, или планетарного, мышления». А, по мнению одного из «зачинателей развития экологического знания в России» Н.Ф. Реймерса, современная экология (а точнее, мегаэкология, «большая экология») является мировоззренческой и методологической основой знания и образования. Иными словами, экология – надпроблемна.

Это хорошо понимают и современные немецкие авторы (*K.-W. Brand, F. Reusswig*) считающие, что существуют две сферы человеческого сознания, которые представляют интерес в «институциональном контексте». С одной стороны, человеческий разум является определяющим в отношении человека к природе и должен учитываться в рамках институционального исследования с целью выработки «надлежащих способов воздействия» на него (разум). С другой стороны, человеческое сознание является политической основой для институтов, и те, в свою очередь, должны его учитывать, чтобы «иметь легитимную основу и получить определенные полномочия».

К.-В. Бранд и Ф. Ройсвиг исследуют социальные предпосылки успешной институционализации глобального управления в сфере экологии. Они описывают то, как институты «встроены» в различные общества. С тем чтобы решение данными институтами проблем было эффективным, они должны учитывать структуру интересов и власти в обществе; суть принимаемого решения должна соотноситься с основными культурными ценностями, а базовые гипотезы, включающие в себя решение, должны соответствовать «сюжетам», распространенным в обществе. В случае их «переориентации» на область рационального использования природных ресурсов человеческое сознание и его представление о рисках должно учитывать глобальность экологических проблем с тем, чтобы структура интересов и власти, а также социальные ценности и представления приобрели «зеленый» характер.

Авторы заявляют, что осознание этого действительно существует, но сохранение его будет зависеть «от развития современной жизни». Нужного эффекта, пишут они, можно добиться, используя «определенные структуры и агенства». Среди ключевых субъектов, выступающих в качестве ведущей силы в «озеленении» человеческого общества, эти авторы (не затрагивая сферу бизнеса и информации) особо выделяют «транснациональное гражданское общество в лице неправительственных организаций». Осознавая недостатки НПО и МНПО, авторы тем не менее настаивают на том, что именно они закладывают фундамент для создания действительно «глобального сообщества» [Винтер 2006: 37].

Экологизация международных отношений осуществлялась за счет привлечения к этой теме все большего количества НПО и МНПО. На международные экологические мероприятия к началу 90-х годов оказывали влияние около десяти наиболее авторитетных МНПО. В Найробийской декларации

1982 г. было отмечено, что «неправительственным организациям принадлежит особенно важная и часто инициативная роль в этой области».

По приведенному уже выше, меткому замечанию английского исследователя Ф. Сэндса, в течение десятилетия – 1980-х годов – экологические НПО «из мелких, национальных и скудно финансируемых стали крупными, международными и с хорошими фондами». Изучив потенциальные возможности «творческого использования» в своих целях национальных правовых систем, НПО и МНПО обратились к «творческому использованию» международной правовой системы как средству достижения «глобальных природоохранных целей».

Например, Международный союз охраны природы и природных ресурсов совместно с Всемирным фондом диких животных (*World Wildlife Fund*) – в настоящее время Всемирный фонд природы (*World Wide Fund For Nature, WWF*; среди участников этой, созданной в 1961 г. организации, более 5 миллионов «постоянных спонсоров и ассоциаций пяти континентов»; среди целей и основной деятельности: «помощь в построении будущего с гармоничным сосуществованием человека и природы» (т. е. цель, если только сознательно не заниматься социальной демагогией, априори недостижимая. – *А.О.*); сохранение разнообразия (генетического, видового и экосистемного); обеспечение устойчивой модели использования возобновляемых природных ресурсов) представил в 1980 г. документ «Всемирная стратегия охраны природы», не имеющий прямого регулирующего действия, однако «содержащий некоторые правовые идеи и указывающий перспективные направления межгосударственного природоохранительного сотрудничества».

«Торжественное оглашение» его в более чем 30 государствах всех континентов с участием представителей правительств, как полагает А.С. Тимошенко, свидетельствует о политическом влиянии подобных документов на деятельность государств в области охраны окружающей среды [Тимошенко 1986: 39]. Международный союз охраны природы и природных ресурсов также совместно с Всемирным фондом диких животных выступил с «международной инициативой» по комплексной программе морской среды «Моря должны жить».

Те, из западных экологических МНПО, которые достигли относительно крупных размеров, имеют особенно богатые источники финансирования. В качестве примера Ф. Сэндс привел МНПО «Гринпис Интернэшнл», имевшую в 1990 году целую сеть национальных отделений более чем в 20 странах, включая Советский Союз, более 4 млн. членов и годовой бюджет, превосходящий 40 млн. долларов. Эта МНПО активно участвовала в 80-х годах в переговорах практически по всем международным договорам по экологическим вопросам. Например, по Венской конвенции об озоновом слое, Монреальском протоколе об озоне к Базельской конвенции о контроле за трансграничным перемещением опасных отходов и их уничтожением. «Гринпис Интернэшнл» добилась запрещения коммерческой добычи китов (по Международной конвенции о китах) и полного запрещения захоронения радиоактивных отходов в море (по Лондонской конвенции о захоронениях).

Среди других крупных МНПО Ф. Сэндс выделял «Друзья Земли Интернэшнл» и WWF. По словам Ф. Сэндса они также «хорошо развиты и имеют

солидные фонды». «Фактически, – пишет Ф. Сэндс, – эти МНПО часто имеют в своем штате или приглашают в качестве консультантов больше юристов-международников, чем юридические отделы многих правительств». Не следует также забывать, подчеркивает Ф. Сэндс, что все эти организации имеют многомиллионные бюджеты, значительная доля которых идет «на прогрессивное развитие международного природоохранительного права» [Сэндс 1992: 231].

Ф. Сэндс считает, что деятельность МНПО осуществляется «путем влияния на направления политики и правотворчества». Такое влияние, и тут мнение Ф. Сэндса фактически совпадает с точкой зрения А. Феррару, осуществляется в том числе и «через личные контакты». Ф. Сэндс в связи с этим приводит два примера: первый, связанный с ведомством Ж. Аттали (советника президента Франции Ф. Миттерана) и второй, связанный с президентом Чехии В. Гавелом.

Современные российские социологи, отмечают как отличительную черту российских экологических НПО и движений, решение их лидерами возникающих проблем с помощью личных знакомств и неофициальных отношений [Давыдова, Усачева 2009: 59]. В целях повышения эффективности своей работы экологические НПО создают межорганизационные структуры, сети коммуникаций, объединяющие внутри себя различных акторов. В данном случае преобладают инструментальные связи (сделки), касающиеся сразу нескольких групп акторов, деятельность которых направлена на достижение коллективных целей. Таким образом, сети взаимодействия внутри экологических НПО начинают носить многослойный характер, зачастую без резко выраженной иерархии акторов, где есть система «ядер» и размытая «периферия». Такая полицентричность более функциональна, так как она менее подвержена внешним воздействиям и ускоряет процессы взаимообмена ресурсами.

В любом случае, делает в своей работе вывод Ф. Сэндс, природоохранительные МНПО и НПО «становятся все более изощренными (обратим внимание, что сказано это было еще в самом начале 90-х годов прошлого века; с того времени подобная «эволюция» конечно же не стояла на месте. – *А.О.*) и прибегают к нормам... права для достижения своих... целей» [Сэндс 1992: 234].

Как отмечалось в докладе председателя Группы Генерального секретаря в составе видных деятелей для рассмотрения взаимосвязи между ООН и гражданским обществом Э. Кардозу, «этот непрекращающийся процесс формирования космополитического права является крупным шагом к созданию мирового порядка, основанного не на неоспоримой воле суверенных государств, а на общепринятых гражданских принципах и нормах». Обеспокоенность благосостоянием будущих поколений, как считает цитирующая эти слова мондиалистствующего председателя Н.А. Васильева, нашедшая свое выражение в понятии «наше общее будущее», – еще одно мощное проявление этой приверженности универсальным ценностям [Васильева 2008: 157].

Следует отметить, что именно экологические организации одними из первых стали использовать Интернет-ресурсы и другие новейшие технологии, опередив в этом многие коммерческие, политические и научные структуры. «Гринпис» уже в 1983 г. связал свои офисы, разбросанные по всему земному шару, электронной

почтой, что привело к существенным изменениям и новой фазе развития экологических МНПО.

Вот некоторые мысли относительно перспектив деятельности НПО и МНПО, высказанные специалистами СОПС П.А. Гудевым и Г.Е. Гиголаевым. Сама стратегия «устойчивого развития» предполагает в качестве основы постоянное согласование политического, экономического и экологического компонентов такого развития. Следовательно, речь идет о перманентном процессе согласования позиций и мнений по вопросам изучения и освоения Мирового океана. Кроме того, в рамках концепции «устойчивого развития» такие условные и весьма абстрактные понятия как «гражданское общество», «демократические институты» и т. д. стали рассматриваться в качестве «равноправных партнеров» правительственных организаций в международной системе принятия решений в области освоения Мирового океана. В рамках глобальной стратегии так называемого «соуправления океанической деятельностью» предполагается активное привлечение НПО и МНПО, «частного сектора» и деловых кругов, всего «гражданского общества» в целом, которые наряду с национальными правительствами будут решать судьбу Мирового океана.

Как считают эти специалисты, опасность данного явления заключается в том, что отдельным государствам будут навязываться все большие и непосильные для них обязательства по отношению к соблюдению экологических требований. Негосударственные «субъекты» международных отношений станут претендовать на ту часть государственных функций, которые до этого принадлежали национальным правительствам: речь идет о контроле за выловом рыбы, об экологической экспертизе проектов освоения углеводородов, о контроле за маршрутами судоходства и безопасностью научных исследований, об ограничении развития новых направлений морехозяйственной деятельности (добыча газогидратов) и пр. [Теория 2009: 254–255].

В другой, также подготовленной в СОПС работе отмечено, что существуют международные объединения (например, такие как ЕС, Арктический Совет, Глобальный экологический фонд), которые не только активно участвуют в «целенаправлении» и создании условий «мирового устойчивого развития», но и «оказывают, хотя и не прямое, но весьма ощутимое давление – через участие неформальных неправительственных объединений гражданского общества – на государства, которые выпадают из общей линии мирового развития, диктуемой как императивами глобализации, так и теми силами, которые их формируют» [Теория 2004: 74].

Одним из наиболее показательных примеров деятельности МНПО в сфере международных морских отношений и морского приропопользования, всемерной экологизации последних, стала деятельность Всемирного фонда природы (WWF).

Вездесущая «панда» (с 1986 г. символ WWF) со своим пропагандистским девизом-слоганом «*for a living planet*» (одновременно являющимся «*Registered Trademarks*» этой МНПО) в области китобойного промысла, например, преследует цель, согласно заявлениям самой WWF, «обеспечить сохранение жизнеспособных популяций китообразных в границах их исторических ареалов и их роли в поддержании целостности океанических экосистем». WWF продолжает выступать

против коммерческого (промышленного) китобойного промысла «в настоящий момент и до тех пор пока не произойдет полного восстановления китовых стад, и до тех пор, пока правительства всего мира не обеспечат полный международный контроль китобойного промысла на основании упреждающих подходов к управлению, основанных на принципах природосбережения, и полного взаимного соответствия систем управления (т. е., фактически, единой системы управления. – *А.О.*), принятых всеми использующими ресурсы китообразных странами».

Свою позицию Всемирный фонд природы высказал на 61-й встрече Международной комиссии по китам и китобойному промыслу (МКК) (Мадейра, Португалия, 2009): «Мы считаем намного более предпочтительным и потенциально более полезным для сохранения ресурсов китообразных, если бы МКК уже сейчас приняла международно признанные принципы экосистемных подходов к управлению». Подчеркивая, что «доверие» (со стороны *WWF?* – *А.О.*) к МКК, «в значительной мере утраченное в последние десятилетия», будет в значительной степени восстановлено в результате активно поддерживаемым *WWF* усилиям «государств-сторон МКК, научного комитета МКК и природоохранного комитета МКК по поиску научно-обоснованных решений этих проблем», эта МНПО одновременно призывает МКК «увеличить объемы финансовых и политических ресурсов в поддержку этих усилий» [Позиция 2009].

Нетрудно догадаться к чему должен привести, в конечном счете, такой «поиск». Интересно, что еще в конце 70-х годов советские специалисты обращали внимание на тот факт, что в последние годы работой МКК активно интересуются некоторые неправительственные организации, например МСОП, Друзья природы, Международное общество охраны животных, Всемирный фонд диких животных, Друзья земли Европы. Они участвуют в сессиях МКК, где выступают с требованиями об установлении моратория на коммерческий улов китов. Как писали К.А. Бекашев и В.В. Серебряков, эти заявления противоречат выводам научных исследований и твердому мнению Научного комитета МКК и «лишь мешают Комиссии разработать и осуществить на практике действенную систему рационального использования запаса китов» [Бекашев, Серебряков 1979: 337].

Говоря о функционировании *WWF*, можно отметить следующий, характерный не только для деятельности этой МНПО, момент. По одному из запланированных к проведению в 1997–2001 гг. на территории Российской Федерации проектов, который реализовывался Глобальным экологическим фондом (ГЭФ), частичное финансирование этого проекта должно было осуществлять правительство Швейцарии через Российский Программный офис *WWF* (штаб-квартира этой МНПО находится в Швейцарии) [Глобальный 2010].

В предыдущей работе автора настоящих очерков [Овлащенко 2013] был подробно проанализирован процесс экологизации международных морских отношений, международного морского права, т. е., в последнем случае, тех норм, которые (наряду с национальным правом соответствующих государств) и регулируют в конечном счете морское природопользование.

Говоря о такой экологизации, следует обратить внимание на существующие в международной морской практике понятия так называемых «морских охранных районов», которые «необходимо» защищать в особом порядке от загрязнения с

судов. Это, во-первых, морские охраняемые (защищенные) районы (*Marine Protected Areas, MPAs*) в соответствии с п. 6 ст. 211 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.; во-вторых, особо уязвимые морские районы (*Particularly Sensitive Sea Areas, PSSAs*), определяемые и назначаемые на основе Руководства ИМО (*Guidelines for the Identification and Designation of Particularly Sensitive Sea Areas*); в-третьих, особые районы (*Special Areas, MARPOL Special Areas*), определяемые на основе Конвенции МАРПОЛ 73/78. В этих случаях, как отмечают российские соавторы, ИМО представляет собой единственную международную организацию, которая уполномочена принимать меры, влияющие на международное судоходство [Колодкин, Гуцуляк, Боброва 2007: 320].

В этой связи они обращают внимание, что, с началом XXI века, в «международном морском сообществе» все активнее поднимается вопрос о создании так называемых защищенных районов открытого моря (*High Seas Marine Protected Areas*). В таких районах предполагается частично или полностью ограничить один, несколько или все виды экономической или научной деятельности – такие, как рыболовство, судоходство, добыча минеральных ресурсов дна, морские научные исследования и др. Эти же соавторы считают, что такую тенденцию можно расценивать как возможность ограничения экономической и научной деятельности государств в открытом море.

Со ссылкой на работу российского юриста-международника и дипломата В.С. Котляра (2003), они пишут: «В отношении так называемых защищенных районов открытого моря, которые по определению должны находиться за пределами национальной юрисдикции, следует отметить, что такого понятия в международном морском праве сегодня нет. С точки зрения права создание таких районов противоречит Конвенции 1982 г. и может означать фактический пересмотр режима открытого моря и других положений Конвенции с непредсказуемыми последствиями. ...Эта инициатива не имеет и достаточно серьезного научного обоснования, так как создание закрытых районов открытого моря с их фиксированными границами... бесполезно с точки зрения защиты целого ряда видов морской фауны (китообразные, глубоководные рыбы, морские птицы и пр.) в силу особенностей их миграции».

В организационном аспекте события развивались следующим образом. Секретариат ООН в письме ИМО отметил, что его Отделу по вопросам океана и морского права необходимо скорректировать эту кампанию и ввести ее в рамки Конвенции 1982 г., а также подчеркнул, что при разработке соответствующего руководства по установлению особо уязвимых районов открытого моря Организация вышла за рамки п. 6 ст. 211 Конвенции 1982 г., когда включила в перечень критериев для создания таких районов научную, образовательную и культурную ценность и (или) их историческое и археологическое значение. Однако WWF не согласился и настаивая (! – *A.O.*) на «широкой интерпретации» п. 6 ст. 211 для создания особо уязвимых морских районов и закрытых районов открытого моря, трактуя соответствующие положения Конвенции 1982 г. как «мягкие нормы международного права».

В 2002 г. В.С. Котляр отмечал, что существует тенденция со стороны определенных государств (Австралии, Новой Зеландии и др.) к введению

ограничений на экономическую и научно-исследовательскую деятельность иных государств в открытом море путем создания таких закрытых районов открытого моря, которые могут покрывать значительную часть Мирового океана. Эта тенденция активно поддерживается такими международными неправительственными организациями, как WWF и Международный союз охраны природы и природных ресурсов (IUCN), что обеспечивает ей «симпатии» достаточно широких и активных кругов в «международном морском сообществе» [Колодкин, Гуцуляк, Боброва 2007: 321–323].

А ведь с точки зрения международного права, в соответствии со ст. 87 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. государства имеют право производить хозяйственные мероприятия в открытом море, и запрещение их «явилось бы грубейшим нарушением основополагающих принципов международного права, в том числе принципа свободы открытого моря» [Бекашев, Сапронов 1984: 123]. А.Л. Колодкин (1973) отмечал, что нарушение «любого из принципов, составляющих принцип свободы открытого моря (принципа свободы судоходства или принципа свободы рыболовства и т. д.), есть нарушение принципа свободы открытого моря в целом».

Отмеченная тенденция действительно нашла свое развитие, причем не только со стороны указанных стран, а, прежде всего, со стороны их бывшего «государства-метрополии» Великобритании. 10 ноября 2009 г. британское министерство иностранных дел (*UK Foreign and Commonwealth Office, FCO*) объявило об установлении с мая 2010 г. «первой в мире морской охранной зоны в открытом море» («*the world's first high-seas marine protected area*») площадью 94000 кв. км., находящейся к югу от Южных Оркнейских островов. Такая же «судьба» постигла огромные (площадью 544000 кв. км) акватории в Индийском океане [Sand 2012: 201–207].

В середине 80-х годов советский юрист А.С. Тимошенко предполагал, что по мере интенсификации использования Мирового океана, возникнет необходимость в организации новой категории международных природных резерватов, что в свою очередь потребует разработки и принятия соответствующих международно-правовых норм [Тимошенко 1986: 17]. В конце 80-х годов А.С. Тимошенко писал, что на рубеже XIX–XX вв. проблема охраны окружающей среды понималась преимущественно в двух аспектах: консервативная охрана природы путем создания природных резерватов и «дележ» природных ресурсов между заинтересованными государствами [Тимошенко 1989: 84].

Похоже, что в современных условиях понимание такой «консервативной охраны», претерпев своеобразную трансформацию, конечной целью ставит все тот же «дележ», точнее одностороннее присвоение морских природных ресурсов [Овлащенко 2013].

Кстати, согласно И.О. Красновой, идею о создании морских заповедников выдвинул в 1937 г. президент США Рузвельт. Эта идея была сформулирована в подготовленной прокламации, где предполагалось в законодательном порядке установить у Тихоокеанского побережья Аляски зону, закрытую для рыболовства. В обновленном виде она была реализована в Законе об охране и управлении рыбными запасами, установившем порядок создания специальных зон управления

рыбным хозяйством, контролируемых государством. Одним из результатов американской Комиссии Стрэттона стал законопроект по охране морской среды, научным исследованиям и заповедникам, принятый в 1972 г. Первый морской заповедник был создан в 1975 г. В 1984 г. в Закон были внесены поправки. Наряду с регулированием транспортировки и сброса отходов в морские воды Закон предусматривает создание специальных морских зон, в пределах которых природопользование будет осуществляться «в интересах сохранения целостности морских экосистем». Морские заповедники в США создаются в регионах, обладающих особой экологической, научной исторической или иной ценностью. По своей площади они должны быть не менее 1 кв. морской мили и распространяться как в открытом море, так и у побережья, захватывая часть континента [Краснова 1992: 111].

Еще в самом начале 80-х годов известные североамериканские экологи Дж. Рей, Р. Салм (США) и Дж. Доббин (Канада) подчеркивали, что «ключ к защите среды обитания... (морских млекопитающих. – А.О.) не в том, чтобы защитить критические места обитания в строгом смысле, или выделить особые незатрагиваемые участки (в данном случае промыслы), а в необходимости экосистемного подхода к местам обитания и к поддерживающим их системам» [Бекашев, Сапронов: 120].

Примерно так подходил к этим вопросам Н.Ф. Реймерс, когда писал о некоей «сепортологии» (от англ. *«support of»* – поддерживать, защищать). «Термин «заповедное дело», – отмечал он, – хотя и прочно вошел в лексикон, нельзя признать удачным. ...Из возможных синонимов (консервационизм и др.) предпочтителен термин сепортология, поскольку механически, одним лишь выделением отдельных природных охраняемых территорий сохранить системно организованную природу невозможно. Необходима функционально такая же система ее поддержания, включающая как важнейший элемент и упомянутые территории» [Реймерс 1990: 110].

На своей XXXI сессии в 1979 г. Международная китобойная комиссия (МКК) по предложению Республики Сейшельские острова одобрила следующие дополнения к Правилам китобойного промысла: «В соответствии с п. 1 (с) ст. V Конвенции запрещаются пелагический и береговой коммерческие промыслы китов в регионе, называемом Индоокеанским заповедником». Его акватория в Северном полушарии простиралась от побережья Африки до 100° в. д., включая Красное и Аравийское моря и Оманский залив, а в Южном полушарии – от 20° до 130° в. д., ограничиваясь на юге 55° ю. ш. Таким образом, около 100 млн. кв. км океана по меньшей мере на 10 лет были превращены в «зону охраны» всех китообразных. Решение было обязательным для всех стран – членов МКК, т. е. практически для всех стран, занимающихся или занимавшихся китобойным промыслом в коммерческих целях. Единственным исключением в пределах заповедника стал остров Ломблен (Индонезия), где за местным населением сохранялось право охотиться на кашалотов *Physeter macrocephalus* традиционными методами, но в ограниченном количестве – исключительно для собственного потребления продуктов добычи (это было признано безопасным для «сохранения вида») [Индоокеанский 1981: 115–116].

В этой связи советские специалисты К.А. Бекашев и В.Д. Сапронов вынуждены были признать, что установление Индоокеанского заповедника «не продиктовано интересами дальнейшей охраны китов». Дело в том, что за исключением малых полосатиков, все киты и китообразные были на тот момент уже изъяты из экспедиционного коммерческого промысла. Объем же берегового промысла являлся незначительным. Кроме того, абсолютное большинство индоокеанских стран никогда не вело китобойного промысла и не проводило научных исследований, связанных с изучением китов и окружающей среды.

По мнению этих советских специалистов, сомнительность установления заповедника подтверждается и отсутствием знаний о местах размножения, откармливания и нагула (такая информация поступала только из антарктических районов с китобойных флотилий) и вследствие этого невозможностью точно определить формы и методы охраны китов (другими словами, отсутствием тех самых «достоверных научных данных» ставших, особенно в последнее время, предметом самых откровенных спекуляций и «передергивания» со стороны морской политики и дипломатии атлантического Запада).

Об этом было прямо заявлено на Совещании по планированию программы исследований в Индоокеанском заповеднике (Амстердам, 28 сентября – 1 октября 1981 г.), созданном МКК при активном участии WWF. Более того, как правильно отметила делегация СССР на XXXI сессии МКК, «учреждение заповедника ограничит поступление данных, необходимых для принятия мер по охране китообразных».

Давая итоговую оценку этим событиям К.А. Бекашев и В.Д. Сапронов писали: «Внешне предложение об учреждении индоокеанского заповедника рекламировалось как высшее проявление гуманности. В действительности, оно явилось логическим продолжением стремления ряда западных стран (главным образом США) протащить через МКК идею моратория на промысел китов в Мировом океане и тем самым нанести экономический ущерб ряду стран» [Бекашев, Сапронов 1984: 119–121].

Но вернемся снова в Арктику и, в частности, к вопросу о применимости там КУПЗ. Практически во всех международных документах и «практических руководствах» по комплексному управлению прибрежными зонами, а также его аспектами неустанно подчеркивается, что, КУПЗ – это «динамичный процесс», причем, находящийся в «непрерывном развитии». При «описании» экосистемного подхода аналогично констатируется, что сегодня не существует единого правильного способа применения такого подхода и, что, «этот подход хорошо срабатывает (*sic!* – *A.O.*), поскольку его можно адаптировать к различным обстоятельствам и потребностям» [Конвенция 2007].

Подобная «вариабельность» позволяет осуществлять самые различные манипуляции и спекуляции на уровне международных морских отношений, широко используется – в том числе и в рамках «социальной демагогии» – в интересах морской политики ряда наиболее развитых стран, а также некоторых их геополитических союзников и сателлитов.

Если рассматривать складывающуюся ситуацию с юридической точки зрения, то, здесь вполне применимо хорошо известное «*infinitum in jure reprobatur*»

– «безграничность не одобряется правом». Правда последнее сегодня, прямо скажем – мало кого (из инициаторов и проводников отмеченных процессов «экологизации») волнует. Здесь, напротив, как раз и преследуется цель обойти, перешагнуть через хорошо известное еще нашим предшественникам, хотя и несколько идиллическое положение – *«hominum causa jus constitutum est»*, иными словами, «право существует на благо человечества».

Понимая шаткость обоснований «всеобщего блага», при внедрении и реализации на национальном уровне КУПЗ, сторонники последнего ссылаются на то, что, якобы «зачастую нелегко сформулировать преимущества комплексного подхода к управлению прибрежной зоной из-за многокомпонентности самого процесса и его протяженности во времени». Однако им «гораздо легче» сформулировать проблемы которые возникают при отсутствии «комплексного подхода». Такое обоснование «от обратного» позволяет серьезно усомниться в существовании КУПЗ, как некоей «методологии», поскольку методология – это совокупность методов, применяемых в какой-либо науке или практической деятельности.

На «сетевизицию» КУПЗ уже было обращено внимание выше. Сейчас же это в очередной раз подтверждают сами разработчики КУПЗ, задаваясь вопросом о том, что же необходимо для практической реализации этой «методологии»?

Как они пишут, емко и кратко «идея интеграции» в процессе управления прибрежной зоной выражается тремя «К», причем на первом месте стоит – «коммуникация», в данном случае являясь «процессом установления контактов, предоставления информации и обмена ею» (два других «К» – это «координация» (согласование действий в процессе управления прибрежной зоной) и «кооперация» (сотрудничество между заинтересованными сторонами (как людьми, так и организациями) в процессе определения общей цели и путей ее достижения, а также непосредственно в процессе совместной работы, направленной на достижение этой цели). Считается, что использование правила трех «К» является необходимым условием для того, чтобы КУПЗ «из теоретической плоскости перешло в плоскость практическую» [Комплексное 2007].

Однако в любом случае КУПЗ – преследуя в качестве основной цели унификацию морской политики прибрежных государств мира – в реальной жизни встречается с различным отношением и подходами в деле своей реализации. Например, в таких, обладающих уже значительным опытом реализации КУПЗ странах, как США, Великобритания, Канада, Япония, Австралия – в каждой из них, имеются свои особенности реализации КУПЗ, обусловленные сложившейся системой управления и национальными традициями.

«Создание эффективной системы управления морским природопользованием, – пишет, уже неоднократно цитированная выше, активист WWF России Е.Н. Хмелева, – рассматривается в настоящее время как важнейшая предпосылка успешного развития любой страны, имеющей береговую линию» [Хмелева 2012(а)]. «Эффективная система» управления природными ресурсами арктических морей – это для Е.Н. Хмелевой, система однозначно основанная на КУПЗ. Она продолжает: «При этом в основу концепции комплексного управления заложен экосистемный подход. Такой подход следует из долговременного

социального выбора эколого-хозяйственных приоритетов, поскольку потребность в сохранении морей как источника пищи и как основы биологического существования человечества всегда останется первичной».

Однако ни о каких «эколого-хозяйственных» приоритетах речь вовсе не идет, поскольку мерилом становится во многом, экология «сама в себе». В конечном же счете, речь идет о консервационистской направленности экоориентированных подходов, нарастающем дистанцировании морепользователей в лице государств от морского природопользования, в том числе в открытом море. Если провести элементарный, простейший этимологический анализ, то видно, что на первом месте стоят не интересы собственно хозяйственные (экономические), а «интересы» экологические. Последние (особенно если они гипертрофированы, спекулятивно завышены), по мнению некоторых экономистов находятся в противоречии с нормальным ходом развития экономики прибрежных государств.

В этой связи хотелось бы вспомнить статью советника МИД Бразилии, главы бразильской делегации на Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде (1972 г.) Мигеля А. Осорио де Альмейда, опубликованную в январском, за 1973 год, номере журнала «Курьер ЮНЕСКО» [Осорио де Альмейда 1973: 25–28]. Посол Альмейда начиная с 1948 г. принимал активное участие в мероприятиях ООН, в частности ее Экономического и Социального совета (ЭКОСОС). Был представителем Бразилии на Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1952 г.

«Все рассуждения об охране и восстановлении естественной среды, – писал Альмейда, – даже когда они ведутся на высоком профессиональном уровне, исходят из одной неверной посылки, а именно, что мы должны сохранять в неприкосновенности окружающую среду или экологические «равновесия».

Бразильский дипломат был убежден, что на самом деле проблема, которую следует решить – это не достижение какого-то «экологического равновесия», а, напротив, создание наиболее эффективных форм «долгосрочного экологического неравновесия». «Задача состоит вовсе не в том, – писал далее Альмейда, – чтобы уже сейчас начать истреблять человечество во имя экологического равновесия, а в том, чтобы дать ему возможность как можно дольше пользоваться природными ресурсами, ...которые далеки от истощения».

Уже тогда он обращал внимание на то, что угроза загрязнения окружающей среды является той областью, в которой производится множество псевдонаучных экстраполяций. Альмейда добавлял, что многие из бед, которыми нам грозят (сюда, в частности, он включал «таяние полярных льдов», «истощение запасов кислорода на Земле», в том числе из-за «нарушения выделения кислорода морскими водорослями», «перенаселение планеты»), «совершенно нереальны, небольшое их число, вероятно, справедливы, однако отличить первые от вторых довольно трудно».

Что касается сроков осуществления этих «пророчеств», писал он, то если речь идет о ближайшем десятилетии, необходимо немедленно предпринимать какие-то действия. Если же, однако, мы имеем еще сто лет, то у нас есть еще время расширить и углубить наши знания, а значит, и сократить риск возможных ошибок при решении этой проблемы. Если имеются в виду сроки порядка тысячи лет, то

угрозу можно сбросить со счетов, поскольку совершенно нереально предполагать, что мы будем пользоваться ископаемым топливом еще в течение столь длительного времени. Если же это сотни тысяч или миллион лет, то давайте просто забудем об этом [Осорио де Альмейда 1973: 26].

Примерно такой же позиции (и в те же годы) придерживался советский географ М.Б. Горнунг. В частности, он писал: «Неоходимо учитывать способность природы к самозащите, саморегулированию, регенерации, те мощные инерционные силы, которые проявляются относительно медленно в сравнении, например, с продолжительностью жизни одного-двух поколений людей. Эти особенности нередко обнаруживают определенную стабильность природных систем даже при массивном воздействии на них хозяйственной деятельности человека с ее мощным техническим оснащением и в условиях быстрого демографического роста» [Развивающиеся 1981: 217].

Сегодня на Западе активно выступает по тематике «глобального потепления» датчанин Б. Ломборг. Он развенчивает в этой области мифы о несуществующих в реальности проблемах и анализирует подходы к решению проблем действительных. Его оценка «истории» с белыми медведями уже была приведена во введении к настоящим очеркам. Несмотря на то, что журнал «*Time*» признал Б. Ломборга «одним из ста самых влиятельных людей в мире», такая влиятельность, в случае с этим датским специалистом, требует также немалого гражданского мужества.

Дело в том, что на Западе риторика по поводу экологических «страха, ужаса и бедствий» становится все более изощренной. В ходу уже такое понятие, как «отвергающий изменение климата». Диапазон форм обструкции, которой на «демократическом» и «плюралистическом» Западе подвергаются такие «отвергающие», простирается от личных оскорблений (Марк Линас, автор книги «открывающей правду о климатическом кризисе», в Оксфорде в книжном магазине швырнул Б. Ломборгу в лицо кусок пирога) до недвусмысленных угроз в отношении личной безопасности.

Один австралийский журналист предложил объявить вне закона тех, кто отрицает климатические изменения: «Дэвид Ирвинг находится в Австрии под арестом за отрицание Холокоста. Может быть, есть основание для того, чтобы сделать отрицание климатического изменения правонарушением, в конце концов, это преступление против человечества» (проявление упомянутой в одной из работ А.Н. Вылегжаниным «экологизации» международного правосознания? – А.О.).

«Торгометатель» М. Линас тоже считает, что отрицание климатического изменения относится, «к той же моральной категории, что и отрицание Холокоста», и предвидит «международный трибунал над теми, кто будет частично, но непосредственно ответствен за смерть миллионов от голода, истощения и болезней (в своих работах Б. Ломборг показывает, что к таким последствиям приведет, как раз «экоориентированная экономика»; на примере повышения уровня моря об этом будет сказано ниже. – А.О.) в будущих десятилетиях» в духе Нюрнбергского процесса. Подобно ему, Дэвид Робертс из «*Grist*» говорит об «индустрии отрицания» и утверждает, что мы должны «судить этих негодяев, как это было в Нюрнберге».

Как отмечает Б. Ломборг, даже ведущий специалист *IPCC (United Nations' Intergovernmental Panel on Climate Change)*; Межправительственная комиссия ООН по вопросам изменения климата) доктор Р.К. Пачури, употребил сравнение с Холокостом. Когда Б. Ломборг представил ему экономический анализ того, что нужно сделать в первую очередь, он сравнил подход датчанина с подходом Гитлера: «Где разница между взглядом на людей Ломборга и Гитлера? Вы не можете относиться к людям как к скоту». Хотя альтернативный взгляд еще не объявлен «вне закона» и не всегда приравнивается гитлеровскому, он часто высмеивается, в частности, «мировым лидером» Альбертом Гором [Ломборг 2008: 173–175].

Озабоченная продовольственной безопасностью нынешнего и будущих поколений (в том числе облегчением для них «бремени нищеты»), Генеральная Ассамблея ООН призывает с этой целью рачительно использовать и управлять рыбопромысловыми ресурсами «посредством широкого применения осторожного подхода и экосистемных подходов». Одной из мер в этом направлении считается разработка в дополнение к Кодексу ответственного рыболовства ФАО нового международного документа по маломасштабному рыбному промыслу на основе уже существующих правовых документов, который должен носить факультативный характер и быть направлен в первую очередь на «удовлетворение потребностей» развивающихся стран. Такая забота разработчиков резолюции не вполне увязывается с их сетованиями по поводу «вредной практики рыбохозяйственных субсидий и избытка промысловых мощностей» в тех же развивающихся странах.

Большинство проектов развития рыболовства развивающихся стран, поддерживаемых Мировым банком и рядом банков регионального развития (и инициированных в той или иной степени *WWF*), изначально направлены на сокращение бюджетного дефицита этих стран, что обуславливает поддержку экспортно ориентированным секторам их рыболовства. В конечном итоге эти проекты обеспечивают, с одной стороны, устойчивое поступление рыбопродукции на рынки промышленно развитых стран и, с другой, – разрушение кустарного промысла [Корзун 2005: 217, сноска 9] (того самого, упомянутого «маломасштабного рыбного промысла». – *А.О.*).

Как видно, ситуация складывается стандартно: «битый (колониализмом) небитого (бывшие страны-метрополии) везет».

Процитированный только что В.А. Корзун признает, что согласование экономических, социальных и экологических целей освоения биоресурсов крайне затруднительно. Достижение одной из них, как правило, означает принесение в жертву других. Таким образом, можно считать, что принудительно «экологизируя» природопользование развивающихся государств, Запад сознательно «жертвует» социально-экономическим развитием этих государств, а фактически, реализует в отношении них своеобразный, экономический «мягкий геноцид» и «природоресурсную сегрегацию» [Овлащенко 2013].

В более широком плане этих же вопросов касается в своей работе Б. Ломборг. На примере «одного из самых мрачных прогнозов», а именно повышения уровня моря, он показал, что в общественных выступлениях (как и в документах

ООН) эта угроза сильно драматизируется. И не без умысла, как и все связанное с экологизацией международных отношений, мировой экономики. «Интересно, – задается вопросом этот датский специалист, – каковы все-таки будут последствия повышения уровня моря?»

В частности, он пишет: «Мы часто слышим, что общество с пренебрежением относится к наступлению воды на сушу. Однако это неправда, нельзя сказать, что последние 150 лет население наблюдает, как волны становятся все выше, и ничего не делает. Страны, руководствующиеся здравым смыслом, выберут стратегии, которые действительно снизят расходы на предотвращение последствий подъема уровня моря. ...Если средства будут расходоваться правильно, то к 2085 году мы, в основном, избавимся от наводнений просто потому, что станем богаче и сможем лучше защищаться от стихии. ...Богатые страны (а богатыми, согласно прогнозам Б. Ломборга, к этому году должны стать большинство стран мира. – А.О.) будут в состоянии справиться с наводнениями». Но, это только при нормальном сценарии мирового социально-экономического развития; в противном случае, результат будет иным.

Б. Ломборг продолжает: «Представляя себе будущее общество, более ориентированное на сохранение окружающей среды, где уровень воды будет ниже, мы, естественно, полагаем, что число людей, которые могут оказаться под водой, будет меньше. Однако такое будущее общество было бы менее богатым – по расчетам *IPCC (United Nations' Intergovernmental Panel on Climate Change; Межправительственная комиссия ООН по вопросам изменения климата. – А.О.)*, в стандартном обществе средний человек будет зарабатывать в 2080-х годах 72 тыс. долл., в то время как в экологически ориентированном – только 50 тыс. долл. Несмотря на то что повышение уровня моря в экологически ориентированном обществе будет меньше на треть, больше людей окажутся под водой просто потому, что общество будет более бедным и, следовательно, менее способным противостоять водной стихии.

Из-за подъема уровня моря мы потеряем очень мало суши. Подсчитано, что почти все народы мира обеспечат себя максимально возможной береговой защитой просто потому, что это оказывается очень экономичным. ...Для более 180 из 192 народов мира расходы на береговую защиту составят менее 0,1% от их ВВП... Даже самые подверженные воздействию глобального потепления страны, которые часто изображают на плакатах, будут полностью защищенными. В самом тяжелом положении окажется Микронезия, федерация из 607 маленьких островов, лежащих в западной части Тихого океана, с населением, превышающим население Вашингтона в 4 раза. Если ничего не предпринять, возможно, что к концу этого века Микронезия потеряет около 21% своей территории. При установке береговой защиты она потеряет только 0,18% территории. Однако если мы в будущем сделаем ставку на чистую экологию, с более низким уровнем моря и менее развитой экономикой, Микронезия лишится 0,6% территории, то есть потери вырастут более чем в 3 раза. Как было сказано выше, это происходит потому, что благосостояние имеет больший вес, нежели повышение уровня моря – бедные страны будут менее способны защитить себя от подъема воды, даже если вода будет подниматься медленно.

Нужно иметь в виду, что даже для самой уязвимой страны не будет бедствием, если она сохранит более 99,8% своей земли. Тувалу потеряет 0,03% суши, если озаботится ее защитой, в то время как ориентация на экологию приведет к уменьшению доходов и утроенным потерям. На Мальдивских островах без защиты будет утрачено около 77% земли, а с защитой – 0,0015%, с большим вредом для окружающей среды во всем мире. Для Вьетнама потери составят около 0,02% земли, а для Бангладеш они будут просто ничтожными – 0,0034%. И снова, в странах, заботящихся о своей экологии, они окажутся более серьезными.

...Если мы выберем мир, в котором развивающиеся страны становятся богаче, мы, вероятно, столкнемся с незначительной потерей земли. Если наши опасения заставят нас пойти по экологически ориентированному пути, это приведет к большей потере земли и более низкому общему уровню благосостояния. ...И все-таки лица, формирующие общественное мнение, твердят нам, что последствия будут катастрофическими, и что нам необходимо изменить образ жизни.

...Однако наш выбор – между экономикой или экологией (в пользу экономики. – *А.О.*), между развивающимся или отстающим миром, – даст более значительный результат в 553 триллиона долларов (по крайней мере). Если мы слишком увечемся глобальным потеплением, поколение в будущем обеднеет, лишив среднего жителя развивающегося мира 70% увеличения доходов в 2100 году» [Ломборг 2008: 78–91, 195].

Такая вот, «природоохранная» арифметика!

О такой «арифметике» полезно было бы помнить (или хотя бы узнать для начала) участникам совместного заседания Комитета ТПП РФ по природопользованию и экологии и Ассоциации ТПП северных (приполярных) территорий и зоны Арктики, которое прошло в популярном ныне формате «круглого стола» на тему: «Законодательное обеспечение природоохранной деятельности и рационального природопользования в целях устойчивого развития арктической зоны России». Среди целей этого мероприятия на первом месте обозначено обсуждение потенциала устойчивого развития арктического региона, основанного на механизмах «зеленого роста» [Арутюнов 2012].

Упоминая еще одно «*know how*» морской политики и дипломатии атлантического Запада (а именно «морское пространственное планирование» (*Marine Spatial Planning*) [Овлащенко, Покровский 2010(а): 31–36]. – *А.О.*), Е.Н. Хмелева пишет, что «различные страны мира уже приступили к реализации, как минимум, в пилотном режиме, планов в сфере морского территориального планирования». Интересно, что она упоминает и то, что «на начальном этапе этот подход эффективно применялся в менеджменте морских особо охраняемых зон». В качестве «известных примеров» Е.Н. Хмелева называет Национальный морской парк Большого барьерного рифа Австралии, Национальный морской санктуарий во Флориде (США) и Тройственную зону кооперации в море Уоддена (район Северного моря) «...Комплексные планы управления морскими природными ресурсами, – сетует затем этот юрист-экологист, – имеют все арктические страны за исключением России» [Хмелева 2012(а)].

Как уже было показано выше, ориентация на глобальные «экологические императивы» подтверждается тем, что в одном из разделов арктической Стратегии, прежде всего подчеркивается «обеспечение сохранения биологического разнообразия арктической флоры и фауны в условиях расширения экономической деятельности и глобальных изменений климата» [Стратегия 2013]. Для этого во все увеличивающемся масштабе осуществляются следующие консервационистские, по сути своей, мероприятия: развитие и расширение сети арктических особо охраняемых природных территорий и акваторий федерального значения; развитие и расширение сети арктических особо охраняемых природных территорий и акваторий федерального и регионального значения.

Понятно конечно желание современных «рахдонитов» превратить большую часть поверхности Земли, огромные площади Мирового океана и находящиеся в их пределах природные ресурсы – живые и неживые, в «особо охраняемые зоны» («строгого» или «особого» режима? – *А.О.*), в подобие некоего «Всемирного Санктуария».

В наших с профессором И.Ф. Покровским совместных публикациях, нам уже приходилось обращать внимание на проводимое российскими «экологизаторами» и сторонниками внедрения КУПЗ в морехозяйственную деятельность России смещение (умышленное или по неведению – это другой вопрос) ряда понятий, что уже само по себе требует особого внимания. Суть «коллизии» в двух словах можно выразить так: «интегральный подход к морской деятельности» в политическом и управленческом его аспектах, вовсе не есть синоним «интегрированного (комплексного) управления прибрежными зонами». Так же, как и «интегральность», или «интегрированность» сами по себе, не являются залогом или предвестником успеха в реализации морехозяйственной деятельности.

В качестве примера явно умышленного смещения этих понятий (помимо работ А.Н. Вылегжанина и Ю.Г. Михайличенко), можно упомянуть тезисы все той же Е.Н. Хмелевой. В этой своей работе под названием «Развитие правовых механизмов комплексного (интегрированного) управления природными ресурсами Арктических морей» (проще КУПЗ. – *А.О.*), она цитирует, якобы «подводя базу» под свои экосистемно-купзовские рассуждения, Морскую доктрину Российской Федерации на период до 2020 г., где говорится об «интегральном подходе к морской деятельности в целом и дифференциации ее на отдельных направлениях с учетом изменений их приоритетности в зависимости от геополитической ситуации». Следующей цитатой Е.Н. Хмелева приводит пункт Морской доктрины, где сказано о «проведении комплексных морских научных исследований в интересах РФ, развитие систем мониторинга за состоянием морской природной среды и прибрежных территорий» [Хмелева 2012(а)].

Любому непредвзятому специалисту абсолютно понятно, что в данных контекстах – «интегральный подход к морской деятельности» и «проведение комплексных морских научных исследований» – ничем не связаны с «комплексным (интегрированным) управлением прибрежными зонами» (КУПЗ), разве что, сами СОПС-разработчики Морской доктрины не навели Е.Н. Хмелеву на «такие мысли». Поскольку далее у этой специалистки идет «плавный переход» к арктической региональной тематике, у читателя не может возникнуть сомнений,

что Морская доктрина якобы «благословляет» применение КУПЗ в российской Арктике. В связи с этим, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в Морскую доктрину положения КУПЗ – не попали. А такое, с позволения сказать «расширительное толкование», осуществляется Е.Н. Хмелевой явно *animo lucrandi*.

Показательно, что Е.Н. Хмелева предлагает «способствовать созданию единого координирующего органа государственной власти в области управления морскими природными ресурсами», но способствовать, цитируем, «для того, чтобы интегрировать подходы комплексного управления в российское законодательство». Иными словами, создание подобного министерства (ведомства) и необходимо в первую очередь (согласно ей) для окончательного и бесповоротного внедрения КУПЗ в российское морепользование. Одновременно она предлагает «провести анализ российского законодательства для определения оптимальных (*sic!* – *A.O.*) правовых путей включения в российскую правовую базу подходов комплексного управления морскими природными ресурсами» [Хмелева 2012(а)].

Особую двусмысленность данной ситуации придает то, что эти предложения исходят от сотрудника неправительственной «природоохранной» организации, «пекущейся» о построении в России морской управленческой, природоресурсной вертикали, но, отчего-то, непременно на основе КУПЗ и, более того, именно для первоочередной цели внедрения этой самой «методологии». Многочисленные ответы на вопрос «почему так» даны выше, в предыдущих очерках.

«Государственные люди» тоже вроде бы озабочены централизацией «арктической власти». Так, А.М. Коновалов добавляет, что «в России сейчас нет и ведомства, которое бы отвечало за развитие этого региона» [Кривошапко 2012]. В другом своем интервью, он заявил, что система государственного управления и стратегического планирования «существует во всех приарктических государствах и интегрирована в высший эшелон власти» [Проект 2011]. В любом случае, вряд ли является большой загадкой, что именно господа Коноваловы и Хмелевы, собираются «интегрировать» в высший эшелон власти.

Один из последних примеров умышленного (и ставшего уже в рассматриваемых кругах, чем-то вроде «хорошего тона») смещения интегральных, в масштабе всей страны, собственно организационно-управленческих аспектов морской деятельности и «методологии» КУПЗ, отчетливо прослеживается в статье А.М. Коновалова, опубликованной в 2012 г. в ведомственном (сопсовском) журнале [Коновалов 2012]. Есть в этой статье и отдельные, интересные моменты.

Так, например, А.М. Коновалов пишет, что «в Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года поставлена стратегическая задача, связанная с разработкой и реализацией программ комплексного развития приморских территорий и прибрежных акваторий (КРПТПА) в качестве самостоятельного компонента комплексных стратегий и программ социально-экономического развития приморских муниципальных образований».

Неуклюжие попытки скрыть за столь неблагозвучной аббревиатурой все то же КУПЗ – совершенно очевидны. Однако, строго говоря, «комплексное развитие», это тоже не синоним «комплексного управления». Но, если все, как говорится, «валить в одну кучу», то отчего же нет...

«В целом, – указывает А.А. Коновалов, – проблематика комплексного развития морской деятельности, включая имплементацию морского пространственного планирования, чрезвычайно актуальна». Непонятно, зачем автор этой статьи пишет о некоем «комплексном развитии», если речь прямо идет о КУПЗ и «морском пространственном планировании» (МПП), как об одном из инструментов «методологии». Об этом было написано еще в 2010 г., в одной из наших совместных с И.Ф. Покровским статей, которая так и называется: «Морское пространственное планирование и методология КУПЗ: нуждается ли в них Россия?». Статья была приурочена к обсуждению проекта Стратегии развития морской деятельности до 2020 года и на более отдаленную перспективу [Овлащенко, Покровский 2010(а): 31–36].

Упомянув страны «экономического авангарда», этот «стратег-прогнозист» сетует на то, что «до недавнего времени в Российской Федерации аналогичная работа не велась ни на техническом, ни на законодательном уровнях, а нормативная методическая база морского пространственного планирования попросту отсутствовала». Не вполне понятно, почему собственно, подобная «нормативная методическая база» должна была присутствовать в России?

«На сегодняшний день, – с видимым удовлетворением отмечает А.М. Коновалов, – проблематика МПП находит поддержку в Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации, Минэкономразвития России, Минрегионе России, других федеральных органах исполнительной власти» [Коновалов 2012]. Не знаем, как в «других федеральных органах», а в отмеченных первых трех структурах, такое «понимание» осуществляется в первую очередь через самих же сотрудников СОПС.

Да, действительно страны «экономического авангарда», в частности Европейский Союз, связывает с пространственным развитием ряд своих политик (теперь и морскую политику), оказывающих пространственное влияние на территорию. Такие политики поддерживаются Структурными фондами, а также многочисленными организациями и агентствами ЕС и осуществляются в виде общеевропейских инициатив и проектов. Однако все они направлены в конечном счете на внутренние нужды и отвечают прежде всего собственным интересам ЕС.

Кстати, в настоящее время Центр «Мировой океан» СОПС «формирует площадку» для обсуждения, как пишет А.М. Коновалов, «предложений к проекту новой редакции федеральной целевой программы комплексного развития (опять «комплексного развития», или, все-таки, теперь уже «комплексного управления»? – А.О.) морской деятельности, преемственной к ФЦП «Мировой океан». В 2012–2013 гг. запланировано провести серию «круглых столов» и «общественных обсуждений» по основным программным направлениям. «Представляется целесообразным, – добавляет А.М. Коновалов, – привлечь максимально широкий круг экспертов в области морской деятельности к формированию соответствующих проектных предложений в рамках намеченной структуры» [Коновалов 2012].

Однако и в этом случае никаких иллюзий питать не стоит – из «экспертного сообщества» будут приглашены только те, кто говорит «то, что нужно». Это будут

люди, «отобранные после изучения их установок» (или, как говорят в самом СОПС, входящие в нужные «профсоюзы»).

Стоит заметить, что за красивой фразой о «формировании площадки» стоят вполне конкретные действия. Так, в 2012 г. в СОПС было проведено договорное научное исследование (руководитель к. т. н. Коновалов А.М.) на тему «Разработка предложений к проекту новой программы комплексного развития морской деятельности, преемственной по отношению к ФЦП «Мировой океан» (шифр темы 1901-17-11) [Отчет 2013]. Работа выполнена в рамках ФЦП «Мировой океан» в два этапа: 1-й этап (2011 г.): «Текущие проблемы, определение вариантов их решений, оценка перспектив комплексного развития морской деятельности»; 2-й этап (2012 г.): «Разработка предложений к проекту новой программы комплексного развития морской деятельности, преемственной по отношению к ФЦП «Мировой океан».

Как заявлено, новизна темы, руководимой А.М. Коноваловым НИР, «обусловлена ориентацией на активное внедрение в морехозяйственный комплекс России перспективных... организационных и институциональных инноваций..., а также общим подходом, ориентированным на развитие институциональной экономики морепользования России и пространственную оптимизацию морехозяйственного потенциала нашей страны» [Отчет 2013]. Несложно понять, какие «организационные и институциональные инновации» будут активно внедряться при помощи СОПС. Известно и пристрастие этого учреждения к «пространственной оптимизации» России.

Российских ученых-мореведов (не сопсовских) несколько настораживает рекомендация сопсовских специалистов (это ФГБНИУ действительно активно ведет теоретико-прикладные работы по «оптимизации» территориально-пространственной организации страны [Климов]) «расчленив российский пространственно-временной континуум с единственным центром в Москве на «морские» подсистемы с собственными центрами в регионах». Тут же специалистами СОПС приводятся лукавые сетования на то, что Россия «самоизолируется от позитивных глобализационных импульсов, жизненно необходимых ее морской экономике». Однако есть вполне обоснованные опасения, что предлагаемое «расчленение» в перспективе будет способствовать только лишь интеграции этих «подсистем» в мондиализированное «международное региональное океаническое соуправление».

Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что, как пишет А.М. Коновалов, «в практической реализации разработанных рекомендаций (в рамках руководимой им НИР. – А.О.) высказали свою заинтересованность... также иностранные партнеры, включая Еврокомиссию, Всемирный банк, ПРООН и т. д.», что, в свою очередь, как полагает этот специалист, «подтверждает высокий научно-технический уровень выполненной НИР в сравнении с лучшими отечественными и зарубежными достижениями в этой области» [Отчет 2013].

Опять-таки нетрудно догадаться, что НИР, вызвавшая заинтересованность «иностраных партнеров» (партнеров СОПС? – А.О.) была выполнена по заказу все того же Минэкономразвития России.

Может показаться, что в очерке непосредственно посвященном арктическим «инициативам» WWF России, много место заняло описание подобных, а также

собственно «морских» инициатив СОПС. В настоящее время такая «тематическая интеграция» вполне правомерна: по принципу «подобное притягивает подобное» эти две структуры, усиленно «экологизирующие» российское морское природопользование, не могли не найти друг друга, чтобы вступить в фазу «симбиоза» (в биологии длительное сожительство организмов разных видов, в нашем случае это два различных организационно-структурных «организма» – МНПО и ФГБНИУ, обычно приносящее им взаимную пользу) и, уже в таком «симбиозе», вместе паразитировать на разработке «концептуальных оснований» морехозяйственной деятельности России.

23 июня 2011 г. в Москве состоялся круглый стол «Комплексное управление природными ресурсами морей России (на примере Охотского и Баренцева морей)», организованный WWF России и СОПС. Как было указано на сайте РИА «Fishnews» в отчете об этом мероприятии, в последнем «приняли участие представители общественных и научных организаций, органов исполнительной и законодательной власти федерального и регионального уровней, рыбохозяйственных предприятий» [Комплексный 2011]. Участники проходившего в СОПС «круглого стола» проанализировали опыт КУПЗ в таких странах как Канада, Норвегия и США и «попытались адаптировать его к российским условиям» (предыдущий такой круглый стол, «Комплексный план управления ресурсами Баренцева моря», был организован Баренцевоморским отделением WWF России и Мурманской областной Думой 22 июня 2010 г., г. Мурманск).

В очередной раз напоминая, что в действующих национальных законодательствах «ведущих морских держав» и в международном праве закреплены такие принципы морской политики, и, в который уже раз, перечисляя эти принципы в качестве неких «заклинаний на успех в морехозяйственной сфере» («адаптивный менеджмент», «экосистемный подход», «совместное управление заинтересованных сторон», «применение наилучших технологий», «принцип предосторожности», «приоритет сохранения биологического разнообразия»), в очередной же раз они сетуют, что эти «принципы» практически отсутствуют в российских «морских директивных документах». Среди таких документов обозначены Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 г. и Стратегия развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 г., которые, согласно авторам, «также не решают вопрос комплексного управления морями» [Комплексный 2011].

Подобными «признаниями» об отсутствии этих «принципов», они конечно несколько подводят своих же коллег (например, ту же Е.Н. Хмелеву [Хмелева 2012(а)]), которые приложили, как это было показано чуть выше, уж какие старания, чтобы убедить всех (а то и самих себя), что упомянутые «директивные документы» будто бы содержат в себе зачатки, а то и полноценные элементы «экосистемного подхода», КУПЗ и МПП.

Почему напоминая в очередной раз? Да потому что уже пять лет назад советник Отдела методологии государственных целевых программ Департамента государственных целевых программ и капитальных вложений Минэкономразвития Ю.Г. Михайличенко высказывал настойчивые пожелания о необходимости при разработке Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до

2030 г., «опираться на такие основные принципы морской политики (теперь уже понятно чьей. – *А.О.*), как экосистемный подход, рассматривающий морскую среду как единое целое, а происходящие в ней процессы во взаимосвязи, адаптивный менеджмент, совместное участие, ...предосторожность, принятие предупредительных действий, сохранение биоразнообразия и др.» [Михайличенко 2008].

Кстати, если элементарно сравнить этот «список пожеланий» Ю.Г. Михайличенко («варианта» 2008 года) с тем, который приведен в отчете о работе круглого стола WWF России и СОПС (в 2013 году), не может не поражать их, несмотря на пятилетний разрыв, фактическая идентичность. Речь идет лишь о некоторой «перестановке мест слагаемых», от которой, как известно, «сумма не меняется». Что, в свою очередь, в очередной раз подтверждает сетевизацию усилий этих внутрисистемных, по отношению к российскому морепользованию, деструкторов. Конечно, раз такие их «жалобы» продолжают раздаваться, нельзя не понимать, что их деструктивные усилия далеко пока не продвинулись. Но, это лишь только пока...

Насколько скромными выглядят рекомендации мурманского, 2010 года «круглого стола», настолько же уже бесцеремонны в своих рекомендациях, их авторы, те, кто посидел за «круглым столом» в июне 2011 г. в СОПС. В частности, Правительству Российской Федерации они рекомендуют «создать рабочую группу из представителей Министерства экономического развития Российской Федерации, Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, академической, отраслевой и университетской науки, неправительственных организаций (естественно, что НПО и МНПО не забыты. – *А.О.*) для разработки критериев и уровней функционального зонирования (пространственного планирования) морских акваторий» [Комплексный 2011].

Федеральному Собранию Российской Федерации, Экспертному совету по Арктике при Председателе Совета Федерации Федеральное Собрание Российской Федерации, Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации, они рекомендуют: включить принцип приоритета сохранения биологического разнообразия во все документы стратегического планирования и нормативные правовые акты, регулирующие хозяйственную деятельность Российской Федерации в Мировом океане; провести правовой анализ (не за бесплатно, конечно; проводить такой «анализ» будет конечно же сам СОПС, возможно, теперь уже с привлечением «неправительственных организаций». – *А.О.*) возможностей включения в законодательство Российской Федерации принципов экосистемного подхода к управлению морской деятельностью; включить в законодательство и нормативную правовую базу, обеспечить применение в практике управления хозяйственной деятельностью в морях Российской Федерации и в Мировом океане основных общепринятых (?! – *А.О.*) принципов морского природопользования, сохранения морской среды и биологического разнообразия, основанных на экосистемном подходе (еще раз подчеркнем, таких «общепринятых принципов», основанных на «экосистемном подходе» в международном праве на сегодняшний день нет. – *А.О.*), используя функциональное зонирование (морское пространственное планирование) как один из его ключевых элементов.

Комиссии Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по национальной морской политике, федеральным органам исполнительной власти, они рекомендуют «разработать и внести к рассмотрению на заседаниях профильных комитетов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и Экспертного совета по Арктике при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации законодательные инициативы и предложения по вопросам комплексного управления морским природопользованием (попросту говоря – КУПЗ. – *А.О.*)».

Даются ими «предложения» и по подготовке внесенных изменений в Морскую доктрину Российской Федерации до 2020 г. и по разработке концепции федерального закона «О государственном управлении морской деятельностью Российской Федерации». Участники московского «круглого стола» призывают «обеспечить совершенствование» российского морского законодательства путем нормативного правового закрепления: «применения... (КУПЗ. – *А.О.*)... исходя из экосистемного подхода, рассматривающего морскую среду как единое целое, а происходящие в ней процессы во взаимосвязи»; «использования инновационных управленческих технологий (комплексное управление прибрежными зонами, экосистемный менеджмент, морское пространственное планирование) при разработке и реализации стратегий и программ социально-экономического развития приморских территорий и прибрежных акваторий».

Федеральному агентству по рыболовству они рекомендуют: обеспечить завершение разработки и согласование всех правовых актов, необходимых для создания рыбохозяйственных заповедных зон (РХЗЗ); приступить к созданию модельных РХЗЗ в морях Российской Федерации (причем «способствовать подготовке комплекта документов для обоснования, как минимум, одной РХЗЗ в течение 2011 года», возложено было на WWF России).

Министерству экономического развития Российской Федерации они рекомендуют, «взять на себя (другое было бы удивительным. – *А.О.*) координирующую роль в разработке и реализации комплексного планирования и управления морской деятельностью, включая изучение, освоение и использование ресурсов морей Российской Федерации» [Комплексное 2011].

Есть и рекомендации «круглостольцев» данные ими «самим себе»: СОПС и WWF России. В частности, WWF России и «другим общественным организациям», дана рекомендация, «оказать содействие выявлению участков морских акваторий, наиболее уязвимых (*sic!* – *А.О.*) для деградации при осуществлении на них хозяйственной деятельности без учета комплексного подхода».

Под всем этим «круглостольным действием» две подписи: директора Центра «Мировой океан» СОПС А.М. Коновалова и директора по природоохранной политике WWF России Е.А. Шварца (функции последних – инженера и биолога, но директоров, были организационно-представительские; конкретное «естественнонаучное», а тем более международно-правовое наполнение «предложений», осуществляли юристы-международники СОПС и юристы WWF России).

Все эти «экологические сатурналии» (по другому и не назовешь) происходили в СОПС в так называемый «переходный период» (прежний

руководитель СОПС академик А.Г. Гранберг умер). Вряд ли подобный размах «рекомендаций», а, по сути, запредельных, откровенно ультимативных, да и просто наглых требований экологов был бы возможен в период руководства морским направлением СОПС доктором экономических наук, профессором Г.К. Войтоловским.

Организаторы круглого стола действовали здесь очевидно, исходя из принципа: «кот из дома – мыши в пляс»...

Хотя, надо признать, оба они – академик А.Г. Гранберг и профессор Г.К. Войтоловский – «сеяли семена» всего этого, все это (в данном случае, внедрение в российскую морехозяйственную сферу КУПЗ. – *А.О.*) происходило не без их явного или молчаливого согласия. Справедливости ради, надо упомянуть и то, что, в одну из встреч автора настоящих очерков с Г.К. Войтоловским, последний, подняв голову от листа бумаги, произнес: «Вот пишу письмо Плинку (Н.Л. Плинка, к. г. н., заведующий кафедрой Комплексного управления прибрежными зонами Российского государственного гидрометеорологического университета; Н.Л. Плинка один из главных «продвигателей» этой «методологии» в России. – *А.О.*), пытаюсь объяснить им, что КУПЗ нам не подходит...». Насколько искренними были эти слова, выяснить теперь уже нельзя...

Перспективы симбиоза «WWF России – СОПС» популярно обрисовал руководитель Морской программы WWF России К.А. Згуровский: «Мы надеемся совместными усилиями создать условия (! – *А.О.*) для появления законодательных основ, которые не позволят каждому тянуть одеяло на себя, в частности, это касается добычи минеральных ресурсов» [Комплексный 2011].

Надо полагать, что при совместных и целенаправленных усилиях отмеченного «симбиоза» в деле «создания условий», упомянутое К.А. Згуровским морское минерально-углеводородное и морское биоресурсное «одеяло» будет медленно, но верно перетянута в сторону интересов морской природоресурсной политики Запада, надежно «прикроет» последний (естественно, что за счет интересов России и населяющих ее народов) от грозящего ему природоресурсного голода и холода.

Этот кандидат биологических наук, с 2004 по 2006 г. работавший координатором морской программы Дальневосточного отделения WWF RFE, в 2006 г. по итогам своей активной дальневосточной деятельности, переехал в Москву и возглавил Морскую программу WWF России. Ставший в 2008 г. членом общественного совета при Федеральном агентстве по рыболовству, К.А. Згуровский активно лоббирует в России интересы «Морского попечительского совета» (*Marine Stewardship Council, MSC*).

Как писал известный украинский морской юрист, публицист и колумнист, популяризатор «морской жизни» С. Горчаков: «Когда внимание общественности привлекается к необходимости соответствовать мировым или европейским стандартам, у меня возникает вопрос: – А кто эти стандарты будет удостоверять?» [Горчаков 2008: 51]. Добавим от себя: кто будет их продвигать в жизнь...?

Формируя «экологическое сознание» членов экипажей российского добывающего флота (примечательно, что это лишь второй такой, после ЮАР, «опыт» WWF), повышая уровень их знаний в области «устойчивого рыболовства»,

внушая им, что они уже ловят не рыбу в воде, а «сокращают биоразнообразие в экосистеме», WWF России осуществляет все это через призму требований, предъявляемых к экологической сертификации промыслов по стандартам MSC [В России 2011].

Используя объективную и, в тоже время, искусственно созданную своими (тоже с отчетливой коммерческой прожилкой) западными визави с целью паразитировать на труде рыбаков, зависимость российских рыбаков от подобных «стандартизаций» и «сертификаций», природозащитник и «экологический замполит» А.К. Згуровский уверяет, что «на сегодняшний день существует уже не одна система «зеленого аудита» промысла», однако, по его словам, «самой надежной из них... является сертификация по системе... MSC» [Экологические 2012].

«Но, – продолжает он, – еще многое необходимо сделать для того, чтобы российская рыбопродукция была признана в мире как устойчиво выловленная» [Россия 2010]. В этой связи К.А. Згуровский, весьма удачно освоивший хлебную тему «зеленого аудита», собирается способствовать продвижению «экологически правильной рыбы» на «цивилизованные (сиречь западные. – А.О.) рынки» [Рыболовство 2011].

К.А. Згуровский с упоением цитирует в заказных интернет-материалах западных экологистов-экоалармистов. В одном из таких материалов говорится: «В публикации Всемирного фонда дикой природы подчеркивается: человечество по существу потребляет эквивалент полутора ресурсов Земли каждый год. Это возможно, поскольку мы заимствуем ресурсы из будущего, как в случае с рыбой – в один прекрасный день популяции рыбы в мире могут рухнуть, как финансовая пирамида. ...Дэниел Паули (*Daniel Pauli*), профессор рыболовства Университета Британской Колумбии, назвал эту ситуацию «Конец рыбы». Он указывает, что за последние пятьдесят лет численность многих крупных промысловых рыб, таких, как тунец и треска, в некоторых случаях (так ведь лишь в «некоторых случаях», а отчего же «конец рыбы». – А.О.) сократилась более чем на 90%» [Экологические 2012].

Не автору настоящих очерков – юристу-международнику и управленцу, указывать на примитивизм и фальшивость подобных псевдонаучных схем К.А. Згуровскому – кандидату биологических наук. И все-таки, отсылаем его к недавно изданной книге «Эффект метаболизма: международно-правовые аспекты экологизации морского природопользования во второй половине XX – начале XXI века» [Овлащенко 2013], в частности, к главе «Богатства океана ждут человека?».

Впрочем, вряд ли это поможет, ведь для К.А. Згуровского самое главное, что «по результатам недавнего исследования, опубликованного в журнале *«Science»*, коммерческие запасы рыбы к 2048 году могут «рухнуть» на 90% (отчего-то популярная цифра в такого рода публикациях. – А.О.). Многие из ниш популярных рыб вполне могут занять медузы» [Экологические 2012]. Аж, оторопь берет...

Но, все-таки, пока еще не все так страшно! К.А. Згуровский оставляет нам какую-то надежду, что рыбки мы еще поедим (как и он объекты своего изучения – крабов и гребешков)... Оказывается, все подорванные запасы имеют тенденцию к восстановлению, но только лишь при условии «соблюдения соответствующих мер

охраны рыбных ресурсов и совершенствования управления промыслами и его мониторинга». «Это дает нам надежду на то, что ситуация не так катастрофична, как предсказывали ранее», – отмечает К.А. Згуровский. Уже легче...

В чем же заключаются упомянутые «соответствующие меры охраны рыбных ресурсов и совершенствования управления промыслами». Нетрудно догадаться, что панацея «от Згуровского» и его зарубежных визави все в том же: надо применять экосистемное управление промыслом. «При этом, – не в меру откровенничает К.А. Згуровский, – поскольку в России практически отсутствует координация деятельности разных видов промышленности, фонду (WWF России. – *А.О.*) иногда приходится брать на себя подготовку некоторых документов, которые могли бы регламентировать их взаимодействие» [Экологические 2012].

Да ведь о таких возможностях можно только мечтать! Международная неправительственная организация, в лице ее «национального отделения» (пусть и, якобы «совершенно самостоятельного», якобы «никому неподотчетного», как постоянно твердят функционеры WWF России) фактически участвует в целенаправлении российской морехозяйственной деятельности, регламентирует (без всяких «кавычек») ее взаимодействие.

Зачем проходить традиционную процедуру разработки законопроекта, его рассмотрения, утверждения – все эти длительные и не всегда удачные для разработчиков перипетии государственного конституционного устройства. Оказывается, все гораздо проще и эффективнее (по большому счету, разве мимо такого «партнерства» могли пройти ведущие юристы-международники СОПС, они же ключевые экологизаторы российского морского природопользования).

Отстаивая якобы интересы российских рыбаков, но, в противовес интересам российского морского нефтегазодобывающего сектора, WWF России, в лице К.А. Згуровского, ратует за создание рыбохозяйственных заповедных зон (РХЗЗ). В его представлении, это «законодательно закрепленный инструмент функционального зонирования морских территорий для сбалансированной хозяйственной деятельности». «Однако Правительство РФ, – снова сетует К.А. Згуровский, – еще не завершило разработку необходимых правовых актов, регламентирующих создание таких зон, и не приступило к их созданию» [Комплексный 2011].

Целенаправленно воздействуя на ряд лиц, WWF России, в феврале 2012 г. добился включения в резолюцию Всероссийского съезда работников рыбного хозяйства пункта, в котором «рыбаки призывают» Росрыболовство «ускорить доработку нормативных правовых актов, регламентирующих установление рыбохозяйственных заповедных зон, расчет ущерба водным биоресурсам от планируемой хозяйственной деятельности и компенсацию непредотвращенного ущерба» [Рыбаки 2012].

В заметке под претенциозным названием «Рыбаки поддержали WWF» сказано тем не менее, что «в резолюцию не вошло (вот так «поддержали»... – *А.О.*) более конкретное предложение WWF о создании рыбохозяйственной заповедной территории в районе шельфа Западной Камчатки», что и лоббировал прежде всего К.А. Згуровский. «Мы считаем, – резюмирует он, – что необходимо прекратить бурение в этом районе до тех пор, пока у нефтяников не появятся действенных инструментов ликвидации нефтеразливов, или полностью закрыть его для

нефтедобычи». Вот это действительно лучше (для WWF России и, фактически, представляемого им Запада. – *А.О.*) – закрыть полностью и все тут...

Искусственно сталкивая российских рыбаков и нефтяников, К.А. Загурский и WWF России, надеются очевидно встать в позу «третьего радующегося». В перспективе же, полностью в рамках консервационистских («рахдонитских» по сути своей) подходов, они планируют на основании делегированных от «международного сообщества» полномочий полностью контролировать морское природопользование России. Нефтяники будут окончательно изгнаны из так называемых «рыбохозяйственных заповедных зон», рыбакам же не дадут ловить рыбу, чтобы не нарушать «целостность экосистем» и «не тревожить биоразнообразие». Это будет время, когда, говоря словами К.А. Загурского, речь будет идти «о четком отслеживании происхождения буквально каждого ящика с рыбопродукцией» [Россия 2010].

Несколько выше уже были приведены некоторые замечания, высказанные в отношении перспектив деятельности НПО и МНПО специалистами СОПС П.А. Гудевым и Г.Е. Гиголаевым. В частности, как считают эти специалисты, государствам будут навязываться все большие и непосильные для них обязательства по отношению к соблюдению экологических требований. НПО и МНПО станут претендовать на ту часть государственных функций, которые до этого принадлежали национальным правительствам: речь идет о контроле за выловом рыбы, об экологической экспертизе проектов освоения углеводородов, о контроле за маршрутами судоходства и безопасностью научных исследований, об ограничении развития новых направлений морехозяйственной деятельности (добыча газогидратов) и пр. [Теория 2009: 254–255].

Остается лишь добавить, что не только «станут претендовать», но уже реально и зримо претендуют. Например, WWF России на протяжении 2012 и 2013 г. активно занималась вопросом проведения трансграничной ОВОС (оценка воздействия на окружающую среду. – *А.О.*) освоения нефтегазовых месторождений в норвежском секторе Баренцева моря. В частности, об этом говорится в письме (от 14 января 2013 г.) директора природоохранных программ WWF России В.В. Элиас, адресованном послу по особым поручениям МИД России А.В. Васильеву [По вопросу 2013].

В этом письме, в частности, говорится: «В конце 2012 года Министерство нефти и энергетики Норвегии объявило о возможном открытии юго-восточной части норвежского сектора Баренцева моря для разработки нефтегазовых месторождений и был инициирован процесс обсуждения возможного воздействия на окружающую среду.

...WWF России высказывает высокую озабоченность, в первую очередь, в связи с возможным негативным воздействием на окружающую среду в российском секторе Баренцева моря.

...В связи с тем, что реализация предложенного Министерством нефти и энергетики Норвегии проекта может представлять угрозу для окружающей среды на территориях и акваториях, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации, WWF призывает МИД РФ с норвежской стороне с предложением провести... ОВОС для планируемого проекта в соответствии с принципами

Конвенции об ОВОС в трансграничном контексте (Конвенция Эспо) с привлечением заинтересованных сторон, включая наш Фонд, и обеспечить доступ к имеющейся информации о планируемой деятельности и ее возможном трансграничном воздействии на окружающую среду.

Вместе с тем, наша позиция о неготовности нефтегазовых компаний безопасно и ответственно работать на Арктическом шельфе, что было подтверждено целой чередой проблем и нарушений со стороны компании *Shell* в 2012 году на шельфе Аляски, а также моделированием нефтеразлива для МЛСП «Приразломное», и наша рекомендация в этой связи отложить реализацию всех новых шельфовых проектов остается неизменной» [По вопросу 2013].

Итак, акценты расставлены: Россия, по мнению экологов, должна быть допущена (естественно, с привлечением *WWF* России) к проведению стратегической экологической оценки норвежских проектов. Вполне понятно, что в случае обратной ситуации – инициацией подобных проектов в Арктике Россией – Норвегия, а также другие арктические страны будут претендовать на то же самое. И тут уже начнется «полное раздолье» для различных спекуляций, нечистоплотного лоббирования (в том числе, теми самыми «природоохранными» организациями) и пр.

Далеко не случайно уже не первый год идет компания по ратификации Россией Конвенции ЕЭК ООН об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Конвенция Эспо, 1991) («важность» такой ратификации неоднократно подчеркивается в предложениях к арктической «Дорожной карте», изданных под научным руководством А.В. Загорского [Арктика 2012: 7, 15–16, 38]), Протокола о стратегической оценке к этой Конвенции (Киев, 2003) и Конвенции ЕЭК ООН о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская Конвенция, 1998). «Интересно отметить, – пишет Е.Н. Хмелева, – что решение о ратификации Орхусской Конвенции было принято в результате предложения, прозвучавшего на встрече с экологическими НПО» [Хмелева 2012(б)].

Озвученная директором природоохранных программ *WWF* России В.В. Элиас, «неизменная рекомендация» отложить реализацию всех новых шельфовых проектов, в целом демонстрирует, что природоохранные структуры достаточно искренне и старательно отрабатывают наложенный на них конкретный социальный заказ. Так, в феврале 2013 г. *WWF* России забил тревогу по поводу того, что «Роснефть» и «Еххон» получили от российского правительства «мандат на разрушение Арктики».

В информационном материале, размещенном на официальном сайте российских природоохранителей, руководитель программы по экологической политике нефтегазового сектора *WWF* России А. Книжников отметил: «Экологические риски нефтегазового освоения слишком велики и плохо управляемы, и это становится все более очевидно многим, в том числе и в нефтегазовой отрасли (действительно, экологи уже создали в этом секторе своеобразную «пятую колонну». – *А.О.*). время освоения арктических ресурсов еще

не пришло, тем более что для России есть разумные альтернативы в развитии энергетики на суше» [WWF 2013].

Экологисты подчеркивают, что российское правительство выдало лицензии на бурение наиболее сложных с природной точки зрения и слабо изученных морских акваторий на фоне «целой волны («поднятой» в значительной степени самими этими экологистами. – *А.О.*) решений против бурения в Арктике». По словам экологистов, их моделирование показало, какими катастрофическими будут последствия нефтеразливов в Арктике для биоразнообразия. Последний аргумент, в настоящее время, действительно выглядит очень сильно. Кто же нынче решится пойти против «биоразнообразия»... Однако при этом, невольно да и вспомнится критика «мрачных прогнозов WWF», которых, оказывается, бояться вовсе не следует, потому что впечатляющие цифры, приводимые в ряде документов и докладов WWF, «ни о чем, кроме некорректно проведенных исследований, не говорят...» [Апокалипсис 2010].

А ведь, как напоминают нам современные российские специалисты (это напоминание прямо относится и к ним самим), в науке «нравственная составляющая проявляется в интерпретации первичных данных» [Котляков, Тишков 2009: 968]. Важно иметь в виду, что соответствующие научные данные являются предпосылкой принятия обоснованных (либо необоснованных, и чему, во многом посвящена недавняя монография автора настоящих очерков [Овлащенко 2013]) политико-правовых решений в отношении Мирового океана.

На фоне описанных выше ограничительных, а фактически, консервационистских концепций и практических подходов, также достаточно цинично смотрятся признания «ооновских» авторов (и их евроатлантических суфлеров) относительно «важности наращивания потенциала развивающихся стран, с тем чтобы они могли извлекать пользу из сохранения и рационального использования Мирового океана и его ресурсов». В очередной раз привлекая внимание общественного мнения к «проблеме» уязвимости экосистем коралловых рифов и мангровых зарослей, авторы-составители итогового документа саммита «РИО+20» «Будущее, которого мы хотим», признают, что «малые островные развивающиеся государства добились меньшего прогресса по сравнению с большинством других стран других категорий (впрочем, позволительно и их «прогресс» поставить под сомнение. – *А.О.*) или даже откатились назад...» [Будущее 2012].

Такая ситуация не должна удивлять, поскольку современные международные механизмы будут и дальше, и, во все увеличивающемся количестве, выбрасывать государства «на обочину» так называемой глобализации.

Далеко не случайно, широко разыгрывается сегодня «карта» сохранения, а то, и, полной консервации коралловых рифов. Генеральный секретарь ООН без устали напоминает об их «непреодолимой эстетической ценности». Поэтому, он «будет работать со всеми государствами-членами над содействием достижению тех из Айтинских целевых задач по биоразнообразию, которые касаются морского и прибрежного биоразнообразия, ...чтобы к 2015 году были сокращены многочисленные антропогенные нагрузки на коралловые рифы и другие уязвимые

экосистемы... в целях поддержания их целостности и функционирования» [Договор 2012].

В этом контексте интересны «приоритеты» в океанопользовании, расставленные двумя высокопоставленными функционерами WWF, вице-президентом и исполнительным директором «*marine portfolio*» WWF-US У. Эйхбаумом и директором Всемирной морской программы WWF International С. Криппсом и опубликованные в сборнике по экосистемному управлению рыболовством на примере «морских экорегионов» WWF: «Человечество (! – *A.O.*) делает эстетическую, экономическую, пищевую, культурную, социальную и эмоциональную ставку на морскую среду и жизнь в ее пределах» [Grieve, Short 2007: 3].

О том, кто, имея все, не понимает нужд, неудобств и желаний другого, хорошо говорится в русской пословице: «Сытый голодного не понимает».

Об этом же, но, на примере «глобального потепления», пишет Б. Ломборг: «Теперь, набравшись смелости, вы можете сказать, что мы должны законсервировать нетронутые ледники. С эстетической точки зрения они кажутся величественными и расположены в самых прекрасных уголках мира. Но при наличии множества других проблем мы должны учитывать, что развивающиеся страны могут быть заинтересованы в использовании некоторых из своих истощимых природных ресурсов, таких как ледники, чтобы стать богаче, а не доставлять эстетическое наслаждение богатым. Конечно, мы делали так в развитых странах, когда вырубали большую часть своих лесов и становились богаче» [Ломборг 2008: 77].

Выше уже были приведены расчеты и выводы этого датского экономиста и политолога, убедительно показавшего (на примерах «глобального потепления» и повышения уровня моря) истинный характер причин и последствий втягивания государств мира в экоориентированную, «зеленую экономику» [Ломборг 2008]. В этом контексте лицемерной выглядит постановка генсеком ООН Пан Ги Мун, задачи «поощрения «зеленой экономики» как подхода к устойчивому развитию и искоренению (*sic!* – *A.O.*) нищеты». В этой же связи, не менее двусмысленными выглядят его планы «создания экономических и социальных условий для обеспечения надежного жизненного уклада и экономического развития посредством применения экологических подходов» [Договор 2012].

Что же касается «формирования волеизъявления широких масс населения мира» в поддержку экологических акций и экологически ориентированного развития (а в таком «формировании» принимает самое активное участие WWF, включая его российские структуры), то стоит, очевидно, сослаться на отличный современный пример, также приведенный Б. Ломборгом. Он пишет: «Так как климат постоянно меняется, всегда может произойти изменение, в котором можно будет обвинить глобальное потепление, если это потребует незамедлительного решения, подходящего избирателям. Один онлайн-редактор составил перечень из более 300 проблем, которые, по мнению популярных изданий, вызваны глобальным потеплением – от дискриминации полов и нехватки кленового сиропа до желтой лихорадки и различных видов аллергии» [Ломборг 2008: 178].

Политтехнологии по формированию «волеизъявления широких масс» в последнее время все шире используются WWF России. Опрометчиво озвученное В.В. Путиным в ходе своей предвыборной компании предложение (о введении правила по обязательному рассмотрению в парламенте тех общественных инициатив, которые соберут 100 000 и более подписей в сети Интернет) тут же было замечено «зоркими» экологами WWF России. Они так честно и пишут: «Воспользовавшись этим заявлением, мы решили собрать 100 тысяч подписей за то, чтобы был принят Закон (предложенный WWF России Федеральный закон «О защите морей от нефтяного загрязнения»; мы сознательно не останавливаемся на истории принятия поправок к соответствующим федеральным законам. – *А.О.*) в той версии, которую подготовил Комитет Госдумы по экологии вместе с экологическими НКО – и нам это удалось уже к началу апреля!» [Закон 2012].

Как говорится, «лиха беда начало». С теми возможностями, которые сейчас предоставляет Интернет (да и то, подписи ведь эти были получены в марте 2012 г. во время проводимой WWF акции «Час Земли»; какой же законопроект проташат в следующее «лампогашение» российский экологи...? – *А.О.*), отчего бы не собрать, в случае необходимости, и миллион-другой подписей экологического сознательного «электората». Ведь свет сейчас гасят даже в Кремле...

При всем при этом, нет-нет, да и возникнет внутреннее беспокойство у руководителей «совершенно самостоятельного», «совершенно отдельного», «национального фонда» – WWF России. Скрыть такое весьма нежелательное беспокойство и опасение им весьма трудно.

Вот даже в кратком обзоре того, какие «экологические тенденции» зародились в уходящем году и найдут продолжение в 2013 г., при описании «тенденции» за № 4 («Новые законодательные и судебные препоны в работе общественных экологических организаций») отмечено: «В этом году были приняты законы об НКО и митингах, а также поправки в Уголовный кодекс, расширяющие понятие «государственная измена» и «шпионаж». Закон об НКО говорит, что защита животного и растительного мира не входит в понятие политической деятельности. Однако многие другие направления экологической работы – такие, как борьба с загрязнением окружающей среды, изменением климата и даже защита грибов (которые не относятся ни к растениям, ни к животным) – могут стать поводом для присвоения организации статуса «иностранный агент». Законы пока напрямую не коснулись деятельности экологических НКО, но могут быть использованы в любой момент, если станут полезны оппонентам» [6 российских 2012].

Понятно конечно, что согласно своим целям WWF России обязана заниматься экологическим просвещением, поэтому за грибы, «которые не относятся ни к растениям, ни к животным», отдельное и особое спасибо. Хорошо разбирается упомянутый в настоящих очерках «природоохранный» персонал WWF России и в том, как использовать законы «в любой момент», и вовсе не только, если они станут «полезны оппонентам», но и, в первую очередь им самим. Но главное, все-таки, далеко не в этом. Любому непредвзятому читателю «экологической тенденции № 4» сразу становится понятно: «почуяла панда, чье

мясо съела». Как известно, в оригинале этой поговорки подразумевается тот, кто чувствуя свою вину и возможность расплаты, своим поведением выдает себя...

Библиография

- [Ананичев 1974] Ананичев К.В. Проблемы окружающей среды, энергии и природных ресурсов (международный аспект). М.: ВИНИТИ; МГУ им. М.В. Ломоносова, 1974.
- [Апокалипсис 2010] Евсеев А. Апокалипсис от WWF – очередная «страшилка»? <http://www.pravda.ru/society/how/18-10-2010/1053568-liveplanet-0/?mode=print>
- [Аристов 2010] Аристов И. Курс на Арктику. Морская коллегия одобрила поход за 30 триллионами долларов // Российская газета (Центральный выпуск) № 5302 от 4 октября 2010 г. URL : <http://www.rg.ru/2010/10/04/arctica.html>
- [Арктика 2010] Арктика: пространство сотрудничества и общей безопасности / Сост. и науч. ред. А.В. Загорский. М.: ИМЭМО РАН, 2010. <http://www.imemo.ru/ru/publ/2010/10058.pdf>
- [Арктика 2012] Арктика. Предложения к дорожной карте международного сотрудничества / Рук. авт. колл. А.В. Загорский; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2012. http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_arctic.pdf
- [Арктический 2004] Арктический совет. Стратегический план по защите арктической морской среды. 2-й проект – 2 марта 2004 года. URL : <http://arctic-council.npolar.no/Meetings/SAO/2004%20SE/2ndDraftRussian.pdf>
- [Арутюнов 2012] Арутюнов С. «Круглый стол» на тему: «Законодательное обеспечение природоохранной деятельности и рационального природопользования в целях устойчивого развития Арктической зоны России». http://www.tpprf.ru/ru/news/about/printable.php?print=1&id_12=37126
- [Ашик 2012] Ашик И.М. Современные морские исследования Арктики / Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды, сохранения и рационального управления биологическими ресурсами в Северном Ледовитом океане. Материалы Международного научного симпозиума (Москва, 4 сентября 2012 г., РСМД): рабочая тетрадь / Рук. колл. А.Н. Вылегжанин; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2012. http://russiancouncil.ru/common/upload/wp_arct_112.pdf
- [Бекашев 2012] Бекашев Д.К. Сотрудничество арктических государств по борьбе с незаконным, нерегулируемым и несообщаемым промыслом водных биологических ресурсов / Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды, сохранения и рационального управления биологическими ресурсами в Северном Ледовитом океане. Материалы Международного научного симпозиума (Москва, 4 сентября 2012 г., РСМД): рабочая тетрадь / Рук. колл. А.Н. Вылегжанин; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2012. http://russiancouncil.ru/common/upload/wp_arct_112.pdf
- [Бекашев, Сапронов 1984] Бекашев К.А., Сапронов В.Д. Межправительственные рыбохозяйственные организации (правовой статус и основные направления деятельности). М.: Легкая и пищевая промышленность, 1984.
- [Бекашев, Серебряков 1979] Бекашев К.А., Серебряков В.В. Международные морские организации. Л.: Гидрометеиздат, 1979.
- [Бенхабиб 2003] Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ.; под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2003.
- [Брославский 2013] Брославский Л.И. Экология и охрана окружающей среды: законы и реалии США и России. М.: ИНФРА-М, 2013.
- [Будущее 2012] Будущее, которого мы хотим. 66/288. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей. A/RES/66/288. 11 September 2012. <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/476/12/PDF/N1147612.pdf?OpenElement>
- [Буник 2006] Буник И.В. Разработка и транспортировка углеводородов в арктическом секторе Канады: взаимодействие международного права и канадского законодательства // Нефть. Газ. Право. 2006. № 5.
- [Васильев, Писарев, Хозин 1978] Васильев В., Писарев В., Хозин Г. Экология и международные отношения. Проблемы окружающей среды в мировой политике и экономике. М.: Международные отношения, 1978.

- [Васильева 2008] Васильева Н.А. ООН и глобальное управление: эколого-аксиологический аспект // Вестник Санкт-Петербургского Университета. 2008. Сер. 6. Вып. 4.
- [Винтер 2006] Винтер Г. Предисловие к сборнику «Мультиуровневое управление глобальными экологическими изменениями. Перспективы с позиции науки, социологии и права» // Экологическое право. 2006. № 6.
- [Войтоловский 2009] Войтоловский Г.К. Взгляд на системное морепользование: Вхождение в маринистику. М.: Крафт+, 2009.
- [Войтоловский, Шапиро 1987] Войтоловский Г., Шапиро А. Что скрывается за буржуазной трактовкой концепции «Мировой океан – общее наследие человечества» // Мировая экономика и международные отношения. 1987. № 9.
- [Вылегжанин 2001] Вылегжанин А.Н. Биоразнообразие морской среды и международное право // Государство и право. 2001.
- [Вылегжанин 2003] Вылегжанин А.Н. Правовой режим Арктики / Международное морское право: Учебное пособие / Под. ред. С.А. Гуреева. М.: Юридическая литература, 2003.
- [Вылегжанин 2004] Вылегжанин А.Н. О необходимости кодификации морского законодательства России / Теория и практика морской деятельности. Развитие морской деятельности в условиях глобализации (материалы научной конференции) / Под ред. Г.К. Войтоловского. М.: СОПС, 2004.
- [Вылегжанин 2009] Вылегжанин А.Н. Правовой режим Арктики / Международное право: учебник / Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М.: Высшее образование; Юрайт-Издат, 2009.
- [Вылегжанин 2010] Вылегжанин А. Становление глобального правового пространства в XXI веке // Международные процессы. 2010. Том 8. № 2.
- [Вылегжанин, Зиланов 2000] Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К. Международно-правовые основы управления морскими живыми ресурсами: Теория и документы. М.: ОАО «НПО «Издательство «Экономика», 2000.
- [Вылегжанин, Зиланов 2006] Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К. Шпицберген: правовой режим прилегающих морских районов / Теория и практика морской деятельности. Вып. 10 / Под ред. Г.К. Войтоловского. М.: СОПС, 2006.
- [Вылегжанин, Каламкарян 2005] Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. К учету международно-правового опыта в работе по кодификации морского законодательства России // Государство и право. 2005. №3.
- [Вылегжанина, Панасенко 2009(а)] Вылегжанина Е.Е., Панасенко Д.Н. Развитие права трансграничного регионализма Каспийского моря / Вестник АГТУ. 2009. № 1.
- [Вылегжанина, Панасенко 2009(б)] Вылегжанина Е.Е., Панасенко Д.Н. К созданию международно-правовой основы сохранения экосистемы Каспийского моря // Московский журнал международного права. 2009. № 2.
- [Высоцкий 1986] Высоцкий А.Ф. Морской регионализм (международно-правовые проблемы регионального сотрудничества государств). Киев: Наукова думка, 1986.
- [В России 2011] В России появится экологический курс для рыбаков. <http://www.fishnews.ru/news/16810>
- [Глобальная 1988] Глобальная экологическая проблема / Отв. ред.: д.ю.н. Г.И. Морозов и д.э.н. Р.А. Новиков. М.: Мысль, 1988.
- [Глобальный 2010] Глобальный экологический фонд. URL : <http://www.ecolife.org.ua/funds/fn-020.php>
- [Говердовский 2009] Говердовский Ю. Вячеслав Попов: морская держава флотом сильна // Парламентская газета. 2009. 3 нояб. URL : <http://www.pnp.ru/newspaper/20091103/924.html>
- [Горчаков 2008] Горчаков С. Морская жизнь: Эссе. Одесса: Астропринт, 2008.
- [Грачев 2009] Грачев: Важно использовать экосистемный подход в планировании природопользования. URL : <http://www.edinros.ru/text.shtml?6/3061,%5Bbruid%5D>
- [Гудев 2008] Гудев П.А. Концепция глобального океанического управления: теория и практика / Государство в эпоху глобализации: экономика, политика, безопасность (Мировое развитие. Выпуск 3) / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский и А.В. Кузнецов. М.: ИМЭМО РАН, 2008. URL : <http://www.imemo.ru/ru/publ/2008/08002.pdf>

- [Гудев 2010] Гудев П.А. Политика США в Арктике / Арктика: пространство сотрудничества и общей безопасности / Сост. и науч. ред. А.В. Загорский. М.: ИМЭМО РАН, 2010. <http://www.imemo.ru/ru/publ/2010/10058.pdf>
- [Гудев 2011] Гудев П.А. Идеологические основы политики США, стран НАТО, Европейского Союза и Российской Федерации в отношении Арктики: точки соприкосновения и сферы разногласий / Арктика: зона мира и сотрудничества / Отв. ред. А.В. Загорский. М.: ИМЭМО РАН, 2011.
- [Гудев 2012] Гудев П.А. Новые режимы природоохранного управления в Центральной Арктике: акцент на региональный подход / Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды, сохранения и рационального управления биологическими ресурсами в Северном Ледовитом океане. Материалы Международного научного симпозиума (Москва, 4 сентября 2012 г., РСМД): рабочая тетрадь / Рук. колл. А.Н. Вылегжанин; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2012. http://russiancouncil.ru/common/upload/wp_arct_112.pdf
- [Гудев 2013(а)] Гудев П. Россия и Канада в Арктике: новые конкуренты или старые союзники? <http://regnum.ru/news/russia/1632940.html>
- [Гудев 2013(б)] Гудев П. Россия в Арктике: выбор новой стратегии действий. <http://www.regnum.ru/news/polit/1615240.html>
- [Гузеватый 1967] Гузеватый Я. Народонаселение и мировая политика // Международная жизнь. 1967. № 10.
- [Давыдова, Усачева 2009] Давыдова С.И., Усачева О.А. Сетевая организация экологических движений России и Европы // Социологические исследования. 2009. № 11.
- [Денисов] Денисов В.В. Эколого-географические проблемы устойчивого развития морского сектора Баренц-региона. URL : <http://www.kolasc.net.ru/russian/innovation.ksc70/2.9pdf>
- [Дискуссионный 2004] Дискуссионный документ о реализации решений Всемирного саммита по устойчивому развитию в Йоханнесбурге на втором и последующих этапах выполнения Плана действий Арктического совета по устойчивому развитию (Проект. Версия 10.03.04). URL : <http://www.sci.aha.ru/econ/A122g.htm>
- [Договор 2012] Договор по океанам. Здоровые океаны ради процветания. Инициатива Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. <http://www.un.org/Depts>
- [Додин 2005] Додин Д.А. Устойчивое развитие Арктики (проблемы и перспективы). СПб.: Наука, 2005.
- [Евдокимова, Соколов 1982] Евдокимова Н.П., Соколов В.И. Экологический анализ и хозяйственные решения // США: экономика, политика, идеология. 1982. № 1.
- [Единая 2010] Единая Россия: Арктика – уязвимая кладовая гигантских ресурсов. <http://old.er.ru/text.shtml?15/7473>
- [Загорский 2010] Загорский А.В. Будущее Арктики: новый передел или статус-кво? Итоги дискуссии / Арктика: пространство сотрудничества и общей безопасности / Сост. и науч. ред. А.В. Загорский. М.: ИМЭМО РАН, 2010. <http://www.imemo.ru/ru/publ/2010/10058.pdf>
- [Загорский 2012] Загорский А.В. Интернационализация Арктики (Тезисы к заседанию Ученого совета ИМЭМО РАН 24 октября 2012 г.). <http://www.imemo.ru/ru/sc/2012/24122012.pdf>
- [Закон 2012] Закон о защите морей: немного подробностей. http://www.wwf.ru/about/what_we_do/law/sealaw
- [Зиланов 1989] Зиланов В.К. Единство экологического комплекса северных морей как основа сотрудничества Советского Союза и Норвегии в области сохранения и оптимального использования морских живых ресурсов / Сб. науч. трудов. М.: ВНИРО, 1989.
- [Зиланов 2012] Зиланов В.К. Новые вызовы арктическому рыболовству / Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды, сохранения и рационального управления биологическими ресурсами в Северном Ледовитом океане. Материалы Международного научного симпозиума (Москва, 4 сентября 2012 г., РСМД): рабочая тетрадь / Рук. колл. А.Н. Вылегжанин; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2012. http://russiancouncil.ru/common/upload/wp_arct_112.pdf
- [Индокеевский 1981] Индокеевский заповедник китообразных // Природа. 1981. № 4.

- [Институт] Институт Содействия Общественным Инициативам (ISAR). <http://www.rsci.ru/grants/fonds/115.php>
- [Интервью 2009] Интервью Б.А. Сорокина на «Радио Свобода» 15 июня 2009 г. URL: <http://severcom.ru/aboutnorth/item79-1.html>
- [Каранов 2012] Каранов Д.П. Международное сотрудничество в области экологического мониторинга / Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды, сохранения и рационального управления биологическими ресурсами в Северном Ледовитом океане. Материалы Международного научного симпозиума (Москва, 4 сентября 2012 г., РСМД): рабочая тетрадь / Рук. колл. А.Н. Вылегжанин; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2012. http://russiancouncil.ru/common/upload/wp_arct_112.pdf
- [Катцов, Порфирьев 2011] Катцов В.М., Порфирьев Б.Н. Изменения климата и их воздействие на окружающую среду и экономику Российской Арктики / Арктика: зона мира и сотрудничества / Отв. ред. А.В. Загорский. М.: ИМЭМО РАН, 2011.
- [Квалификационная] Квалификационная характеристика специализации «Комплексное управление прибрежными зонами». URL : <http://www.rshu.ru/university/faculty/ocean/kupz/qualification.pdf>
- [Климов] Климов А.А. Засекреченный СОПС. URL : <http://www.klimov.ru/newstext/news/id/708914.html>
- [Коваленко 1976] Коваленко И.И. Международные неправительственные организации / Отв. ред. Г.И. Морозов. М.: Международные отношения, 1976.
- [Ковалев 2003] Ковалев А.А. Современное международное морское право и практика его применения. Монография. М.: Научная книга, 2003.
- [Ковалев 2008] Ковалев А.А. Международно-правовой режим Арктики и интересы России в свете Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. / Российский ежегодник международного права 2007. СПб.: Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 2008.
- [Колодкин, Гуцуляк, Боброва 2007] Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н., Боброва Ю.В. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. М.: Статут, 2007.
- [Коммонер 1974] Коммонер Б. Замыкающийся круг. Природа, человек, технология / Пер. с англ. Под ред. и с посл. акад. Е.К. Федорова. Л.: Гидрометеиздат, 1974.
- [Комплексное 2007] Комплексное управление прибрежной зоной: от теории к практике. Одесса – Овидиополь, 2007.
- [Комплексное 2011] Комплексное управление природопользованием на шельфовых морях. Москва, Мурманск: WWF России, 2011. <http://www.wwf.ru/resources/publ/book/550>
- [Комплексный 2011] Комплексный подход к управлению морями позволит преодолеть межотраслевую разобщенность, будет способствовать сохранению биологического разнообразия и стабильному освоению богатств морских акваторий. <http://www.fiord-fish.ru/news/1872/>
- [Конвенция 2007] Конвенция о биологическом разнообразии. Вспомогательный орган по научным, техническим и технологическим консультациям. 12-е совещание. ЮНЕСКО, Париж, 2–6 июля 2007 г. Углубленный обзор применения экосистемного подхода. Записка исполнительного секретаря. Исполнительное резюме. URL : <http://www.cbd.int/doc/meetings/sbstta-12/official/sbstta-12-02-ru.pdf>
- [Кондратьев, Данилов-Данильян, Донченко, Лосев 1993] Кондратьев К.Я., Данилов-Данильян В.И., Донченко В.К., Лосев К.С. Экология и политика. СПб.: НИЦЭБ, 1993.
- [Коновалов 2010] Коновалов А.М. Транспортная инфраструктура российской Арктики: проблемы и пути их решений / Арктика: пространство сотрудничества и общей безопасности / Сост. и науч. ред. А.В. Загорский. М.: ИМЭМО РАН, 2010. <http://www.imemo.ru/ru/publ/2010/10058.pdf>
- [Коновалов 2012] Коновалов А.М. Комплексный подход – ключ к реализации национальной морской политики России программно-целевым методом // Современные производительные силы. 2012. № 0. http://sopsjournal.ru/upload/SOPS_magazine_N1_10.pdf

- [Коновалов, Батунова 2008] Коновалов А.М., Батунова Г.В. Морская стратегия России: после того как разрушили советскую стратегию, сделавшую нас великой морской державой (взгляд теоретика). URL : <http://www.eifgaz.ru/seastrateg11-12-2008.htm>.
- [Константинов 1971] Константинов К.Г. Блуждающие сокровища. М.: Издательство «Советская Россия», 1971.
- [Константинов 1972] Константинов А.С. Общая гидробиология. Учебник для университетов. Изд. второе, испр. и доп. М.: «Высшая школа», 1972.
- [Котляков, Тишков 2009] Котляков В.М., Тишков А.А. Стратегия устойчивого развития: этика географического подхода // Вестник Российской Академии Наук. 2009. Том 79. № 11.
- [Краснова 1992] Краснова И.О. Экологическое право и управление в США. М.: Байкальская Академия, 1992.
- [Кривошапко 2011] Кривошапко Ю. Лед тронулся. За разработку законопроекта об Арктике обещано пять миллионов. <http://www.rg.ru/2012/10/24/zakon.html>
- [Лавров 2005] Лавров С.В. Приоритеты внешней политики России на морском направлении // Внешнеэкономические связи. 2005. № 4.
- [Леонтьев 1993] Леонтьев К.Н. Избранное. М.: «Рарогъ», «Московский рабочий», 1993.
- [Лаптев 1982] Лаптев И.Д. Экологические проблемы: социально-политический и идеологический аспекты. М.: Мысль, 1982.
- [Ломборг 2008] Ломборг Б. Охладите! Глобальное потепление: Скептическое руководство / Пер. с англ. СПб.: ООО «Питер Пресс», 2008.
- [Малеев 2009] Малеев Ю.Н. Континентальный шельф России в Арктике: управление и использование без борьбы // Международное право—International Law. 2009. Том 37. № 1.
- [Малеев 2012] Малеев Ю.Н. Комплекс международных проблем освоения российской Арктики / Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды, сохранения и рационального управления биологическими ресурсами в Северном Ледовитом океане. Материалы Международного научного симпозиума (Москва, 4 сентября 2012 г., РСМД): рабочая тетрадь / Рук. колл. А.Н. Вылегжанин; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2012. http://russiancouncil.ru/common/upload/wp_arct_112.pdf
- [Матишов 1990] Матишов Г.Г. Море на грани опустошения // Природа. 1990. № 3.
- [Матишов, Балыкин, Пономарева 2012] Матишов Г., Балыкин П., Пономарева Е. Рыболовство и аквакультура России // Наука в России. 2012. № 1.
- [Матишов, Денисов, Дженюк 2008] Матишов Г.Г., Денисов В.В., Дженюк С.Л. Оптимизация арктического морского природопользования на основе концепции больших морских экосистем (БМЭ) // Мурманшельфинфо. 2008. № 4.
- [Международное 2003] Международное морское право: Учебное пособие / Под ред. С.А. Гуреева. М.: Юридическая литература, 2003.
- [Международное 2011] Международное морское право: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. / С.А. Гуреев, И.В. Зенкин, Г.Г. Иванов; отв. ред. С.А. Гуреев. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011.
- [Международное 2012] Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды, сохранения и рационального управления биологическими ресурсами в Северном Ледовитом океане. Материалы Международного научного симпозиума (Москва, 4 сентября 2012 г., РСМД): рабочая тетрадь / Рук. колл. А.Н. Вылегжанин; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2012. http://russiancouncil.ru/common/upload/wp_arct_112.pdf
- [Международно-правовые 2007] Международно-правовые основы недропользования: Учебное пособие / Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М.: «Издательство НОРМА», 2007.

- [Международные 1990] Международные организации по сотрудничеству и информационному обеспечению по проблемам охраны окружающей среды: Аналитический обзор / Э. Ранапп и др. Вильнюс: ЛитНИИТИ, 1990.
- [Мировой 1986] Мировой океан: экономика и политика (международные проблемы освоения) / Под ред. Е.М. Примакова. М.: Мысль, 1986.
- [Михайличенко 2008] Михайличенко Ю.Г. Министерство экономического развития Российской Федерации. О некоторых подходах к разработке Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации. URL : http://www.morskayakollegiya.ru/konf2008/doc_dl/20080712130104-4390.doc
- [Мохаммад 2003] Мохаммад С.А. Международно-правовые вопросы экологического районирования. Автореф. дисс... к. ю. н. М.: РУДН, 2003.
- [Нестеренко 1994] Нестеренко Е.А. О формировании международно-правового режима защиты окружающей среды для северной полярной области Земли и Севера Европы / Российский ежегодник международного права 1992. СПб.: Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 1994.
- [Нестеров 1977] Нестеров С. Развивающиеся страны и проблемы окружающей среды // Мировая экономика и международные отношения. 1977. № 7.
- [Овлащенко 2007(а)] Овлащенко А. Морская политика Европейского Союза // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 7.
- [Овлащенко 2007(б)] Овлащенко А.В. Политика США в отношении Мирового океана и формирование морской политики Европейского Союза / Политика в XXI веке: вызовы и реалии: Аналитический альманах. № 7(17). М.: Российский институт стратегических исследований, 2007.
- [Овлащенко 2009] Овлащенко А.В. Формирование арктической политики ЕС // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 7.
- [Овлащенко 2012(а)] Овлащенко А. Морской регионализм: международно-правовые аспекты институционализации. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012.
- [Овлащенко 2012(в)] Овлащенко А.В. Трансформация современного международного морского права: роль неправительственных организаций США // Международное публичное и частное право. 2012. № 4.
- [Овлащенко 2013] Овлащенко А. Эффект метабазиса: международно-правовые аспекты экологизации морского природопользования во второй половине XX – начале XXI века. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013.
- [Овлащенко, Покровский 2009] Овлащенко А.В., Покровский И.Ф. К вопросу об «экологизации» современного международного морского права // Транспортное право. 2009. № 2.
- [Овлащенко, Покровский 2010(а)] Овлащенко А.В., Покровский И.Ф. Морское пространственное планирование и методология КУПЗ: нуждается ли в них Россия? (К обсуждению проекта Стратегии развития морской деятельности до 2020 года и на более отдаленную перспективу) // Юридический мир. 2010. № 2.
- [Овлащенко, Покровский 2010(б)] Овлащенко А.В., Покровский И.Ф. Использование экосистемного подхода в морской деятельности: правовые вопросы и их дискуссионные моменты // Транспортное право. 2010. № 4.
- [Овлащенко, Покровский 2010(в)] Овлащенко А.В., Покровский И.Ф. Национальная морская политика РФ в Арктике и методология комплексного управления прибрежными зонами / Стратегия развития России и национальная морская политика в Арктике. Материалы III Всероссийской морской научно-практической конференции, Мурманск, 14–15 сентября 2010 г. (Секция: Стратегические приоритеты национальной морской политики в Арктике). Мурманск: Издательство Мурманского государственного технического университета, 2010.
- [Овлащенко, Покровский 2011(а)] Овлащенко А.В., Покровский И.Ф. Глобальное океаническое соуправление: какое место в нем уготовлено России? (Политико-правовой и институциональный аспекты) // Транспортное право. 2011. № 3.
- [Овлащенко, Покровский 2011(б)] Овлащенко А.В., Покровский И.Ф. К обсуждению концепции федерального закона «О государственном управлении морской деятельностью Российской Федерации» // Транспортное право. 2011. № 4.

[Овлащенко, Покровский 2013] Овлащенко А.В., Покровский И.Ф. Перспективы правового режима морской транспортной среды российской Арктики: дуализм подходов или их эклектизм? <http://h.ua/story/372532/>

[Одум 1975] Одум Ю. Основы экологии / Пер. с 3-го англ. изд. под ред. и с предисл. Н.П. Наумова. М.: Мир, 1975.

[Основы 2008] Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. <http://www.scrf.gov.ru/documents/98.html>

[Осорьо де Альмейда 1973] Мигель А. Осорьо де Альмейда. Миф о равновесии в природе // Курьер ЮНЕСКО. 1973. Январь.

[Отчет 2013] Отчет о работе ФГБНИУ «Совет по изучению производительных сил за 2012 г.». Утвержден Ученым советом СОПС, протокол №1, 6 февраля 2013 г. М.: СОПС, 2013. <http://www.sops.ru/publikatsii/annual-reports/annual-reports.php>

[Павленко, Глухарева 2010] Павленко В.И., Глухарева Е.К. Влияние изменений окружающей среды на экономическое развитие регионов Российской Арктики // Проблемы прогнозирования. 2010. № 2.

[Пан Ги Мун 2012] Пан Ги Мун призвал спасти Антарктику – объявить ее природным заповедником. <http://www.un.org/Russian/news/ru/print.asp?newsid=16858>

[Патин 1979] Патин С.А. Влияние загрязнения на биологические ресурсы и продуктивность Мирового океана. М.: Пищевая промышленность, 1979.

[Перелет, Кукушкина, Травников 2000] Перелет Р.А., Кукушкина А.В., Травников М.А. Проблемы обеспечения экологической безопасности и управляемости в Арктике (экономико-правовые аспекты) / Российский ежегодник международного права 2000. СПб.: Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 2000.

[Писарев 1977] Писарев В.Д. США и Мировой океан. Экономико-политические тенденции освоения. М.: Наука, 1977.

[Писарев 1997] Писарев В.Д. Экологическая безопасность как компонент национальной безопасности США // США: экономика, политика, идеология. 1997. № 6.

[Писарев 2000] Писарев В.Д. Освоение Мирового океана и политика США // США–Канада: Экономика, политика, культура. 2000. № 11.

[Писарев 2002] Писарев В.Д. Управление прибрежными зонами Мирового океана: подход США и международные отношения // США–Канада: Экономика, политика, культура. 2002. № 7.

[Писарев 2010] Писарев В.Д. Дипломатия океанического соуправления / Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2010.

[Писарев 2011] Писарев В.Д. Система «океанического соуправления» и российские интересы / Международные отношения России в «новых политических пространствах»: Космос. Приполярные зоны. Воздушные и морские пространства. Глобальная информационная сфера / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: ЛЕНАНД, 2011.

[Позиция 2009] Позиция Всемирного фонда природы (61-я встреча Международной комиссии по китам и китобойному промыслу, Мадейра, Португалия, июнь 2009 г.).URL : http://www.wwf.ru/data/position/wwf-position_statement_IW61_final_rus.pdf

[Поташко 1999] Поташко А.Е. Нефть и газ арктического шельфа России / Мировой океан на пороге XXI века: Сборник научных трудов / Отв. ред. д.г.н., проф. А.П. Алхименко. СПб.: Русское географическое общество, 1999.

[По вопросу 2013] По вопросу проведения трансграничной ОВОС освоения нефтегазовых месторождений в норвежском секторе Баренцева моря. http://www.wwf.ru/resources/obrachenie_r_mid.pdf

[Предложения 2013] Предложения к дорожной карте развития международно-правовых основ сотрудничества России в Арктике: рабочая тетрадь / А.Н. Вылегжанин (рук.) и др.; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013. http://russiancouncil.ru/common/upload/wp_arctic_613.pdf

- [Приложение 2010] Приложение к Распоряжению от 8 декабря 2010 г. № 2205-р. Стратегия развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года // Интернет-портал Правительства Российской Федерации. URL : <http://government.ru/media/2010/12/17/37697/file/2205p.doc>
- [Проблема 1976] Проблема окружающей среды в мировой экономике и международных отношениях / Отв. ред. Р.А. Новиков. М.: Мысль, 1976.
- [Проект 2011] Проект ФЗ об Арктической зоне «укомплектовал» стратегию развития Арктики – разработчики. <http://dv.ria.ru/politics/20111027/82071230.html>
- [Пятилетняя 2012] Пятилетняя программа действий Генерального секретаря. 25 января 2012 года. http://www.un.org/ru/sg/priorities/sg_agenda_2012.pdf
- [Развивающиеся 1981] Развивающиеся страны: Природа и человек. М.: Мысль, 1981.
- [Распоряжение 2010] Распоряжение от 8 декабря 2010 г. № 2205-р «О стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года» // Интернет-портал Правительства Российской Федерации. URL : <http://government.ru/gov/results/13458/>
- [Реймерс 1990] Реймерс Н.Ф. Природопользование: Словарь-справочник. М.: Мысль, 1990.
- [Речь 1987] Речь М.С. Горбачева на торжественном собрании, посвященном вручению городу Мурманску ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» 1 октября 1987 года // Правда. 1987. 2 окт.
- [Робинсон 1990] Робинсон Н. Правовое регулирование природопользования и охраны окружающей среды в США / Пер. с англ. под ред. О.С. Колбасова (послесловие) и А.С. Тимошенко. М.: Прогресс, 1990.
- [Россия 2010] Россия идет по пути экологизации рыболовства. <http://www.fisheries.ru/news/12199>
- [Россия 2012] «Россия-2050+» (обзор круглых столов, проведенных Центром «Мировой океан» СОПС на тему: «Образ России 2050 года и основные векторы развития до 2070 года») // Современные производственные силы. 2012. №0. http://sops.ru/upload/SOPS_magazine_02.pdf
- [Рыбаки 2012] Рыбаки поддержали WWF. <http://www.fishnews.ru/news/17846>
- [Рыболовство 2011] Рыболовство без вреда для планеты. <http://www.fishnews.ru/news/14646>
- [Саваськов 2010] Правовой режим Арктики / Арктика: пространство сотрудничества и общей безопасности / Сост. и науч. ред. А.В. Загорский. М.: ИМЭМО РАН, 2010. <http://www.imemo.ru/ru/publ/2010/10058.pdf>
- [Сапожников, Высоцкий, Головатый, Амаян 1984] Сапожников В.И., Высоцкий А.Ф., Головатый С.П., Амаян Н.Д. Охрана морской среды (правовые и экономические аспекты). Киев: Наукова думка, 1984.
- [Сиваков 2009] Сиваков Д.О. Право и Арктика: современные проблемы // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2009. Вып. 2.
- [Синецкий 2011] Синецкий В. Концептуальная модель федерального закона «О государственном управлении морской деятельностью Российской Федерации» // Морской сборник. 2011. № 4.
- [Скаридов 2006] Скаридов А.С. К вопросу о совершенствовании российского морского законодательства / Ежегодник морского права 2005 / Отв. ред. А.Л. Колодкин. М.: «Союзморинипроект», 2006.
- [Словарь 1985] Словарь международного морского права / Отв. ред. Ю.Г. Барсегов. М.: Международные отношения, 1985.
- [Современное 1974] Современное международное морское право. Режим вод и дна Мирового океана / Отв. ред. М.И. Лазарев. М.: Наука, 1974.
- [Соломатин, Гордеев 2007] Соломатин В.И., Гордеев В.В. О разработке стратегической программы действий по защите арктической морской среды России // Вестник МГУ. Сер. 5. География. 2007. № 1.
- [Столбов 2011] Столбов А.Г. Рациональное использование морских природных ресурсов и комплексное управление прибрежными зонами (КУПЗ) / Стратегическое планирование в регионах и городах России: Стратегия модернизации и модернизация стратегий / Доклады участников IX Общероссийского форума «Стратегическое планирование в регионах и городах России». Санкт-Петербург, 18 – 19 октября 2010 г. / Под ред. Б.С. Жихаревиича. СПб.: Леонтьевский центр, 2011.

- [Стратегия 2013] Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. <http://правительство.рф/docs/22846/>
- [Сысуев, Знахуренко 2011] Сысуев Ю., Знахуренко Э. Национальная морская политика на Арктическом региональном направлении в сфере военной безопасности // Морской сборник. 2011. № 1.
- [Сэндс 1992] Сэндс Ф. Роль природоохранных неправительственных организаций в развитии, применении и введении международного природоохранительного права / Советский ежегодник международного права 1989–90–91 / Под общ. ред. Л.Н. Галенской. СПб.: Социально-коммерческая фирма «Россия–Нева», 1992.
- [Телегина 2010] Телегина Е.А. Ресурсная кладовая Арктики / Арктика: пространство сотрудничества и общей безопасности / Сост. и науч. ред. А.В. Загорский. М.: ИМЭМО РАН, 2010. <http://www.imemo.ru/ru/publ/2010/10058.pdf>
- [Теория 2003] Теория и практика морской деятельности. Вып. 1. Размышления о рыболовстве / Под ред. Г.К. Войтоловского. М.: СОПС. 2003.
- [Теория 2004] Теория и практика морской деятельности. Вып. 2. Реферативный очерк отчета о НИР по теме: «Оптимизация отношений пользователей различными природными ресурсами прибрежных зон Российской Федерации и анализ эффективности морской деятельности страны» (колл. авт.) / Под ред. Г.К. Войтоловского. М.: СОПС, 2004.
- [Теория 2005(а)] Теория и практика морской деятельности. Вып. 4. Реализация системного подхода. М.: СОПС, 2005. С. 13. URL : http://www.morskayakollegia.ru/publikacii/nauchnye_trudy/arhiv/20090318042609-9588.pdf
- [Теория 2005(б)] Теория и практика морской деятельности. Вып. 5. Динамика развития / Под ред. Г.К. Войтоловского. М.: СОПС, 2005. URL : http://www.morskayakollegiya.ru/publikacii/nauchny_trudy/arhiv/20090318043415-8928.pdf
- [Теория 2006] Теория и практика морской деятельности. Вып. 8. Факторы развития: внутренние и внешние. М.: СОПС, 2006. URL : http://www.morskayakollegia.ru/publikacii/nauchnye_trudy/arhiv/20090318043548-6599.pdf
- [Теория 2007] Теория и практика морской деятельности. Вып. 13. Грядущие вызовы. К обоснованию перспектив морской деятельности России. М.: СОПС, 2007. URL : http://www.morskayakollegia.ru/publikacii/nauchnye_trudy/arhiv/20090318043757-4555.pdf
- [Теория 2008] Теория и практика морской деятельности. Вып. 16. Подходы к стратегическому прогнозированию / Под ред. Г.К. Войтоловского. М.: СОПС, 2008. URL : http://www.morskayakollegiya.ru/publikacii/nauchny_trudy/arhiv/20090327145822-6525.pdf
- [Теория 2009] Теория и практика морской деятельности. Вып. 18. Международные условия / Гиголаев Г.Е., Гудев П.А. (авторы составители) / Под ред. Г.К. Войтоловского. М.: СОПС, 2009.
- [Тимошенко 1986] Тимошенко А.С. Формирование и развитие международного права окружающей среды / Отв. ред. О.С. Колбасов. М.: Наука, 1986.
- [Тимошенко 1989] Тимошенко А.С. Глобальная экологическая безопасность – международно-правовой аспект // Советское государство и право. 1989. № 1.
- [Тимошенко 2010] Тимошенко А.И. Советские инициативы в Арктике в 1920-е гг. (К вопросу о стратегической преемственности) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2.
- [Уатт 1971] Уатт К. Экология и управление природными ресурсами. Количественный подход / Пер. с англ. под ред. и с предисл. проф. Н.П. Наумова. М.: Мир, 1971.
- [Указ 1984] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1984 г. № 1398-XI «Об усилении охраны природы в районах Крайнего Севера и морских районах, прилегающих к северному побережью СССР». <http://arhiv.inpravo.ru/data/base143/text143v66i1423.htm>
- [Указ 2010] Указ Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». <http://www.rg.ru/2010/02/03/prod-dok.html>
- [Утверждена 2013] Утверждена Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации до 2020 года. <http://www.sops.ru/publikatsii/news/417/>
- [Филиппенкова 2012] Филиппенкова М.О. Двусторонние договоры Российской Федерации в области охраны окружающей среды в Арктическом регионе / Международное сотрудничество в

области охраны окружающей среды, сохранения и рационального управления биологическими ресурсами в Северном Ледовитом океане. Материалы Международного научного симпозиума (Москва, 4 сентября 2012 г., РСМД): рабочая тетрадь / Рук. колл. А.Н. Вылегжанин; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2012. http://russiancouncil.ru/common/upload/wp_arct_112.pdf

[Хайкин, Кузнецов 1978] Хайкин М.С., Кузнецов В.И. Мировой океан и современные проблемы природопользования / В кн.: Социально-экономические проблемы природопользования. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1978.

[Хайлимэн 2012] Хайлимэн С. Предотвращение нерегулируемого рыболовства в районе открытого моря в центральной части Северного Ледовитого океана / Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды, сохранения и рационального управления биологическими ресурсами в Северном Ледовитом океане. Материалы Международного научного симпозиума (Москва, 4 сентября 2012 г., РСМД): рабочая тетрадь / Рук. колл. А.Н. Вылегжанин; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2012. http://russiancouncil.ru/common/upload/wp_arct_112.pdf

[Хакапаа 1986] Хакапаа К. Загрязнение морской среды и международное право / Пер. с англ. В.А. Киселева. Под ред. и со вступ. ст. А.Л. Маковского. М.: Прогресс, 1986.

[Халий 2008] Халий И.А. Экологическое общественное движение и власть: формы взаимодействия // ПОЛИС. Политические исследования. 2008. № 4.

[Харлампыева 2010] Харлампыева Н.К. Международное сотрудничество в Арктике: эколого-политический аспект // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. №3.

[Хлуднева 2012] Хлуднева Н.И. Правовая охрана окружающей среды Арктики / Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды, сохранения и рационального управления биологическими ресурсами в Северном Ледовитом океане. Материалы Международного научного симпозиума (Москва, 4 сентября 2012 г., РСМД): рабочая тетрадь / Рук. колл. А.Н. Вылегжанин; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2012. http://russiancouncil.ru/common/upload/wp_arct_112.pdf

[Хмелева 2012(а)] Хмелева Е.Н. Развитие правовых механизмов комплексного (интегрированного) управления природными ресурсами Арктических морей. http://www.wwf.ru/data/.../tezisy_kompleksnoe_upravlenie_hmeleva.doc

[Хмелева 2012(б)] Хмелева Е.Н. Основные тенденции развития экологического законодательства / Сборник материалов всероссийской конференции «Экологические проблемы регионов России и способы их решения». 19–20 апреля 2012 г. Санкт-Петербург. http://bellona.ru/filearchive/fil_Bellona_EU_sbornik_2012_3.pdf

[Холдрен, Эрлих 1974] Холдрен Дж., Эрлих П. Человек и природа: нарушенное равновесие // За рубежом. 1974. № 35.

[Чернов 2004] Чернов И.Н. Освоение Приразломного нефтяного и Штокмановского газоконденсатного месторождений в условиях арктического шельфа – важнейшая составляющая в экономике Европейского Севера страны // Нефтяное хозяйство. 2004. № 9.

[Чичварин 1970] Чичварин В.А. Охрана природы и международные отношения. М.: Международные отношения, 1970.

[Шаронова 2008] Шаронова С.А. Сетевой маркетинг как методология современных социальных технологий / EU and Latvia: Problems of Governance. International conference «EU Integration: Governance and Entrepreneurship», Riga, November 22, 2007. Riga: Baltic International Academy, 2008.

[Экологические 1981] Экологические системы. Адаптивная оценка и управление / Под ред. К.С. Холинга; с предисл. акад. Д.М. Гвишиани. М.: Издательство «Мир», 1981.

[Экологические 1984] Экологические проблемы в современной идеологической борьбе: Критика идеологии и политики антикоммунизма / Рук. авт. колл. В.В. Косолапов. Киев: Политиздат Украины, 1984.

[Экологические 2012] Экологические аспекты рыболовства и сертификация по стандартам MSC. <http://www.fishnews.ru/news/19029>

[Экология 1972] Экология и политика (Проблемы защиты природной среды): Международные дискуссии марксистов. Прага: Издательство «Мир и социализм», 1972.

[6 российских 2012] 6 российских тенденций в охране окружающей среды. <http://www.wwf.ru/resources/news/article/10646>

[Axworthy 2010] Axworthy T. Canada Bypasses Key Players in Arctic Meeting // Toronto Star. 2010. March 29.

[Berkman, Young 2009] Berkman P., Young O. Governance and Environmental Change in the Arctic Ocean // Science. 2009. Vol. 324. Issue 5925.

[Efferink 2012] Efferink van L. Polar Partners or Poles Apart? On the discourses of two US think tanks on Russia's presence in the «High North» // The Geographical Journal. 2012. Vol. 178. No.1.

[Fougner 2006] Fougner T. Economic Nationalism and Maritime Policy in Norway // Cooperation and Conflict. 2006. Vol. 41.

[Franckx 1998] Franckx E. Regional Marine Environment Protection Regimes in the Context of UNCLOS // The International Journal of Marine and Coastal Law. 1998. Vol. 13. No. 3.

[Grieve, Short 2007] Grieve C., Short K. Implementation of Ecosystem-Based Management in Marine Capture Fisheries. Case studies from WWF's Marine Ecoregions. Gland (Switzerland): Global Marine Programme WWF International, 2007.

[Grigorieva 2004] Grigorieva O. A Russian Academician's View on Developing Shtokman & Prirazlomnoye // Eurasia Offshore: Technology & Trends for Sakhalin, The Caspian, Barents, Baltic & Black Seas. 2004. Summer.

[Hoel 2009] Hoel A. Do We Need a New Legal Regime for the Arctic Ocean? // International Journal of Marine & Coastal Law. 2009. Vol. 24. Issue 2.

[Moore 2004] Moore J.N. Russian Maritime Policy and Energy Resources / International Conference «International Energy Policy, Arctic and the Law of the Sea» (June 23–26, 2004, St. Petersburg, Russian Federation) [Из личных записей А.В. Овлащенко].

[Ovlashchenko, Pokrovsky 2007] Ovlashchenko A., Pokrovsky I. Legal Regime of the Northern Sea Route // Russian Law: Theory and Practice. 2007. No. 2.

[Patrick 2011] Patrick S.M. Sea Change: Our Dying Oceans. URL : <http://blogs.cfr.org/patrick/2011/06/22/sea-change-our-dying-oceans>

[Performance 2007] Performance of Environmental NGOs in Former Soviet Union Countries: A Comparative Study in the Baltic States, Belarus, Russia, and the Ukraine. 2007.

[Sand 2012] Sand P. «Marine protected areas» off UK overseas territories: comparing the South Orkneys Shelf and the Chagos Archipelago // The Geographical Journal. 2012. Vol. 178. No.3.

[Stokke 2007] Stokke O. A Legal Regime to the Arctic?: Interplay With the Law of the Sea Convention // Marine Policy. 2007. Vol. 31. Issue 4.

[The Arctic 2008] The Arctic Merits the European Union's Attention – First Step Towards an EU Arctic Policy. URL : http://ec.europa.eu/maritimeaffairs/press/press_rel201108_en.html

[The Global 2012] The Global Oceans Regime. Publisher: Council on Foreign Relations. URL : <http://www.cfr.org/africa/global-oceans-regime/p21035>

[The Lenfest] The Lenfest Foundation Website: Homepage. URL : <http://www.lenfestfoundation.org/LffHome.htm>

[The Pew] The Pew Charitable Trusts. Marine Science. URL : http://www.pewtrusts.org/our_work_category.aspx?id=148

[WWF 2013] WWF: «Эксон» и «Роснефть» получили от российского правительства мандат на разрушение Арктики. <http://www.wwf.ru/resources/news/article/10847>

[Young 2009] Young O. The Arctic in Play: Governance in a Time of Rapid Change // International Journal of Marine & Coastal Law. 2009. Vol. 24. Issue 2.

MoreBooks!
publishing

yes **i want morebooks!**

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на
www.more-books.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.get-morebooks.com

VDM Verlagsservicegesellschaft mbH

Heinrich-Böcking-Str. 6-8
D - 66121 Saarbrücken

Telefon: +49 681 3720 174
Telefax: +49 681 3720 1749

info@vdm-vsg.de
www.vdm-vsg.de

